ISSN 0236-2910

ВЕСТНИК
МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1. 2006

СЕРИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Основан в январе 1990 г.
Выходит один раз в квартал

№ 1
2006
Серия
"Юридические науки"

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель Мордовский университет

Журнал зарегистрирован Исполкомом Ленинского районного (городского) Совета народных депутатов МАССР 13.11.90.
Регистрационный номер 1

Макаркин Н. П. Университетская пятилетка 3

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНАЛИСТИКА

Анощенкова С. А. Цели наказания как символы уголовной политики 16
Чебурёнков А. А. Соотношение раскрытия и расследования преступлений 25
Малышкин П. В., Чукуров А. В. Структура криминалистической характеристики криминальных банкротств 32
Тасаков С. В. Нравственные начала уголовного закона о необходимой обороне и поиск средств его совершенствования 37

ГРАЖДАНСКОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Абрамов В. Г. Объект экологического правонарушения: понятие и особенности социального содержания 44
Емелькина И. А. Современные теории о сущности недвижимого имущества 51

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Петрихова С. В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых при прекращении уголовного дела и преследования 57
Мухуднинова Н. Р. Обеспечение конституционного праза на получение квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства, свобода которых ограничена 65

Калинкина Л. Д. Основания для производства повторных и дополнительных следственных действий в российском уголовном судопроизводстве 70
Сухова О. А. К вопросу о свободе кассационного обжалования по УПК Российской Федерации 74
Калинкина Л. Д., Волощенко А. В. Практика отмены и изменения судебных решений, вступивших в законную силу 83
Курышева Н. С. Жалоба на незаконные и необоснованные действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя и прокурора 90
Калинкин Ю. А. Судебная реформа в России: от прошлого к настоящему 97

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Пилипенко С. Г. О современных проблемах и модели развития законодательства субъектов Российской Федерации об исполнительной власти (Приволжский федеральный округ) 102
Потапова С. В. Проблемы формирования социального законодательства субъектов России как комплексного структурного образования в условиях глобализации 109
Дудко И. Г., Уздимаева Н. И. Законодательное регулирование отношений в сфере медицины и здравоохранения субъектами Российской Федерации (на примере субъектов Приволжского федерального округа) 117
Куракина С. И. К вопросу о правовой природе Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации 123
Худойкина Т. В., Калачина О. С. Административно-правовые механизмы управления природопользованием и охраной окружающей среды в Республике Мордовия 127

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Фомина Л. Ю., Васягина М. М. Значение унификации нормативной правовой терминологии для профилактики конфликтов в правовой сфере 134
Тараканова Н. Г. Жрецы Фемиды: к истории формирования юридической профессии в российской провинции во второй половине XIX в. 142
Уздимаева Н. И. Понятие юридической квалификации правомерного поведения 150
Васягина М. М. Использование результатов социологических исследований в профилактической работе 153
Васягина М. М., Левин О. В. Мотивы и стимулы юридического диалога 158
Левин О. В. Средства стимулирования в праве 165
Левин В. Ф., Брыжинский А. А., Худойкина Т. В. Перспективы развития альтернативных форм разрешения правовых споров и конфликтов 173
Брыжинский А. А., Худойкина Т. В. Общие задачи совершенствования негосударственного регулирования конфликтов в Российской Федерации 181

Главный редактор **Н. П. Макаркин**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Черкасов В. Д. (зам. гл. ред.), *Шалкарин К. И.* (зам. гл. ред.), *Бусарова Р. Н.* (зам. гл. ред.), *Воскресенский Е. В., Ерофеев В. Т., Мишанин Ю. А., Мокшин Н. Ф., Мосин М. В., Ревин В. В., Романов М. Д., Савкин Н. С., Сенин П. В., Сухарев А. И., Фомин Н. Е.*

Адрес редакции: 430000, г. Саранск, ул. Большевистская, 68.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПЯТИЛЕТКА

Н. П. МАКАРКИН, доктор экономических наук, профессор,
ректор Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

1 октября 2006 г. исполняется 75 лет со дня основания Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Для Республики Мордовия это значимое событие. Университет сыграл важнейшую роль в становлении автономии, социально-экономическом развитии, сохранении и приумножении культурного наследия мордовского края. Основание такого крупного учебно-научного центра позволило практически полностью обеспечить региональные потребности в высококвалифицированных специалистах.

Сегодня Мордовский университет является одним из ведущих вузов Российской Федерации. В соответствии с национальными и региональными потребностями он из года в год наращивает масштабы образовательной, научной и культурной деятельности.

В юбилейном году коллектив вуза подвел итоги реализации «Программы развития Мордовского государственного университета на 2001 — 2005 гг.». За этот период он добился улучшения всех основных показателей развития и укрепил свои позиции в числе передового отряда российских высших учебных заведений.

Происшедшие позитивные перемены в развитии вуза обусловлены двумя основными факторами. Первый из них — это заметное усиление внимания государства к проблемам образования, расходы на которое растут более быстрыми темпами по сравнению с другими статьями государственного бюджета. Государственные органы исполнительной и законодательной власти активно подключились к рассмотрению проблем модернизации образования, и особенно профессиональной школы. Принят целый ряд решений и законопроектов в этой области. Большое внимание проблемам образования уделяет Президент страны В. В. Путин, о чем свидетельствует, в частности, его участие в состоявшемся в июне 2006 г. VIII съезде Российского союза ректоров. Усиление заинтересованности государства в решении проблем образования, несомненно, положительно влияет на работу каждого учебного заведения, что открывает большие возможности для их развития.

Второй не менее важный фактор позитивных перемен — это, конечно, целенаправленная, слаженная и конструктивная работа самого коллектива университета, и прежде всего его менеджмента.

Можно выделить ряд событий и фактов, произошедших за прошедшие пять лет, получивших широкий резонанс в вузовской общественности и убедительно свидетельствующих о позитивной динамике развития Мордовского университета и росте его авторитета в стране.

© Н. П. Макаркин, 2006

Прошедшая пятилетка стала благоприятной для университета с точки зрения укрепления позиций в составе классических университетов России. По итогам их ежегодной рейтинговой оценки, осуществляемой Министерством образования и науки РФ, Мордовский университет улучшил свое положение, поднявшись с 23-го места на 19-е.

В 2002 г. положительная оценка деятельности вуза была дана группой международных экспертов, посетивших Республику Мордовия под эгидой программы «Советники по образовательным вопросам» университетского проекта Зальцбургского семинара. Университет стал победителем конкурса «100 лучших товаров России», организованного Госстандартом РФ и Академией проблем качества, в номинации «Услуги в сфере образования». Впервые коллектив вуза принял участие в эксперименте по введению единого государственного экзамена (ЕГЭ).

В 2003 г. университетом получены новая лицензия на право ведения образовательной деятельности и свидетельство о государственной аккредитации вуза с двумя филиалами до 2008 г.; впервые выполнены требования к критериальным значениям всех показателей государственной аккредитации университетов; коллективом вуза принят идеологический документ — «Миссия Морловского государственного университета», провозглашающая общественную значимость, фундаментальные и долговременные основы деятельности вуза.

В 2004 г. по итогам проведенного Министерством образования РФ открытого конкурса на лучшую научную работу студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам в вузах Российской Федерации университет среди участников из 314 российских вузов поделил 5 — 6-е места с Самарским государственным техническим университетом; эти же вузы поделили 1 — 2-е места в Приволжском федеральном округе. Университет награжден дипломом организованного Правительством РФ Всероссийского конкурса «1000 лучших предприятий и организаций России-2004» в номинации «Лучшие предприятия и организации в сфере образования и науки».

В 2004 и 2005 гг. университет по итогам всероссийских конкурсов, проведенных Независимым общественным советом, сформированным Министерством образования и науки РФ, Советом Федерации Федерального Собрания РФ, Государственной Думой РФ и Российским союзом ректоров, награжден дипломами лауреата конкурса «Золотая медаль "Европейское качество"» в номинации «100 лучших вузов».

В 2005 г. университет занял 13-е место в рейтинге вузов страны, готовящих кадры для управления в высших эшелонах власти; созданы филиал университета в г. Москва и представительство в п. Торбеево Республики Мордовия; введены в эксплуатацию новый аудиторный блок и учебно-лабораторный корпус общей площадью 12 416 м^2; впервые коллективом вуза начата подготовка бакалавров по 12 направлениям; принят базовый документ системы менеджмента качества — «Политика Мордовского государственного университета

им. Н. П. Огарева в области качества образовательной деятельности».

В 2006 г. в рамках Федеральной целевой научно-технической программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники», реализуемой Федеральным агентством по науке и инновациям и Советом по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ страны, Республика Мордовия, представленная университетом, заняла 5-е место среди регионов России в конкурсе молодых докторов наук; университет вошел в число 28 вузов России — финалистов конкурса лучших инновационных программ в рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование»; университет стал дипломантом конкурса «Системы обеспечения качества подготовки специалистов», организованного Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки; впервые объявлен прием в магистратуру по 4 направлениям.

Аналитическими службами университета проведен системный анализ его развития по основным направлениям деятельности. В истекшей пятилетке здесь открыто 13 новых специальностей высшего профессионального образования, 3 специальности среднего профессионального образования. В настоящее время университет имеет лицензии на подготовку специалистов по 79 специальностям, 33 направлениям бакалавриата и 4 направлениям магистратуры.

Из 29 укрупненных групп специальностей (направлений подготовки), на которые разбит весь перечень существующих в России профессиональных образовательных программ, университет реализует основные образовательные программы по 18 группам, в то время как критерий государственной аккредитации, используемый при экспертизе показателей деятельности высших учебных заведений различных видов, для университетов равен семи.

Интенсивная работа по оптимизации структуры подготовки кадров и увеличению числа специальностей за пятилетку не повлекла роста плана приема студентов по программам первого высшего и среднего профессионального образования. Более того, в этот период общий прием студентов снизился с 6 011 до 5 349 чел. Однако предпринятые коллективом вуза усилия позволили минимизировать негативное влияние демографического фактора (в принципиальном плане предопределившего значительное сокращение выпуска из школ), на динамику общего приема студентов в университет. Этому, в частности, способствовала ориентация университета на развитие качественных показателей подготовки кадров и внедрение новых форм образовательных услуг (дополнительное образование, повышение квалификации, переподготовка кадров и др.).

В Мордовии, как и в целом по стране, ситуация с приемом абитуриентов усложняется, поскольку сокращение числа выпускников школ будет проходить и в дальнейшем. Однако коллектив университета проводит необходимую работу по совершенствованию и расширению масштабов профориентационной деятельности. Пла-

нируется дальнейшее увеличение приема иностранных студентов, численность которых за пятилетку возросла в 2,5 раза. Хорошие тенденции отмечены в системе дополнительного образования, где контингент слушателей за этот период увеличился на 3 500 чел.

Общее число студентов, обучающихся в университете по всем специальностям и по всем формам, за пять лет увеличилось с 24 792 до 27 605 чел. В 2004 г. контингент студентов достиг максимальной цифры — 27 797 чел. Выпуск специалистов увеличился с 3 652 до 4 380 чел. При этом выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием вырос в 1,2 раза, со средним профессиональным образованием — в 1,3 раза.

Одним из важнейших направлений работы коллектива университета является обеспечение высокого качества предоставляемых образовательных услуг. Ведется работа по улучшению качества образования. Качество подготовки обучающихся и содержание учебных планов и программ учебных дисциплин соответствуют требованиям государственных образовательных стандартов. Важнейшим показателем, характеризующим уровень подготовки специалистов, является процент студентов, получивших дипломы с отличием. Этот показатель достиг 20,7 % и достаточно стабилен на протяжении последних лет.

В 2004 г. для координации работ по формированию системы качества в университете созданы совет по качеству образовательной деятельности и отдел менеджмента качества образовательной деятельности. В институтах, на факультетах и кафедрах назначены менеджеры по качеству. На базе экономического факультета открыт и функционирует соответствующий центр. Об успехах коллектива в этой области свидетельствует признание университета в качестве дипломанта конкурса Министерства образования и науки России «Системы обеспечения качества подготовки специалистов».

К числу факторов, предопределяющих качество образовательной деятельности, объективно относится уровень учебно-методической обеспеченности профессиональной подготовки специалистов. В этой области в вузе достигнуты хорошие результаты. За 5 лет издано около 1 тыс. учебников и учебных пособий, в том числе с грифом министерств и УМО — 260. Основная часть нагрузки в этом процессе лежит на Издательстве Мордовского университета.

Важнейшую роль в учебно-методическом обеспечении учебного процесса играет библиотека. За пятилетку библиотечный фонд увеличен на 31 804 наименования (275 697 экз.). Он формируется за счет книг и периодических изданий. В качестве дополнительного источника комплектования используется потенциал информационных ресурсов Интернета.

В прошедшем пятилетии в университете проведена эффективная работа по совершенствованию системы довузовского образования, центральным элементом которого является факультет довузовской подготовки и среднего профессионального образования. В рамках факультета функционируют

курсы по подготовке в вузы, отделение среднего профессионального образования, а также кафедра методики преподавания общеобразовательных дисциплин. Оказываются дополнительные образовательные услуги. За пятилетку на факультете прошли обучение около 5 000 чел.

Важным направлением работы университета является предоставление возможности для получения дополнительного образования. За 5 лет через систему дополнительного образования прошли свыше 24 000 чел. Помимо базового подразделения — Института повышения квалификации и переподготовки кадров в университете эффективно функционируют центры, которые реализуют программы различной профессиональной направленности, в их числе учебно-методический центр подготовки муниципальных служащих по программе «Система подготовки кадров, поддержки и сопровождения органов местного самоуправления».

Получила дальнейшее развитие система повышения квалификации научно-педагогических кадров Республики Мордовия, основными звеньями которой являются подразделения Института повышения квалификации и переподготовки кадров: факультет повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования и факультет повышения квалификации преподавателей высших и средних специальных учебных заведений.

За пять лет университету удалось существенно улучшить количественные и качественные показатели, касающиеся развития научно-педагогического персонала. В составе штатного профессорско-преподавательского персонала число докторов наук, профессоров возросло со 128 до 188 чел. (на 60 чел.), кандидатов наук, доцентов — с 833 до 1 014 чел. (на 181 чел.).

Для работы на условиях совместительства университет привлекает 290 чел., в том числе 58 докторов наук, профессоров, 108 кандидатов наук, доцентов. Из 156 кафедр 101 возглавляют доктора наук, профессора, что составляет 65 %.

Существенный вклад в обеспечение качественного роста профессорско-преподавательского состава вносят аспирантура, докторантура и диссертационные советы университета. За пятилетку эффективность аспирантуры выросла с 34 до 42 %. В настоящее время аспирантура университета имеет лицензии по 93 научным специальностям.

В связи с особой важностью для университета подготовки докторов наук в 2001 г. была принята программа подготовки данной категории научно-педагогических кадров на 2001 — 2005 гг., в соответствии с которой предусматривалось принять в докторантуру 74 чел., фактически было принято 86 чел., т. е. этот показатель перевыполнен на 16 %.

Всего преподавателями и сотрудниками университета за пятилетний период защищено 78 докторских и 505 кандидатских диссертаций (в предыдущей пятилетке — соответственно 59 и 257).

Существенная работа была проведена по оптимизации собственной сети диссертационных советов: от-

крыт 1 докторский совет по 2 специальностям, 3 кандидатских совета преобразованы в докторские. В настоящее время в университете действуют 10 докторских советов по 26 специальностям и 4 кандидатских совета по 8 специальностям. За пять лет в них защищено 65 докторских и 655 кандидатских диссертаций.

В университете ведется интенсивная научная работа. Среднегодовой объем финансирования исследований на единицу научно-педагогического персонала за 5 лет превысил 21 тыс. руб. при нормативе 18 тыс. руб. Росту объемов научных исслдований способствовала целенаправленная работа по улучшению организации, стимулированию деятельности творческих коллективов.

Стабильно увеличивается объем исследований по заказам предприятий, фирм, корпораций Республики Мордовия и других регионов Российской Федерации (с 6,9 млн руб. в 2001 г. до 20,2 млн руб. в 2005 г.). Востребованы университетские инновационные разработки, научно-технические услуги в области строительства, экологии, информационных технологий, экономики, светотехники, электроники, биотехнологии. В целом за последнее пятилетие подготовлены для внедрения более 280 разработок, современных технологий для различных отраслей хозяйственного комплекса страны.

Научные коллективы представляли свои достижения на международных, российских и региональных выставках. За инновационные разработки были получены 22 медали, 83 диплома, 6 поощрительных призов.

Ежегодно коллектив университета выступал в качестве организатора научных конференций, семинаров, симпозиумов и других мероприятий как российского, так и международного уровня. В течение пяти лет вузом проведены 41 международный и 62 всероссийских форума.

В 2001 — 2005 гг. наши ученые получили 109 патентов на объекты промышленной собственности — изобретения и полезные модели. Кроме того, впервые университет стал правообладателем 14 программ для ЭВМ в области машиностроения, экономики и энергетики.

За пятилетку учеными опубликовано 346 монографий (из них 1 — за рубежом и 84 — в центральных издательствах и издательствах ведущих вузов России), 282 сборника научных трудов, они выступили авторами 80 энциклопедических изданий, справочников, словарей, хрестоматий. Количество опубликованных монографий за этот период выросло в 4 раза.

Коллектив университета издает научно-публицистический журнал «Вестник Мордовского университета», «Труды Средневолжского математического общества», федеральный научно-методический журнал «Интеграция образования» и федеральный научно-публицистический журнал «Регионология».

Последние годы университет шел по пути создания вуза инновационного типа. Стратегическое партнерство вуза с предприятиями разных отраслей промышленности выразилось в создании инновационно-технологических центров. С целью активизации инновационной деятельности в университете создан межвузовский

центр трансфера технологий. Для коммерциализации научно-технической продукции созданы четыре малых инновационных предприятия.

Университет укрепляет связи с академической наукой. Существенным шагом по пути развития такого сотрудничества стало открытие при университете сектора Российской академии сельскохозяйственных наук и Представительства Отделения общественных наук РАН. При вузе также работают 10 региональных отделений общественных российских и международных академий.

В 2001 — 2005 гг. сохранялась устойчивая тенденция к увеличению числа студентов, участвующих в научно-исследовательской деятельности. Об этом свидетельствует число публикаций студентов в научной периодике за рубежом, в центральной печати, в изданиях университета и других российских вузов. Ежегодно около 100 студентов выступают с научными сообщениями на международных и российских конференциях за пределами вуза, до 1 200 человек — на конференциях, проводимых на базе университета. Свыше 200 студентов за последние годы участвовали в исследованиях по международным и российским грантам.

По итогам всероссийских олимпиад в 2001 — 2005 гг. студенты университета заняли 27 первых мест, 22 вторых, 25 третьих. Ими получено 26 медалей, 146 дипломов Министерства образования и науки РФ, 134 диплома различных российских конкурсов.

Внеучебная воспитательная работа в университете осуществляется на трех уровнях: кураторская работа с академической группой; внеучебная воспитательная работа в рамках факультетов (институтов); внеучебная работа структурных подразделений университета. Ее выполняют такие подразделения, как гуманитарный совет университета, воспитательные советы факультетов и институтов, Дом культуры, студенческий совет, музейный комплекс, отдел молодежных инициатив, служба психологического консультирования, центр развития социальной активности студенческой молодежи, центр содействия занятости студентов и трудоустройства выпускников университета, управление по связям с общественностью, спортклуб.

Развитие всех сфер университетской жизни невозможно представить без студенческого самоуправления. В рамках студенческого совета сформированы учебный, научный, информационно-аналитический, культурно-массовый, социально-экономический, спортивный секторы. В 2004 г. создана общественная организация — Союз студентов Мордовского государственного университета.

В 2001 — 2005 гг. наши спортсмены успешно выступали на городских, республиканских, всероссийских и международных соревнованиях. В 2001 г. сборная команда университета по легкой атлетике стала бронзовым призером зимнего чемпионата России по легкой атлетике среди студентов. В 2002 г. сборная университета по лыжным гонкам заняла 3-е общекомандное место на чемпионате России среди студентов. В 2003 г. на чемпионате Европы по спортивной ходьбе среди юниоров Владимир Порваткин занял 1-е место, в 2004 г. он стал

участником летних Олимпийских игр в Афинах, а в 2005 г. выиграл чемпионат России. Андрей Святоха стал победителем Всероссийских соревнований по боксу, а Максим Мороз на этих соревнованиях занял 3-е место. В 2006 г. Ольга Канискина стала первой в чемпионате России по спортивной ходьбе на 20 км, Наталья Курбатова заняла 1-е место в чемпионате России по марафону в молодежной подгруппе и 2-е место — среди взрослых. Ежегодно легкоатлетическая команда университета становилась победителем традиционной республиканской легкоатлетической эстафеты, посвященной Дню Победы. Это только малая часть спортивных достижений наших студентов.

Информационная инфраструктура университета развивается в соответствии с программой информатизации, которая была принята в 2002 г. Среди главных задач — создание и обеспечение телекоммуникационной системы, охватывающей все структурные подразделения вуза. В 2001 г. в университете разработано и принято положение о вузовской корпоративной сети. Ученые и специалисты университета активно участвуют в реализации республиканских и федеральных целевых программ по информатизации.

За анализируемый период компьютерный парк увеличился в 1,9 раза и составил 2 367 единиц техники.

В 2003 г. в университете открыт сектор дистанционного обучения, который в 2006 г. преобразован в отдел дистанционного образования. В настоящее время информационными службами университета совместно с факультетами и институтами активно ведется разработка электронных учебно-методических комплексов.

Активно внедряются автоматизированные технологии управления как учебным процессом (системы «Абитуриент», «Деканат»), так и процессами менеджмента (АСУ «Кадры», АСУ «1С: Предприятие»).

Ведущее положение университета как научно-образовательного центра подтверждается фактом функционирования в его структуре Регионального учебного округа, который оформлен в ассоциацию, имеющую устав, ученый и попечительский советы. В его состав входят 145 образовательных и других учреждений Мордовии. В структуре округа за пятилетку созданы научно-исследовательская лаборатория «Интеграция образования»; филиал при Мордовском республиканском институте образования.

Региональным учебным округом проводится экспертиза образовательной среды в школах Саранска, Рузаевки, а также некоторых районов Республики Мордовия. Округ прочно занял место методического центра по работе с одаренной школьной молодежью в Мордовии, что сделало его практически значимой структурой для руководства региональной системы образования, учителей и учащихся.

В современных условиях важным направлением работы коллектива университета является развитие международного сотрудничества по целому ряду направлений на основе договоров и соглашений на условиях безвалютного обмена, в рамках различных видов командировок, приема иностранных делегаций и проведения междуна-

родных семинаров и конференций, обучения иностранных граждан на условиях полного возмещения затрат, информационно-аналитической и маркетинговой деятельности. На сегодня в университете действуют 24 договора о творческом научно-техническом сотрудничестве с вузами и организациями 19 стран мира.

В рамках развития международной деятельности университет ежегодно принимает от 5 до 8 иностранных делегаций. Например, результатом визита делегации Медицинского совета Республики Шри-Ланка в 2004 г. с целью проведения инспектирования медицинского факультета стала аккредитация его диплома.

Положительная динамика наблюдается в численности иностранных граждан, обучающихся в университете. Значительно увеличилось количество факультетов, институтов, принимающих эту категорию студентов. Управление международных связей продолжает работу по более активному экспорту образовательных услуг в страны ближнего зарубежья.

В 2005 г. работавший в университете Шведский центр реорганизован в Центр международного сотрудничества и академической мобильности, основными направлениями деятельности которого являются активизация действующих и поиск новых программ международного обмена в сфере образования, науки и культуры. С 2005 г. ведется работа по развитию такого направления международных связей, как учебный туризм.

В связи с тем что все больше иностранных граждан приезжает учиться в университет, при управлении международных связей планируется открытие Регионального центра тестирования по русскому языку как иностранному.

Работа в области совершенствования материально-технической базы в университете проводится по нескольким направлениям: капитальное строительство, капитальный и текущий ремонт, техническое оснащение учебной, научной и информационной деятельности, приобретение мебели и инвентаря, поддержание в рабочем состоянии инженерных коммуникаций и сетей зданий и сооружений. На развитие материальной базы за пятилетку университетом потрачено 408 млн руб.

В области капитального строительства за анализируемый период освоено 159 916,3 тыс. руб. Были введены в эксплуатацию общежитие в п. Ялга на 640 мест; спортивный корпус — пристройка к учебному корпусу № 1; учебно-лабораторный корпус по ул. Полежаева с аудиторным блоком. Начато строительство 2-й очереди учебно-лабораторного корпуса для юридического факультета. Продолжается возведение учебного корпуса с теплой стоянкой для автомашин. Сформирована необходимая нормативная база и подготовлена проектная документация для строительства 3-й очереди учебно-лабораторного корпуса для математического факультета. Осуществляется подготовка площадки по ул. Б. Хмельницкого под строительство общежития для семейных студентов и аспирантов.

Техническими службами эксплуатации постоянно велась работа по обеспечению безаварийного функци-

онирования наружных и внутренних инженерных коммуникаций и сетей.

За пятилетку для обеспечения учебного процесса и научных исследований приобретено оборудования на сумму 114 247,3 тыс. руб. Кроме этого на закупку различных материалов, необходимых для обеспечения функционирования подразделений университета, было направлено 76,58 млн руб.

В области финансово-экономической деятельности были определены и реализовались следующие стратегические цели: обеспечение финансовой стабильности функционирования вуза; развитие и использование механизмов его многоканального финансирования; совершенствование механизма определения приоритетов в использовании финансовых средств; улучшение материального положения сотрудников и студентов.

Для более обоснованного планирования и обеспечения рационального использования финансовых средств на ученом совете ежегодно утверждался консолидированный бюджет с учетом всех источников его формирования. Сегодня университет имеет многоканальную систему финансирования.

Фактические расходы по всем источникам финансирования за анализируемый период выросли в 2,7 раза.

Финансирование по основной деятельности за счет средств федерального бюджета в последние годы осуществлялось стабильно, заметно увеличились поступления на выплату стипендий, заработной платы, на оплату коммунальных услуг, приобретение оборудования, на капитальный ремонт учебных корпусов и общежитий. Это позволило вузу более целенаправленно управлять внебюджетными финансовыми потоками, максимально используя их для решения задач, определенных программой развития университета: увеличение заработной платы сотрудников, осуществление социальных выплат, улучшение материальной базы, модернизация учебных лабораторий.

В настоящее время более 70 подразделений университета осуществляют внебюджетную деятельность. Основной статьей доходов является обучение студентов на платной основе. За пятилетний период этот показатель вырос в 2,9 раза.

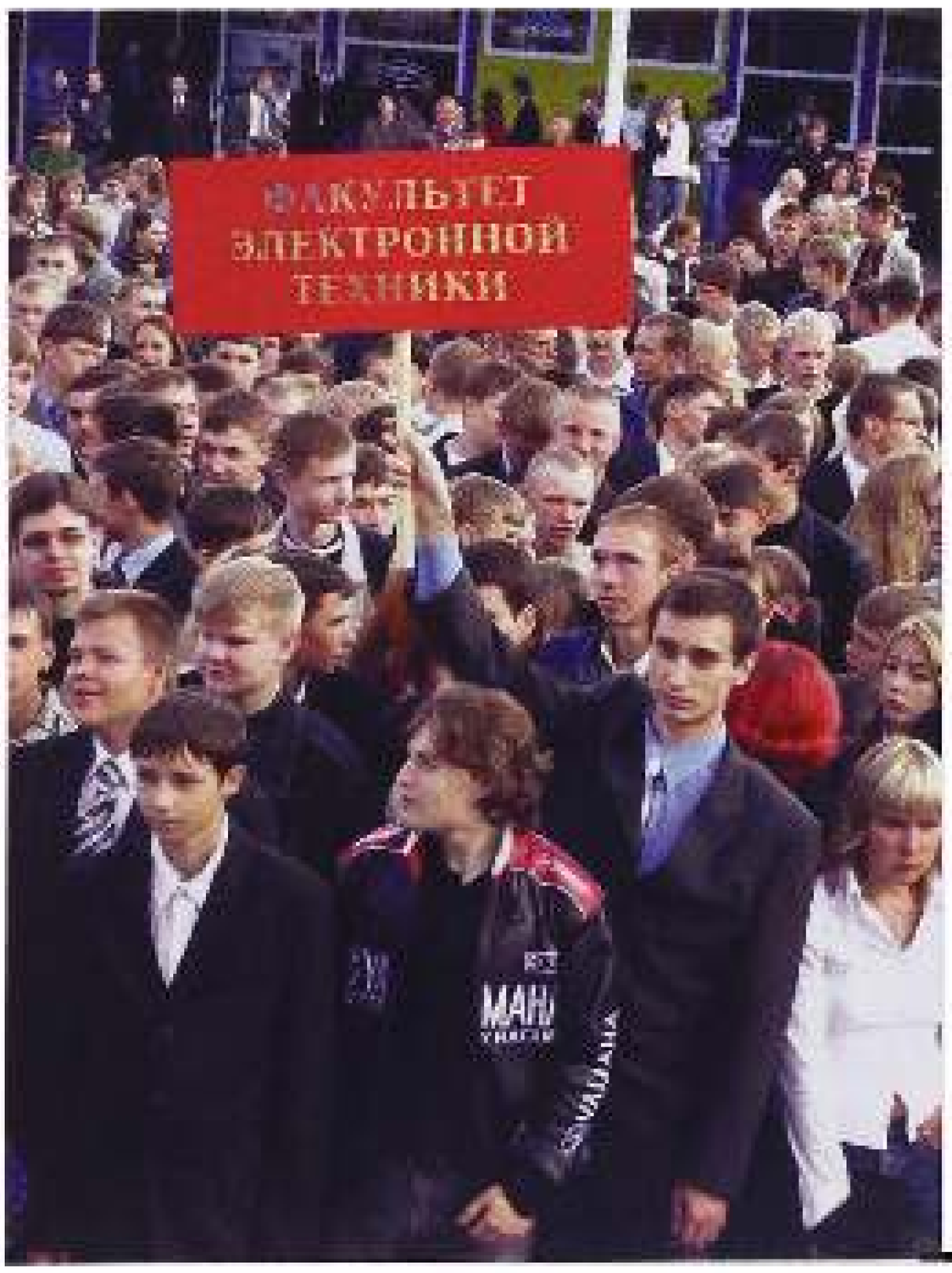
В университете создан централизованный фонд потребления, средства которого использовались на оплату труда профессорско-преподавательского персонала, почасовую оплату, содержание административно-управленческого и прочего персонала, выплату компенсаций за приобретение литературы профессорско-преподавательскому персоналу, выплату надбавок докторам наук, профессорам и докторантам в соответствии с решениями ученого совета. Оставшиеся средства распределялись в общеуниверситетский фонд и фонды институтов и факультетов, которым предоставлено право самостоятельно определять, в каком размере направлять средства в фонд материального поощрения и фонд научно-технического и социального развития.

Увеличились поступления целевых и безвозмездных средств от министерств, ведомств, предприятий, объединений и физических лиц. Общий объем расходов по целевым и безвозмездным поступлениям за пятилетний период увеличился в 2,3 раза.

Презентация совместных проектов в сфере высоких технологий (ректор МГУ Н. П. Макаркин, министр образования и науки РФ А. А. Фурсенко, Глава РМ Н. И. Меркушкин, заместитель генерального директора ОАО "Концерн РТИ Системы" Д. Д. Ступин, директор ИФХ К. Н. Нищев, директор НЦ лазерных материалов и технологий ИОФ РАН академик В. В. Осико).

Декабрь 2005 г.

День знаний. *2005 г.*

Огаревцы — активные участники движения педотрядов РМ. У стендов АПО РМ Глава РМ Н. И. Меркушкин и глава Олимпийского комитета РФ Леонид Тягачев

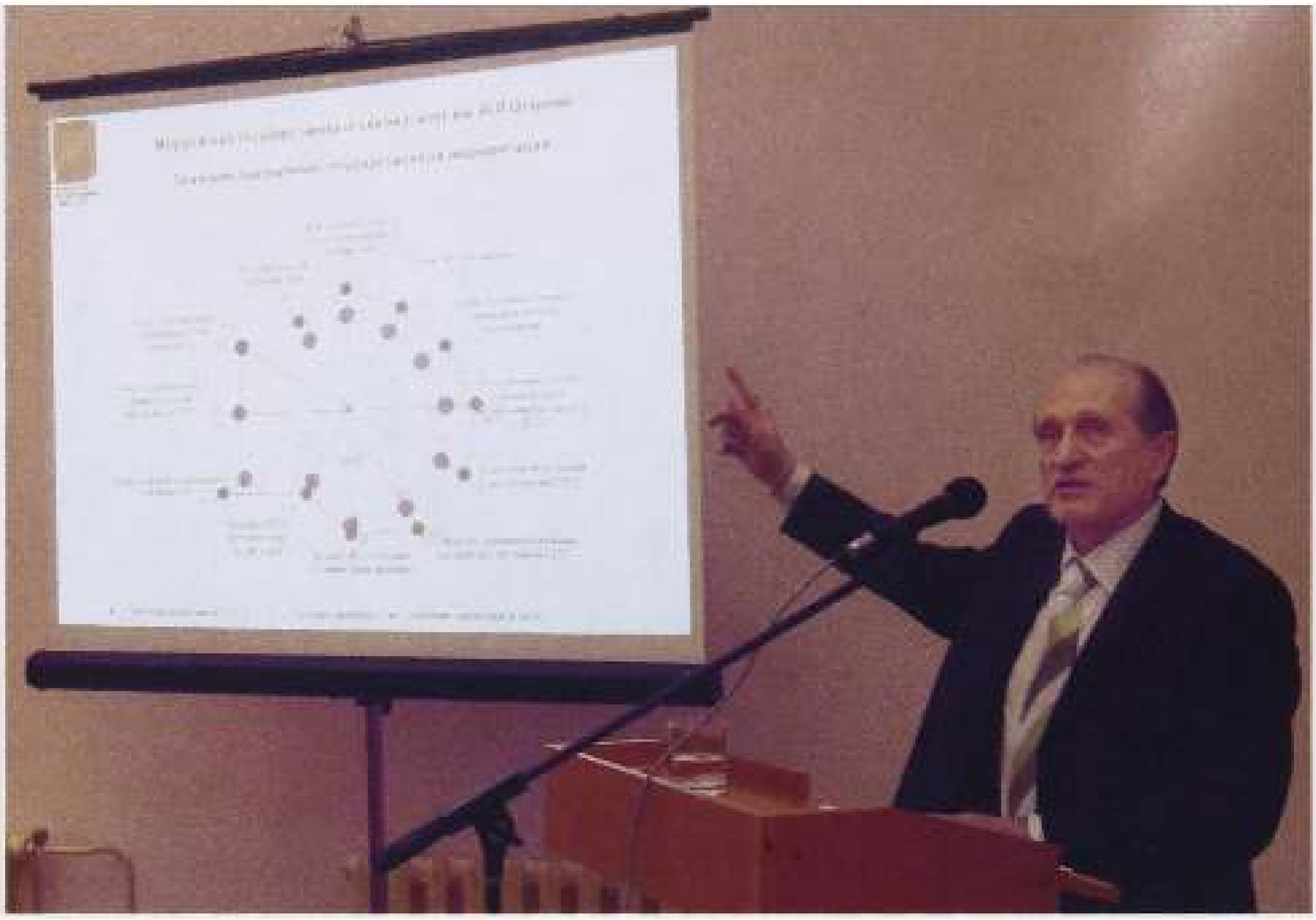
Открытие нового 24-го корпуса МГУ. *1 октября 2005 г.*

Мордовский университет чтит свои традиции, свою историю, память, историю своей страны...
Ректор Н. П. Макаркин на встрече с ветеранами в День Победы. *9 мая 2006 г.*

Новый учебно-лабораторный корпус Мордовского университета – новоселье справляет экономический факультет

«Наше развитие не остановить». Из отчета ректора МГУ Н. П. Макаркина. *2006 г.*

Счастливые обладатели студенческого билета на линейке, посвященной Дню знаний

Хорошей традицией стали молодежные научные школы в ИФХ, проходящие в тесном сотрудничестве с Российской академией наук

На открытии Центра финно-угроведения Мордовского государственного университета

МГУ ежегодно принимает участников всероссийских студенческих олимпиад

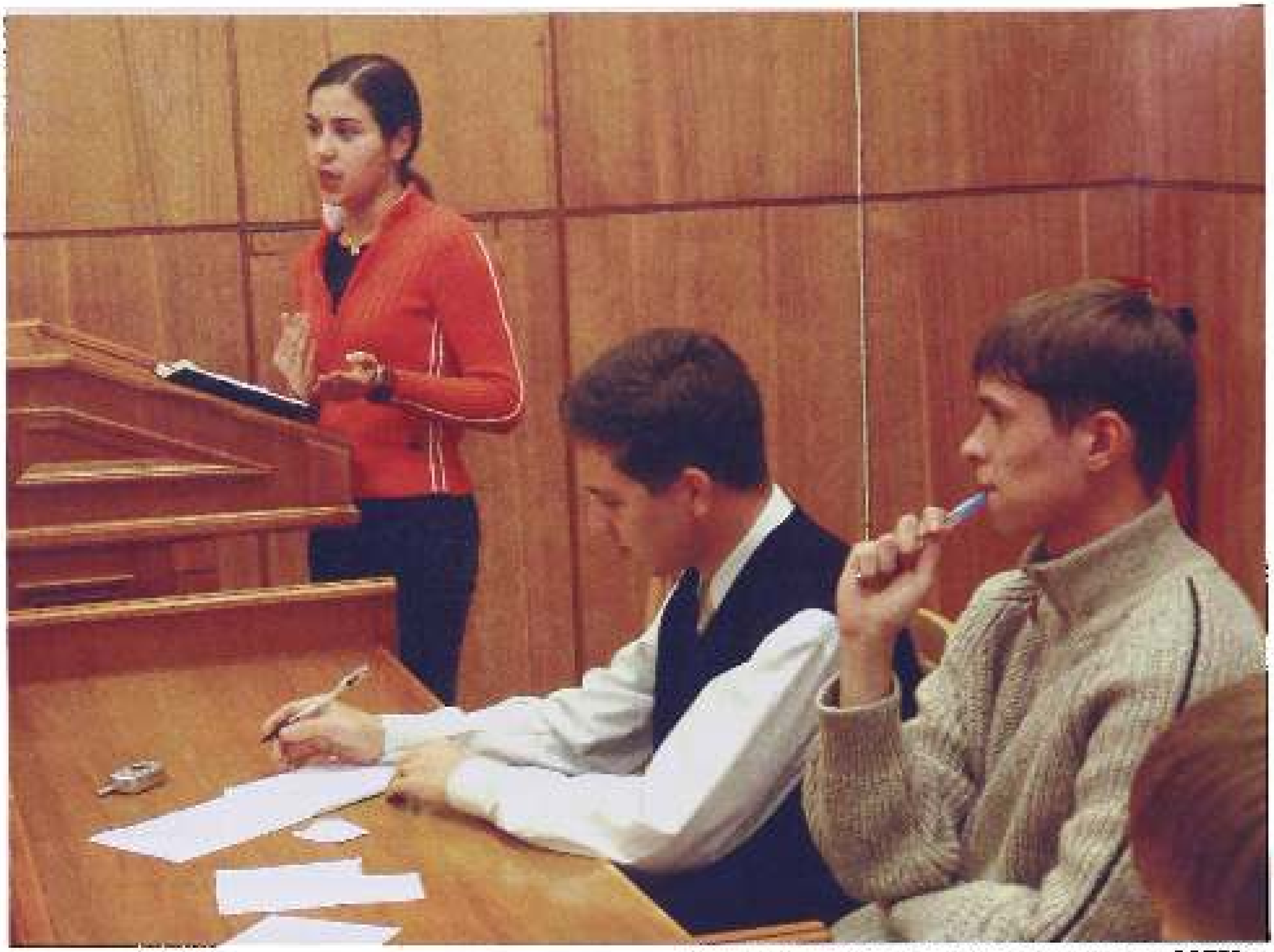
Разработка стратегии и миссии университета — задача по силам только сильным духом и крепким в убеждениях людям...

Ректорат МГУ

С 2005 года день рождения Николая Платоновича Огарева стал традиционным праздником университетской корпорации

Студенческое самоуправление в МГУ – концентрация творческого и идейного потенциала молодежи

Ректор Н. П. Макаркин подписывает приказ о зачислении в состав студентов новых огаревцев

Университет регулярно проводит мероприятия по более рациональному использованию и экономии имеющихся ресурсов. С 2003 г. начата работа по организации конкурсных закупок товаров, работ и услуг, проводятся тендеры по капитальному ремонту объектов университета, приобретению учебного и научного оборудования, изданию книжной продукции.

В области социальной политики университет осуществляет сотрудничество со многими министерствами Республики Мордовия, Региональным отделением Фонда социального страхования РФ по РМ и другими организациями.

В истекшем пятилетии была продолжена работа по совершенствованию системы материального поощрения сотрудников — проводилось поэтапное повышение заработной платы профессорско-преподавательского и прочего персонала за счет бюджетных и внебюджетных средств. Фактический расход по фонду оплаты труда и выплатам социального характера за анализируемый период повысился с 74,2 млн руб. до 255,6 млн руб. Средняя заработная плата профессорско-преподавательского состава увеличилась в 3,6 раза.

Стипендиальный фонд университета вырос с 26,2 млн руб. в 2001 г. до 89,5 млн руб. в 2005 г. Большое внимание уделялось распределению государственных социальных стипендий студентам из малообеспеченных семей. За пять лет на надбавки, премии, материальную помощь студентам и аспирантам было израсходовано из внебюджетных средств около 9 млн руб. За счет этих же средств выплачивались доплаты к стипендии докторантам (1,5 млн руб.).

Особое внимание в социальной политике университета уделялось студентам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Большая работа проведена по организации оздоровления и отдыха студентов, работников и их детей. В течение пяти лет отдохнули и поправили здоровье почти 10 000 чел., приобретено путевок на сумму свыше 30 млн руб. Кроме того, ежегодно отправлялись на отдых до 150 детей преподавателей, сотрудников и студентов. На эти цели было затрачено свыше 2,5 млн руб.

В общежитиях студгородка на сегодняшний день проживает свыше 4,5 тыс. чел., в том числе обучающихся — свыше 2,5 тыс. Жилищные условия в них соответствуют санитарно-гигиеническим нормам.

В целях защиты интересов работников ежегодно заключался коллективный договор между работниками и администрацией университета. Проводился комплекс мероприятий по охране и улучшению условий труда. Расходы на эти цели за пять лет составили 11 957,5 тыс. руб. Систематически осуществлялся учет лиц, занятых на работе с вредными условиями труда в структурных подразделениях университета. Устанавливалась доплата за неблагоприятные условия труда, предоставлялись дополнительные отпуска, сокращенный рабочий день.

В 2002 г. создан специальный центр, призванный способствовать решению задач трудоустройства обучающейся в университете молодежи и выпускников вуза. Университет ведет тесное сотрудничество со службами занятости города Саранска (подписаны договоры с Республиканской

молодежной биржей труда, отделом организации занятости молодежи МРМЦ. Управлением Департамента федеральной государственной службы занятости по РМ, происходит взаимообмен вакансиями, организуются совместные ярмарки); с аналогичными центрами в вузах других городов страны (Ульяновск, Нижний Новгород, Пермь, Москва); поддерживается связь со штабами строительных отрядов Приволжского федерального округа; внутри университета по данным направлениям ведется работа с деканатами факультетов, дирекциями институтов, с другими структурными подразделениями.

За 4 года работы центра содействия занятости студентов и трудоустройства выпускников университета направлено на временную работу около 1 000 чел., на постоянные места трудоустроено 2 800 выпускников. Сотрудниками службы трудоустройства проводятся исследования мотивационных предпочтений выпускников, анализ приоритетов трудоустройства и прогнозирование трудоустройства и безработицы по специальностям. Начата работа по организации ассоциации выпускников университета.

В 2006 г. коллектив вуза принял новую программу развития на 2006 — 2010 гг., в которой учтены собственный опыт и объективные тенденции развития региона и России в целом.

С каждым годом нарастают требования к образованию и поднимается его роль в обществе, так как в XXI в. главным стратегическим ресурсом развития общества становятся знания и умение человека пользоваться ими. Поэтому предстоящие годы должны стать для коллектива университета периодом более напряженной и эффективной работы.

В центре внимания коллектива должна стоять проблема качества образования. В предстоящие годы предстоит закрепить уже завоеванный статус вуза, имеющего признанную систему менеджмента качества.

Коллектив университета ставит перед собой задачу в ближайшие годы провести аккредитацию университета одним из зарубежных аккредитационных агентств и осуществить экспертизу образовательных программ работодателями, общественными организациями с привлечением зарубежных специалистов, включенных в базу данных экспертов, допущенных к участию в процедуре контроля качества образования в России. Необходимо освоить выдачу европейского приложения к диплому выпускника Мордовского университета.

Активно происходящие в мире процессы интернационализации и конвергенции образования требуют от вузовского коллектива внедрения новых подходов к структуре, содержанию и технологии образовательного процесса. Университет планирует широкое использование кредитно-модульных схем в организации учебного процесса и реализации образовательных программ разного уровня. Приоритетным направлением должно стать развитие магистерских программ. Также предстоит много сделать в распространении программ послевузовского образования в рамках концепции непрерывного образования.

Важнейшей задачей, стоящей перед коллективом, является усиление

роли университета в инновационном развитии Республики Мордовия. Вуз должен быть активным участником формирования региональной инновационной системы.

Предстоит по-новому взглянуть на проблемы информатизации и внедрения инноваций в образовательный процесс. Необходимо активно развивать дистанционное образование, создавать постоянно обновляемый и доступный банк данных локальных научных и учебных ресурсов, совместимый с глобальной информационной средой.

В предстоящую пятилетку вузу предстоит реализовать огромную инвестиционную программу: построить 3 учебных корпуса площадью 25 тыс. м^2, два общежития, где могут проживать более 1 тыс. чел.

Оценка проделанной работы и анализ конкретных задач, поставленных в «Программе развития Мордовского государственного университета на 2006 — 2010 гг.», дает основания для уверенности в том, что коллектив вуза обладает необходимым потенциалом условиями для успешной их реализации.

ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ КАК СИМВОЛЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

С. А. АНОЩЕНКОВА, кандидат юридических наук

М. Д. Шаргородский писал, что для установления эффективности наказаний необходимо прежде всего решить вопрос о том, какие цели преследует наказание, и правильное определение целей наказаний является важнейшим условием обеспечения эффективности правового регулирования [19, с. 241].

По замечанию И. Я. Фойницкого, существует две самостоятельные проблемы: объяснение смысла существования самого наказания и определение его целей [18]. Попытаемся представить цели наказания как символ (олицетворение) российской уголовной политики.

Вопрос о целях наказания[1] был предметом и философской мысли, и правовых научных дискуссий. «Все богатство разнообразных теорий, объясняющих цели и смысл применения наказаний, можно свести к двум основным направлениям. Первое направление определяется как абсолютные теории наказания, или классическая школа уголовного права. Родоначальниками этого направления являются немецкие ученые И. Кант и Ф. Гегель, считавшие целью уголовного наказания возмездие за совершенное преступление... Второе направление включает в себя самые разнообразные теории, которые можно назвать теориями полезности, или социологическими теориями. В их число входят теории общего или специального предупреждения, теории устрашения, психического принуждения, а также смешанные теории» [10, с. 95].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. в ст. 20 подчеркивал, что наказание не только кара, но и целенаправленная деятельность по достижению определенных результатов: исправления и перевоспитания осужденных, а также общей и частной превенции. Действующий уголовный закон не раскрывает понятия целей наказания[2], но

© С. А. Аношенкова, 2006

[1] Словосочетание *«цели наказания»* в известной мере условно. Поскольку уголовное наказание само по себе целей не преследует, имеются в виду те цели, которые стремится достичь общество, государство в лице правоприменительных органов посредством назначения и исполнения наказания.

[2] Это вполне справедливо, поскольку определение понятия «цели наказания» — задача доктрины уголовного права.

в части 2 ст. 43 УК провозглашает их: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Установление и применение наказания не самоцель для законодателя и правоприменителя. Целеполагание наказания вытекает из самой его сущности, связано с его социальными и уголовно-правовыми функциями, с концептуальными основами уголовной политики. В теории уголовного права было высказано мнение о признании целесообразности в качестве одного из принципов назначения наказания [4, с. 145 — 151].

В отечественной уголовно-правовой науке имела место дискуссия о понятии целей наказания. Н. А. Беляев предлагал отказаться от понятия «цели наказания», заменив его понятием «социальные функции», так как отсутствуют конкретные субъекты, которым адресованы эти цели. «Адресатами положений законодателя о целях наказания являются осужденные, а также другие граждане», — возражает Ф. Р. Сундуров. Со своей стороны хотелось бы отметить, что наказание без цели превратилось бы в автоматическую «отдачу», неизбежно-рефлекторную реакцию государства на преступление. Схема: «поскольку есть преступление, то за ним должно последовать наказание» обращена лишь в прошлое и сродни возмездию.

Цели наказания — это соответствующие задачам и принципам уголовного права социальные и уголовно-политические результаты, определенные в уголовном законе, которых стремятся достичь законодатель и правоприменитель, устанавливая в уголовном законе наказуемость преступлений, назначая эту уголовно-правовую меру лицам, совершившим преступления.

Характеризуя значение целей наказания, В. К. Дуюнов пишет: «Сформулированные в ч. 2 ст. 43 УК цели наказания определяют направленность и содержание усилий государства по их реализации, выбор наиболее целесообразных в институциональном отношении средств и способов их осуществления, они служат ориентирами для законодателя и правоприменительных органов государства в решении вопросов наиболее эффективного использования возможностей наказаний в противодействии преступлениям» [7. с. 100].

Ф. Р. Сундуров называет некоторые свойства целей наказания: объективность, истинность, реальность. Выделяются цели-задачи (исправление осужденного и специальное предупреждение) и цели-направления (общее предупреждение); основные (закрепленные законодателем с главной целью — предупреждением преступлений) и неосновные цели (не закрепленные в УК, но фактически реализуемые — кары, сатисфакции морального вреда и др.) [15, с. 15 — 17].

В отечественной доктрине уголовного права в качестве целей наказания рассматривались: общее и частное предупреждение преступности, воспитание или перевоспитание осужденных, юридическое или моральное исправление осужденных, ресоциализация осужденных, восстановление социальной справедливости и др. Так, современные авторы кроме законодательно закреплен-

ных целей наказания называют следующие: удовлетворение общественного правосознания (С. А. Велиев) [2, с. 70], попытка примирения преступника с потерпевшим, обществом, самим собой и Богом, перевоспитание осужденных, покаяние осужденных, социальная реабилитация осужденных, гарантии стабильного правопорядка (Е. Азарян) [1, с. 67 — 82].

В уголовно-правовой доктрине решается вопрос о вычленении видов целей наказания, построении их системы и соотношении различных целей наказания между собой. Так, Е. Азарян выделяет (впрочем, не вполне четко) начальные, промежуточные и конечные цели наказания, а также общую и особенную цели наказания [1, с. 78 — 79]. Интересно, хотя и не бесспорно, видение системы целей наказаний, представленное С. А. Велиевым. По субъектам, которым адресовано наказание, цели разделены на те, что осуществляются в отношении конкретного осужденного (исправление, частное предупреждение), и те цели, которые осуществляются в отношении неопределенного круга лиц (восстановление социальной справедливости, общее предупреждение). Возражения порождают выделение второй группы целей. Поскольку логические правила классификации объектов требуют того, чтобы одна и та же группа классифицируемых объектов принадлежала только одной группе (категории), то одна цель наказания не должна быть адресована двум субъектам (осужденному и неопределенному кругу лиц в данном случае). Однако нельзя отрицать, что восстановление социальной справедливости касается не только общества, но и осужденного и потерпевшего, о чем, кстати, пишет и сам С. А. Велиев [2, с. 55]. То же самое можно сказать и о цели общего предупреждения. Зададимся вопросом: разве тот факт, что лицо совершило преступление, влечет за собой бездействие в отношении него уголовно-правового запрета? Ответ отрицательный: нет, не влечет, лицо обязано соблюдать нормы уголовного закона. Общепревентивная цель распространяется в том числе и на осужденных, в этом ее суть как всеобъемлющей цели. По сложности и механизму реализации А. Ф. Мицкевичем восстановление социальной справедливости и исправление осужденного названы более сложными, чем общее и специальное предупреждения [10, с. 144].

Авторами также затрагивается вопрос о соотношении целей наказания. Так, С. В. Полубинская наиболее важной целью наказания признает цель предупреждения преступлений [13, с. 53]. А. Ф. Мицкевич, напротив, приходит к выводу о том, что «по значению, важности все цели уголовного наказания равны между собой, и ни одной из них нельзя отдать какого-либо особенного предпочтения» [10, с. 144].

Восстановление социальной справедливости. Одними из первых авторов, увидевших цель наказания в восстановлении нарушенного преступлением социально-психологического порядка в обществе и восстановлении чувства справедливости, были Н. А. Беляев и Б. С. Никифоров. Высказанная в шестидесятые годы, эта идея не нашла поддержки в исследовательской среде, а также у

законодателя. «Из-за трудности измерения показателей степени достижения цели восстановления справедливости не может быть закреплена и эта цель», — поясняет С. В. Полубинская [13, с. 23].

Закрепление такой цели наказания, как восстановление социальной справедливости, на наш взгляд, обусловлено следующим. На протяжении длительного времени в теории уголовного права ведется дискуссия о каре как о цели наказания[3] Ряд ученых отождествляет содержание целей кары и восстановления социальной справедливости. Так, В. К. Дуюнов пишет: «Сущность уголовного наказания — кара, но понимаемая не как намеренное причинение страданий, а как справедливое воздаяние виновному за совершенное им преступление, которое заключается в осуждении совершенного им преступления и порицании лица, его совершившего» [8, с. 97]. Представляется, что, возведя восстановление социальной справедливости в ранг целей наказания, законодатель как бы подчеркнул, что тот карательный элемент, который неизбежно присутствует в наказании, является его содержательным элементом, но не целью как таковой. Кара, то есть лишения, принудительно претерпеваемые осужденным, не самоцель для законодателя и для правоприменителя. Кара — тот неизбежный груз, который должен быть положен на весы правосудия для восстановления гармонии в обществе. Восстановление социальной справедливости — вот цель наказания, а покарание — одно из средств достижения этой цели.

Определить показатели эффективности достижения целей социальной справедливости достаточно сложно. Действительно, трудно отрицать, что такая философская и этическая категория, как справедливость, не может иметь четких границ и эквивалентов. Однако, как отмечалось выше, эффективность достижения данной цели определяется фактическим применением уголовного закона, степенью реализации идеи неотвратимости наказания. Именно как идею, отражающую отношение к чему-либо как к справедливому или несправедливому, воспринимает данную цель А. Ф. Мицкевич [10, с. 119, 122 — 124]. Для того чтобы цель восстановления социальной справедливости не была абстракцией, а имела весьма осязаемые очертания, наука выработала специфические направления воздействия справедливости на людей — функции справедливости (В. В. Похмелкин, А. И. Экимов, Г. В. Мальцев). Так, ценностно-соизмерительная функция направлена на оценку соотношения явлений (преступления и наказания) с точки зрения соответствия или несоответствия справедливости. Социально-интегративная функция нацелена на требование справедливости в преодолении социального конфликта. Восстановительная функция указывает на необходимость справедливого воздаяния за содеянное. Наряду с восстановительной функцией действуют уравнительная и дифференцирующая функ-

[3] Сторонниками признания кары в качестве цели наказания являются Н. А. Беляев, И. И. Карпец, Н. А. Тарбагаев.

ции справедливости. Уравнительная функция требует равенства всех перед законом; дифференцирующая, напротив, указывает на необходимость индивидуального подхода. Существует также и стимулирующая функция справедливости, направленная в будущее и определяющая основные ориентиры для законодателя, правоприменителя и общества.

Восстановление социальной справедливости существует в широком и узком смыслах[4] В первом случае речь идет о восстановлении нарушенного правопорядка, существовавшего до совершения преступления, во втором — о сатисфакции потерпевшего. Говоря о широком значении восстановления социальной справедливости, следует заметить, что преступление вносит дисбаланс в охраняемые уголовным законом отношения: нарушаются права субъектов, обладающих тем или иным социальным благом, преступается уголовно-правовой запрет. Это вовсе не означает, что норма уголовного закона каким-то образом «страдает» от преступления. Но нарушенная уголовно-правовая норма «включает» механизм реализации санкции по отношению к конкретному лицу. Если в отношении всех граждан наказание, закрепленное в санкции нормы Особенной части, действует лишь как угроза наказания, то для виновного наказание — это правовая реалия. Преступив закон, лицо создает юридический факт, полагаемый в основу охранительного уголовного правоотношения, в котором один из субъектов (государство) обязан реализовать уголовную ответственность в отношении другого (виновного), а последний, в свою очередь, обязан ответить перед законом за содеянное. Таким образом, восстанавливается правопорядок в области охраняемых уголовным законом общественных отношений. В узком смысле восстановления социальной справедливости требуют нарушенные интересы потерпевшего, кто бы под ним ни подразумевался. Так, Б. С. Никифоров отмечает, что если причиненный преступлением вред выражается в дезорганизации общественных отношений, то наказание призвано восстановить их [11, с. 67]. Рассматривая наказание как общественно полезную деятельность государства, А. С. Велиев подчеркивает необходимость возмещения причиненного преступлением вреда. «...А поскольку преступление есть нарушение общественных отношений, — пишет автор, — причиненный им вред наносится этой сфере, и здесь же следует искать возможности его возмещения» [2, с. 43]. В последнее время все больше авторов пишет о необходимости возмещения вреда потерпевшему либо со стороны осужденного, либо со стороны государства.

Закрепление указанной цели наказания следует расценить как положительный момент. Во-первых, законодатель позиционирует уголовное законодательство как социально ориентированную правовую отрасль. Во-вторых, замена, а, вернее, поглощение

[4] М. Н. Становский и С. А. Велиев рассматривают восстановление социальной справедливости в четырех аспектах: с точки зрения государства, общества, потерпевшего и виновного [2, с. 55 — 59; 14, с. 18 — 21]

кары как цели наказания, целью восстановления социальной справедливости в какой-то степени примиряет сторонников противоположных позиций данной дискуссии. Социально-нравственное значение данной цели наказания обусловило ее приоритет в числе целей наказания, предусмотренных уголовным законом.

Предупреждение преступлений. Данная цель состоит из целей общей и частной превенции, то есть адресована лицам, совершившим преступления, и иным лицам. Строго говоря, из текста ч. 2 ст. 43 УК не явствует, на кого направлено предупредительное воздействие наказания. Конкретизация этой цели содержится в ч. 1 ст. 1 УИК РФ: «предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами».

Среди целей наказания цель предупреждения преступлений многими авторами названа главной, определяющей. Так, М. Д. Шаргородский, определяя иерархию целей наказания, предупреждение называл основной, конечной и специфической целью, а исправление и перевоспитание осужденного — средствами для достижения этой главной цели [19, с. 258][5].

Общепредупредительное воздействие, на наш взгляд, проявляется только на стадии установления наказания за общественно опасное деяние. Конечно, в памятниках российского уголовного законодательства присутствуют указания: «сжечь во страх иным, дабы через то другим страх подать и оных от таких неприятностей удержать». И в уголовно-правовой доктрине мнение о том, что назначение наказания одному лицу устрашающе воздействует на других, чем и достигается предупреждение, является устоявшимся. «Посредством наказания конкретного преступника государство предостерегает других неустойчивых лиц от совершения преступления» [19, с. 280]. Тем не менее, попытаемся обосновать иную позицию. Гуманистические установки современного уголовного законодательства позволяют утверждать: наказание виновного — это только *его* наказание. Никому не приятно осознавать, что такой факт его биографии, как осуждение, используют в качестве примера для воспитания других граждан. Назначая наказание, суд стремится реализовать цели наказания в отношении только конкретного лица. Достижение иных целей, не имеющих к осуждаемому отношения, противоречит принципу гуманизма. Социальный результат, который достигается косвенно, через другие результаты, не может считаться целью наказания. Поэтому цель общей превенции как цель наказания реализуется с момента вступления в силу уголовного закона.

Частная превенция, соответственно, реализуется на стадиях назначения и исполнения наказания осужденному лицу. Специальное предупреждение направлено на предупреждение совершения преступлений лицами, уже их совершившими. Частное предупреждение реализуется прежде всего в период исполнения наказания. По мнению И. И. Карпеца, применение

[5] Аналогичную точку зрения высказывает Б. С. Волков [3, с. 273].

уголовно-правовых мер физически лишает преступника возможности совершать преступления. Кроме того, наказание и связанная с ним судимость создают условия, препятствующие совершению преступлений и после фактического отбытия наказания осужденным. В стране наблюдается устойчивая тенденция сокращения пенитенциарных преступлений. Так, в 1997 г. в местах лишения свободы было совершено 2 088 преступлений, в 1998 г. — 1 779, в 1999 г. — 1 552, в 2000 г. — 1 254, в 2001 г. — 1 161, в 2002 г. — 723, за 11 месяцев 2003 г. — 563 преступления [6, с. 12]. Эффективность достижения частнопредупредительной цели наказания связана с исправлением осужденного, хотя исправление осужденного нельзя строго назвать средством частной превенции. Частное предупреждение, как указывалось, — это лишение возможности осужденного совершать преступления. Исправление — такой воспитательный результат, при котором лицо не совершает преступлений по иным, моральным соображениям.

Рассуждая об эффективности достижения целей общей и частной превенции, Э. Ф. Побегайло указывает, что тому способствует обеспечение неотвратимости ответственности за содеянное [12, с. 96]. Но главное, хотя и в нынешних условиях не вполне реальное условие, по мнению автора, — это такое воздействие на общественное сознание, «в особенности на сознание неустойчивых в криминогенном отношении граждан, которое убеждало бы в «невыгодности» занятия преступной деятельностью» [12, с. 96]. Автор имеет в виду использование метода превентивного сдерживания потенциальных правонарушений.

Исправление осужденного — традиционная для отечественного уголовного права цель наказания. Наряду с перевоспитанием осужденного присутствовала она и в ст. 20 УК РСФСР 1960 г. Понятие исправления осужденных раскрывается в ст. 9 УИК РФ — это формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Приведенная дефиниция охватывает как моральное, так и юридическое исправление осужденного. Что касается ст. 43 УК, то, по мнению Н. Ф. Кузнецовой, в ней имеется в виду лишь юридическое исправление осужденного, то есть несовершение им новых преступлений [9, с. 23]. В самом деле, более отдаленный результат, каковым является исправление моральное, — итог реализации норм уголовно-исполнительного права и его методов[6] Со своей стороны Ф. Р. Сундуров подчеркивает главенствующее значение для исправления осужденного не политическое, не идеологическое, а нравственное воздействие, для чего следует создавать дееспособные службы психолого-педагогического воздействия и духовно-нравственного воспитания осужденных с привлечением высоко-

[6] Так, В. И. Зубкова считает, что исправление осужденных после назначения наказания утрачивает самостоятельное значение, передавая «эстафету» уголовно-исправительному праву [5, с. 294].

квалифицированных специалистов, а также священнослужителей [17, с. 80].

Компоненты, составляющие исправление осужденного, в нашем понимании, таковы:

— сохранение позитивных качеств, которыми лицо обладало до совершения преступления и осуждения;

— приобретение лицом новых позитивных качеств и способностей (получение образования, профессиональная подготовка, обращение к вере и т. д.);

— изживание негативных качеств человека, в частности уяснение им положения о недопустимости совершения преступления, по крайней мере из-за страха перед правовым последствием, каковым является наказание.

Два первых абзаца охватываются понятием нравственного исправления, последний характеризует юридическое исправление. Исправление осужденных представляет собой средство достижения цели частной превенции, то есть представляет промежуточную цель на пути достижения частнопревентивной цели. Таким образом, цель исправления осужденных как бы охватывается более глобальной целью — предупреждением совершения осужденными новых преступлений. Однако исключение данной цели из ч. 2 ст. 43 УК нецелесообразно, поскольку противоречит сложившейся концепции уголовно-правовой доктрины и уголовной политики. Наказание — это категория, имеющая своими адресатами как общество, отдельные его группы, так и конкретных индивидуумов. Изъятие из целей наказания персонального компонента будет неверным шагом, несмотря на то, что исправление осужденного в реальности, скорее, цель-идеал, нежели чем цель-результат.

Определяя цели наказания, уголовное законодательство ряда зарубежных стран специально подчеркивает, что целями наказания не являются унижение человеческого достоинства и причинения физических страданий (ст. 36 УК Республики Болгария, ст. 38 УК Республики Казахстан, ст. 50 УК Украины, ст. 20 УК Эстонской Республики). Аналогичная формулировка содержалась и в ст. 20 УК РСФСР 1960 г. В литературе высказываются предложения восстановить данное указание в законе [5, с. 294]. Следует согласиться с позитивным значением отрицания целей унижения достоинства и причинения физических страданий при применении наказания. Это отрицание составляет один из содержательных моментов принципа справедливости. И именно поэтому, как нам видится, нет необходимости ни в дублировании этой сентенции в норме о целях наказания, ни в переносе ее из ст. 6 УК в ст. 43 УК.

Таким образом, цели наказания делятся на те, что относятся к наказанию в объективном смысле, и к наказанию в его субъективном значении. К первой группе относится цель общего предупреждения, которая состоит в удержании от совершения преступления той категории лиц, которая не совершает их из-за страха применения наказания. Ко второй группе относятся цели наказания, которых стремится достичь правоприменитель по конкретному уголовному делу: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и частное предупреждение.

Определение целей наказания отражает правосознание законодателя. От того, к каким целям стремится общество, применяя уголовное наказание, зависят система наказаний, принципы его назначения, в конечном счете, уголовная политика, зависят от господствующей в уголовно-правовой доктрине концепции наказания. Уголовно-правовая доктрина должна сыграть доминирующую роль в выработке концепции наказания, чтобы упредить отход от демократических и общегуманитарных принципов права. Выработка основных идей об уголовном наказании должна осуществляться прежде всего на философском уровне. На сегодняшний момент еще не сложилось такого научного направления, как отраслевая философия права, в частности уголовного. Но мы уверены: без философского осмысления уголовное право, уголовно-правовая политика обречены на нестабильность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Азаряш Е.** Преступление. Наказание. Правопорядок. СПб., 2005.
2. **Велиев С. А.** Принципы назначения наказания. СПб., 2004.
3. **Волков Б. С.** Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы / Материалы II Международной научно-практической конференции, сост. на юрид. фак. МГУ им. Ломоносова 30 — 31 мая 2002 г. М., 2003.
4. **Дагель П. С.** О принципе целесообразности наказания // Правоведение. 1962. № 1.
5. **Зубкова В. И.** Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М., 2002.
6. Итоги деятельности УИС Министерства юстиции России. 2003.
7. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. проф. Л. Л. Кругликова. М., 2005.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. проф. Л. Л. Кругликова. Автор комментария к ст. 43 УК / В. К. Дуюнов. М., 2005.
9. Курс уголовного права в 5 тт. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 2. Общая часть. Учение о наказании. (Автор Главы 1 «Понятие и цели наказания» — Н. Ф. Кузнецова). М.
10. **Мицкевич А. Ф.** Уголовное наказание: понятие, цели и механизм действия. СПб., 2005.
11. **Никифоров Б. С.** Наказание и его цели // Советское государство и право. 1981. № 9.
12. **Побегайло Э. Ф.** Кризис современной уголовной политики. Сб. науч. тр.: Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние / под ред. д. ю. н., проф. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2004.
13. **Полубинская С. В.** Цели уголовного наказания. М., 1990.
14. **Сташовский М. Н.** Назначение наказания. СПб., 1999.
15. **Сундуров Ф. Р.** Определение понятия цели уголовного наказания // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». Тольятти, 2003. Вып. 30.
16. Уголовное право. Общая часть / под ред. В.П. Малкова, Ф.Р. Сундурова. Казань, 1994.
17. Уголовное наказание и его социальное предназначение в демократическом обществе / Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: Материалы научной конференции, посвященной памяти профессора М. Д. Шаргородского (к столетию со дня рождения) 1 — 2 июля 2004 г. СПб., 2005.
18. **Фойницкий И. Я.** Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М., 2000.
19. **Шаргородский М. Д.** Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003.

Поступили 05.07.06.

СООТНОШЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А. А. ЧЕБУРЁНКОВ, кандидат юридических наук

Рассмотрение многих теоретических и практических вопросов расследования преступлений не может быть полным без анализа соотношения понятий «расследование» и «раскрытие преступлений». В процессуальной и криминалистической литературе не дается однозначной оценки характера связи между указанными понятиями, и проблема их соотношения продолжает оставаться дискуссионной. В первую очередь это связано с отсутствием в теории и практике общепринятого понятия «раскрытие преступления», а также единого понимания характера и назначения охватываемого им вида деятельности правоохранительных органов.

Традиционный подход к анализу сущности и содержания понятия «раскрытие преступления» предполагает выделение в нем уголовно-процессуального, криминалистического и оперативно-розыскного аспектов. В изменившихся условиях правового регулирования деятельности органов следствия и дознания данный подход приобрел новые черты. Действующий УПК РФ уже не содержит упоминания о раскрытии преступлений как о направлении процессуальной деятельности, в отличие от УПК РСФСР, который в ст. 2 прямо ориентировал органы предварительного расследования на решение задачи быстрого и полного раскрытия преступлений. Это придает особое значение криминалистическому понятию раскрытия преступлений и позволяет рассматривать его содержание преимущественно в криминалистическом плане, учитывая, однако, положения УПК, регламентирующие производство предварительного расследования.

В понятие раскрытия преступления применительно к деятельности органов предварительного расследования в литературе вкладывается различное содержание, определяемое объемом (кругом) устанавливаемых при этом обстоятельств по уголовному делу. Одновременно по-разному определяется момент производства по делу, соответствующий достижению цели раскрытия преступления.

1. Под раскрытием преступления понимается достоверное установление следственными органами всех входящих в предмет доказывания по уголовному делу обстоятельств. Процессуальным моментом, фиксирующим завершение раскрытия преступления, считается окончание предварительного расследования и составление обвинительного заключения (Н. И. Майоров, В. К. Гавло, В. Г. Танасевич, А. М. Донцов, В. Д. Зеленский, Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин, Н. П. Яблоков).

2. Раскрытие преступления представляет собой установление данных

© А. А. Чебурешков, 2006

о преступлении и виновном в его совершении в таком объеме, который позволяет предъявить обвинение. Момент раскрытия здесь связывается с моментом предъявления обвинения лицу (А. И. Михайлов, Л. А. Сергеев, А. К. Гаврилов, И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин, В. А. Образцов).

3. Раскрытие преступления предполагает решение одной из главных задач расследования — установление события преступления и лица, его совершившего (положение, когда преступник найден). Оно не обязательно должно быть связано с каким-либо процессуальным решением (А. Н. Васильев, Р. С. Белкин, В. Е. Сидоров, Ю. В. Калинин).

Анализ и обобщение результатов научных исследований показали, что при формулировании криминалистического понятия раскрытия преступления в большинстве случаев учитываются следующие основные положения.

1) понятия «раскрытие преступления» и «расследование преступления» являются взаимосвязанными, но неоднозначными. Их взаимосвязь выражается в том, что раскрытие преступления осуществляется путем расследования, а расследование в свою очередь включает в качестве составной части и как одно из необходимых условий результативности раскрытие преступления [6, с. 25];

2) понятие «раскрытие преступления» в теории и на практике несет собственную смысловую нагрузку, обладает специфическим содержанием, отличающим его от понятия «расследование», и служит основанием для разработки особых криминалистических рекомендаций. Если конечная цель расследования — полное и достоверное установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, то цель раскрытия должна заключаться в установлении не всего круга этих обстоятельств, а только юридически наиболее важных из них. Если же в содержание раскрытия ввести установление всех входящих в предмет доказывания обстоятельств, то задача раскрытия станет окончательной задачей расследования, само понятие «раскрытие преступления» утратит практический смысл и будет фактически отождествляться с понятием «расследование преступления» [3, с. 28; 9, с. 14];

3) в числе обстоятельств, подлежащих в соответствии со ст. 73 УПК доказыванию по уголовному делу, особое значение имеют те, обнаружение которых позволяет судить о наличии или отсутствии события преступления и о лице, его совершившем. Сопоставление уголовно-правового понятия преступления с закрепленной в УПК системой характеризующих его обстоятельств процессуального значения показывает, что установление того, имело ли место событие преступления и кто его совершил, обусловливает выявление предусмотренного уголовным законом состава преступления. Поэтому выяснение именно этих обстоятельств в каждом конкретном случае расследования будет достаточным для того, чтобы считать то или иное преступление раскрытым. В дальнейшем на их основе доказываются все иные перечисленные законом обстоятельства, обеспечивающие в итоге условия для правильного разрешения дела, опреде-

ления справедливого наказания виновным и выполнения других задач уголовного судопроизводства [7, с. 112 — 113].

Фактическое осуществление раскрытия преступления в ходе следственной деятельности, носящей процессуально-правовой характер, позволяет привязать окончание раскрытия к конкретному процессуальному моменту производства предварительного расследования. Четкое решение вопроса о том, когда, в какой момснт процессуальной деятельности следователя преступление можно считать раскрытым, соответствует требованию законности при расследовании уголовных дел и отвечает потребностям следственной практики.

Исходя из рассмотренных положений, определяющих сущность и условия раскрытия преступлений, можно утверждать, что состояние раскрытия преступления наступает тогда, когда собранные следователем по делу доказательства позволяют признать установленным факт преступного деяния и его совершение конкретным виновным лицом (лицами). Процессуальным моментом, впервые фиксирующим это положение, в соответствии с УПК является вынесение следователем постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ).

Закон требует, чтобы названное постановление выносилось «при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления» (ч. 1 ст. 171 УПК РФ). Эта норма, а также анализ раскрываемого в ч. 2 ст. 171 содержания постановления о привлечении в качестве обвиняемого приводят к выводу о том, что к моменту принятия данного процессуального решения следователем обязательно должна быть получена совокупность доказательств в таком объеме, который устанавливает событие и состав преступления, а также виновность в его совершении лица, привлекаемого в качестве обвиняемого [8, с. 352]. Поэтому в данный процессуальный момент преступление фактически уже может считаться раскрытым в смысле установления всех необходимых обстоятельств по расследуемому делу.

На практике не исключены случаи, когда принятое следователем решение следователя о предъявлении обвинения конкретному лицу окажется необоснованным. Поскольку после предъявления обвинения расследование преступления продолжается, обстоятельства дела исследуются полнее, то следователь может прийти к иным, более верным заключениям по поводу тех или иных событий, фактов и отношения к ним обвиняемого. Так, нельзя не учитывать, что в соответствии с ч. 1 ст. 173 УПК РФ только после предъявления обвинения следователь допрашивает обвиняемого, а на практике нередко именно в ходе этого допроса выясняются весьма существенные обстоятельства, которые ранее не были известны следствию, в том числе служащие основанием для дополнения, изменения или даже опровержения обвинения.

Это, однако, не означает невозможности связывать раскрытие преступления с моментом вынесения следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Если будут установлены неизвестные во время

первоначального предъявления обвинения обстоятельства, достоверно свидетельствующие о наличии события преступления и виновности лица в его совершении, следователь должен в соответствии со ст. 175 УПК РФ вынести новое постановление о привлечении в качестве обвиняемого (дополняющее или изменяющее первоначальное обвинение) и предъявить его обвиняемому. На данный момент преступление и будет считаться полностью раскрытым.

Раскрытие преступлений выступает как разновидность деятельности органов следствия и дознания по уголовному делу, имеющая свою специфику, которая заключается, главным образом, в особом круге задач, решаемых субъектами этой деятельности. С учетом характера процесса расследования преступлений реализуемые в ходе раскрытия задачи являются наиболее важными и первостепенными, поскольку от их решения зависят законность и обоснованность привлечения лица к уголовной ответственности. Но с установлением события преступления и лица, виновного в его совершении, следователь не прекращает свою деятельность по делу, поскольку обязан выяснить и другие предусмотренные законом обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Полученные результаты создают предпосылки для продолжения работы следователя по делу с целью установления полного комплекса требуемых законом обстоятельств. Более того, в большинстве случаев, пока задача выяснения наличия преступления и совершившего его лица остается нерешенной, трудно рассчитывать на достоверное установление всех иных необходимых по закону обстоятельств уголовного дела, в частности мотивов преступления, отягчающих и смягчающих ответственность обстоятельств, причин, способствовавших совершению преступления [9, с. 16].

В соответствии с этим раскрытие преступления можно рассматривать как часть общего процесса расследования преступлений, самостоятельный его этап, необходимое условие его результативности. Деятельность по раскрытию преступления осуществляется в специфических условиях расследования, порожденных характером исходной информации о преступлении. Ставящиеся при этом задачи выступают средством достижения целей расследования.

Таким образом, криминалистическое понятие раскрытия преступления можно определить как деятельность по расследованию преступления, направленную на получение информации, необходимой и достаточной для вывода следователя о том, имело ли место событие преступления и кто его совершил. С позиции достигнутого следователем результата его деятельности раскрытие преступления — это определенное положение (состояние) в процессе расследования, когда установлены событие преступления и виновное в его совершении лицо. Процессуальным моментом, с которым следует связывать раскрытие преступления, является момент вынесения следователем постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Существующие закономерности возникновения и исчезновения информации о преступном событии обуславли-

вают различия в объеме и содержании исходных данных по делу в разных ситуациях расследования. В частности, установление факта совершения преступления и личности виновных при недостатке информации об этих обстоятельствах может носить проблемный характер или, наоборот, не вызывать сомнения при наличии у следователя достаточных сведений для решения данной задачи [5, с. 10 — 21]. Ввиду подобного рода дифференциации информационной «картины» начала расследования в криминалистической литературе отмечается, что в раскрытии нуждаются не все преступления, а лишь те, исходные данные о которых не содержат достаточных сведений о виновном [2, с. 142 — 143; 1, с. 230 — 231; 3, с. 28 — 29; 9, с. 14].

Действительно, на практике в одних ситуациях к началу расследования имеется исходная информация, подтверждающая совершение преступления и прямо указывающая на лицо, его совершившее, поэтому задача установления данных обстоятельств перед следственными органами не ставится: такие преступления не нуждаются в раскрытии (это так называемые «очевидные» преступления), их необходимо только расследовать. В других случаях подобные сведения отсутствуют и следователю нужно устанавливать и само событие преступления, и преступника, т. е. расследуя преступление, обязательно раскрывать его (например, убийства, кражи, разбойные нападения, изнасилования, совершенные неизвестными для потерпевших лицами).

Разработка криминалистических рекомендаций по определению направлений расследования, построению и проверке следственных версий, выяснению отдельных обстоятельств по делу, организации взаимодействия органов следствия и дознания и т. д., а также практическое применение данных рекомендаций в каждом конкретном случае расследования должны осуществляться с учетом необходимости решения следователем задачи раскрытия преступления. Очевидно, что особые сложности информационного, организационного, тактического плана в деятельности следователя часто возникают в ситуациях, когда расследуемое преступление нуждается и в раскрытии. Это прямо влияет на длительность процесса расследования, степень затрачиваемых усилий, выбор средств и другие характеристики деятельности следователя.

Практическая деятельность по раскрытию преступления как составная часть общего процесса расследования занимает конкретное место во временной структуре указанного процесса. Определение этапа расследования, на котором осуществляется раскрытие преступления, важно для правильного выбора работниками органов следствия и дознания средств решения стоящих перед ними задач.

Принятая в криминалистике единая периодизация процесса расследования включает три этапа: первоначальный, последующий и заключительный. Между ними нет четко выраженных границ, их выделение исходит главным образом из направленности выполняемых в типичных следственных ситуациях каждого этапа следственных и иных действий [1, с. 238 — 241; 4, с. 8 — 11]. Производ-

ство действий по раскрытию преступления обычно соответствует первоначальному этапу. Именно на нем начинается установление наличия преступного события и совершивших его лиц, что является исходным моментом раскрытия преступления.

В криминалистической литературе начало процесса раскрытия преступления иногда связывается с возбуждением уголовного дела. При этом деятельность следователя в период, предшествующий этому, рассматривается как выявление и обнаружение преступления, установление признаков совершенного преступления, и не считается его раскрытием [6, с. 28 — 29; 10, с. 27]. Представляется, что такой подход не учитывает предусмотренную уголовно-процессуальным законом возможность фактического начала расследования преступления до момента принятия следователем решения о возбуждении уголовного дела и вынесения об этом соответствующего постановления. Ч. 4 ст. 146 УПК РФ допускает производство отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего (осмотра места происшествия, освидетельствования, назначения судебной экспертизы), до возбуждения уголовного дела. По смыслу закона это необходимо для скорейшего раскрытия преступления в условиях, когда с течением времени исходная информация о преступном событии может быть утрачена или изменена, преступник может скрыться от следствия или воспрепятствовать его производству и т. п. Очевидно, с фактическим проведением осмотра места происшествия, освидетельствования, назначением судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела вполне может начаться и раскрытие конкретного преступления.

Таким образом, момент начала раскрытия преступления может предшествовать возбуждению уголовного дела, если следователь в порядке ч. 4 ст. 146 УПК проводит отдельные следственные действия по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего; совпадать с моментом возбуждения уголовного дела или наступить через определенный (как правило, непродолжительный) промежуток времени после возбуждения дела, когда начнется производство необходимых следственных и иных действий.

Преступление не всегда раскрывается лишь после завершения первоначального этапа расследования. Это может случиться еще до его окончания. Если в результате первоначальных следственных действий и иных мероприятий событие преступления и лица, виновные в его совершении, были установлены, то затем начинается этап изобличения преступника, последовательного, детального установления всех обстоятельств дела, всех элементов предмета доказывания.

В ситуации, когда на первоначальном этапе расследования преступление раскрыто не было, решение данной задачи должно быть продолжено и на последующем этапе расследования, с учетом специфики складывающихся здесь следственных ситуаций и направленности действий следователя. В криминалистической литературе имеется следующая рекомендация: на последующем этапе расследо-

вания после анализа и оценки собранных доказательств с учетом имеющейся ориентирующей информации следователем составляется развернутый план дальнейших действий для решения в первую очередь задачи раскрытия преступления и только потом уже — всестороннего доказывания формулы обвинения [1, с. 240].

Независимо от того, в какой период расследования преступление может оказаться раскрытым, важность быстрого решения данной задачи в сложившейся следственной ситуации не должна вызывать сомнения. Это отвечает общему требованию оперативного осуществления следственной деятельности. Все практические действия следователя по раскрытию преступления, в соответствии с принципом оперативности, необходимо проводить активно, непрерывно, наступательно; следователь должен быть постоянно готов действовать с учетом складывающихся ситуаций, быстро и безотлагательно выбирать и применять такие средства раскрытия преступлений, которые кратчайшим путем, рациональным образом способствуют поиску, собиранию, исследованию и оценке доказательственной информации. Реальные случаи из следственной практики подтверждают значение своевременного раскрытия преступления для его успешного расследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Белкин Р. С.** Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: От теории — к практике. М.: Юрид. лит., 1988. 304 с.

2. **Бердичевский Ф. Ю.** О предмете и понятийном аппарате криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 24. С. 131 — 149.

3. **Драпкин Л. Я.** Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1987. 165 с.

4. **Драпкин Л. Я.** Ситуационный подход в криминалистике и проблема периодизации процесса расследования преступлений // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1988. С. 8 — 16.

5. **Драпкин Л. Я.** Ситуационный подход в раскрытии отдельных групп преступлений // Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1980. С. 10 — 21.

6. **Дубривный В. А.** Деятельность следователя по расследованию преступлений / (Общая характеристика. Цели. Действия). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. 96 с.

7. **Михайлов А. И.** Процессуальная сущность раскрытия преступлений / А. И. Михайлов, Л. А. Сергеев // Сов. государство и право. 1971. № 4. С. 110 — 115.

8. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. М.: Спарк, 2004. 1151 с.

9. **Сидоров В. Е.** Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика. М.: Рос. право, 1992. 176 с.

10. **Степанов В. В.** Выявление преступлений — начальный этап борьбы с преступностью // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1988. С. 25 — 32.

Поступила 05.07.06.

СТРУКТУРА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВ

П. В. МАЛЫШКИН, кандидат юридических наук
А. В. ЧУКУРОВ

Успешное расследование любого преступления в большей степени зависит от умения следователя не только правильно оценить уголовно-правовую сторону преступления, но и от его умения дать верную криминалистическую характеристику совершенного преступления. Криминальные банкротства не исключения. Впоследствии из криминалистической характеристики преступления можно выделить наиболее важную криминалистическую информацию, на основе которой имеется возможность построить основные версии по делу и осуществить планирование расследования преступления в целом.

Вопрос о месте и значении криминалистической характеристики преступления (далее КХП) как самом распространенном способе описания преступной деятельности в криминалистике пришел к своему логическому завершению не сразу. На протяжении нескольких десятилетий в научных кругах разгорались споры о том, нужна ли КХП вообще и каково в таком случае ее значение. Так, Р. С. Белкин указывал, что «среди понятий, занимающих незаслуженно значительное место в криминалистической теории и следственной практике, фигурирует криминалистическая характеристика преступлений как типовая абстрактная модель признаков конкретного вида преступной деятельности» [3, с. 6]. Впоследствии им же было выдвинуто еще одно опровержение необходимости КХП: «криминалистическая характеристика преступлений, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, криминалистический фантом» [2, с. 56].

В то же время существуют мнения, которые встают на защиту КХП и подчеркивают ее необходимость и значение для криминалистической теории. По мнению В. К. Гавло, «существование криминалистической характеристики оправдано... с позиции разработки техники, тактики и методики раскрытия, расследования и предотвращения преступлений. В методике расследований она является первым ее структурным компонентом» [4, с. 23 — 34].

По мнению авторов статьи, КХП является важнейшей частью криминалистической теории, так как, во-первых, служит информационной моделью преступной деятельности и, во-вторых, является источником информации и «базой» для построения версий. В поддержку этой мысли можно привести сле-

© П. В. Малышкин, А. В. Чукуров, 2006

дующее высказывание: «как таковая она может быть основанием для вероятностных умозаключений следственных версий. Криминалистическая характеристика при этом играет роль своеобразной матрицы: она «накладывается» на конкретный случай и позволяет построить его вероятностную модель. Именно в этом и заключается ее практическое значение» [6, с. 61]. Точки зрения необходимости КХП придерживается и П. А. Резван, отмечая, что «криминалистическая характеристика конкретного вида преступления, являясь вероятностной моделью, может использоваться следователем для определения обстоятельств, подлежащих доказыванию» [6, с. 44]. Кроме того, практика расследование любого преступления начинается с составления его КХП, что само за себя говорит о ее практической значимости и важности.

Как бы то ни было, на сегодняшний день понятие КХП уже твердо вошло в обиход как ученых, так и практиков. В то же время до сих пор существуют разногласия по поводу самого определения КХП. Этому вопросу посвящены труды многих ученых. Среди них Р. С. Белкин, В. А. Образцов, Л. А. Сергеев, В. К. Гавло и другие авторы.

Однако, до настоящего времени в криминалистике не сложилось единого, общепринятого определения КХП.

Так, к примеру, Н. П. Яблоков под КХП понимает «научно разработанную систему описания криминалистически значимых признаков вида, группы и отдельного преступления, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки его совершения, личностных данных его субъекта и иных обстоятельствах преступной деятельности, имеющую своим назначением обеспечить успешное решение задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [7, с. 45]. Р. А. Алексеев в понятие КХП вкладывает «систему обобщенных фактических данных о наиболее типичных признаках определенного вида (группы) преступлений, проявляющихся в способе и механизме деяния, обстановке его совершения, личности субъекта преступления, иных обстоятельствах, закономерная взаимосвязь которых служит основой решения задач раскрытия и расследования преступлений [1]. По мнению А. Н. Колесниченко и В. Е. Коноваловой, КХП — это «система сведений о криминалистически значимых признаках преступлений одного вида, отражающих закономерные связи между ними и являющихся основой для расследования конкретных преступлений [5, с. 7 — 9].

Представляется, что определение, данное А. Н. Колесниченко и В. Е. Коноваловой, является наиболее качественным и полностью отражающим суть и значение КХП, поэтому автор присоединяется к этому мнению, и в дальнейшем описание структуры КХП криминальных банкротств будет основываться именно на этом определении.

Думается, что на основе предложенного определения КХП, криминалистическая характеристика криминальных банкротств — это *система сведений, содержащих информацию о способе и механизме подготавливаемого или совершенного криминального банкротства, предмете преступного посягательства, личности преступника, следах подготавливаемого или*

совершенного криминального банкротства, способах сокрытия совершенного преступления, а также условиях и обстоятельствах, способствовавших их совершению, находящихся между собой во взаимосвязи и являющихся основой для выдвижения версий по возбужденному уголовному делу и расследованию криминальных банкротстве.

Похожее определение дает и П. А. Резван: «Криминалистическая характеристика криминальных банкротств — это информационная модель преступлений, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, отражающая особенности исходной информации о криминальном банкротстве, следах события преступления, способ совершения преступления, личность преступника, причины и условия, способствовавшие совершению преступления» [6, с. 43]. Данное определение, конечно, верно. Оно содержит в себе элементы КХП криминальных банкротств и несет в себе смысловую нагрузку, направленную на описание криминалистических признаков криминальных банкротств. В то же время в данном определении, по мнению автора, нет самого главного — целей и задач КХП — основы для выдвижения версий и расследования криминальных банкротств.

Говоря о криминалистической характеристике криминальных банкротств, необходимо четко уяснить ее элементы. В Уголовном кодексе существует три нормы, предусматривающие ответственность за криминальные банкротства: неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство и фиктивное банкротство. Как уже отмечалось, КХП — это описание преступлений одной группы, поэтому для всех трех составов криминальных банкротств элементы КХП будут одинаковыми. Значение элементов КХП любого преступления трудно переоценить. Достаточно будет сказать, что от правильности их формулировки будет зависеть и полнота описания преступной деятельности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Безусловным является и то, что для каждой группы преступлений элементы КХП обладают своими особенностями. В случаях с криминальными банкротствами они «...отличаются определенным своеобразием. Это связано со значительным объемом нормативно-справочного материала отсылочного характера и принципами механизма регулирования экономических отношений в сфере предпринимательской деятельности» [6, с. 44].

Так какие же элементы должны входить в КХП криминальных банкротств? На этот счет также нет определенного мнения. Разные авторы включают в КХП разное количество элементов. Так, к примеру, С. П. Щерба, приводя мнение других авторов, указывает следующие элементы [7, с. 61]:

1) способ и механизм совершения преступления;

2) обстоятельства, подлежащие доказыванию;

3) сведения о личности преступника и потерпевшего;

4) способ сокрытия преступления;

5) причины и условия, способствовавшие совершению преступления;

6) мотивы и цель преступления;

7) типичная исходная информация о преступлении;

8) обстановка совершения преступления;

9) типичные следственные ситуации;

10) типичные материальные следы преступления и сведения о местах их обнаружения;

11) приемы и методы, используемые при создании преступной группы;

12) источники получения технических средств, используемых для подготовки и совершения преступления;

13) условия охраны предмета посягательства;

14) объект и предмет преступного посягательства;

15) распространенность и общественная опасность преступления.

Представляется, что такой подход к элементам структуры КХП криминальных банкротств является не совсем правильным. На это есть несколько причин. Для начала, такой объем элементов КХП криминальных банкротств может просто вызвать путаницу при сборе информации по этим элементам. Как опять правильно отмечает С. П. Щерба, «при излишнем ограничении количества элементов или при необоснованном расширении их круга невозможно обеспечить соблюдение принципа полноты расследования, так как некоторые важные вопросы останутся невыясненными, либо потребуется дополнительное время для выяснения малозначительных обстоятельств, что невозможно в сжатые сроки предварительного расследования» [10, с. 64]. Во-вторых, не все элементы данной КХП являются криминалистическими; она, если так можно выразиться, смешана с уголовным правом. Так, к примеру, мотивы и цель совершения преступления, объект преступного посягательства, общественная опасность преступления больше имеют отношение к уголовно-правовой характеристике преступления, и включение их в криминалистическую характеристику преступной деятельности является, на наш взгляд, просто нелогичным. Кроме того, КХП преступной деятельности сама является «исходной информацией о преступлении» и основывается на «типичной следственной ситуации», поэтому совершенно непонятно, для чего нужны эти элементы в КХП криминальных банкротств. Не согласен с таким количеством элементов КХП и С. П. Щерба, поэтому им предлагаются следующие элементы КХП криминальных банкротств [7, с. 53]:

1) типичная исходная информация о преступлении;

2) способы совершения, сокрытия и механизм совершения преступления;

3) мотивы и цель преступления;

4) сведения о личности преступника.

Можно согласиться с этим автором, но с некоторыми поправками. Как уже отмечалось, мотив и цель совершения преступления относятся к уголовно-правовой характеристике преступления. В то же время, на наш взгляд, следует разграничить элемент «способы совершения, сокрытия и механизм совершения преступления» на два самостоятельных: «способы и механизм совершения преступления» и «способы сокрытия преступления». Необходимость выделения «способа сокрытия преступления» как самостоятельного элемента КХП криминальных банкротств в отдельный элемент вызвана, на наш взгляд, тем, что, как правило, сокрытие криминальных

банкротств осуществляется путем совершения другого преступления (кража, поджог, фальсификация и подделка документов и др.). По этой причине сбор информации в рамках данного элемента может привести к выявлению другого преступления.

В своем диссертационном исследовании П. А. Резван приводит следующую структуру КХП криминальных банкротств [6, с. 52]:

1) предмет преступного посягательства;

2) обстановка совершения криминальных банкротств;

3) личность преступника и его характеристика;

4) способы совершения и сокрытия криминальных банкротств;

5) обстоятельства, способствующие совершению преступления.

Абсолютно правильным, по нашему мнению, является включение в КХП криминальных банкротств таких элементов, как обстановка совершения преступления и обстоятельства, способствующие совершению преступления. Информация, собранная в рамках «обстановки совершения криминальных банкротств», даст ответ на вопросы: при каких обстоятельствах совершалось или подготавливалось преступление, есть ли свидетели преступления и др. вопросы, способствующие восстановлению картины преступления. Обстоятельства, способствующие преступлению, как элемент КХП окажут значительную помощь в познании механизма преступления.

Таким образом, наиболее правильным и полным составом элементов КХП криминальных банкротств следует признать следующий:

1) предмет преступного посягательства;

2) характеристика личности субъекта криминальных банкротств;

3) способы совершения криминальных банкротств;

4) обстановка совершения преступления;

5) способы сокрытия преступления;

6) обстоятельства и условия, способствующие совершению преступления.

Автором неслучайно выбрана указанная последовательность элементов КХП криминальных банкротств. Как уже отмечалось, все они находятся во взаимосвязи, продолжают и дополняют друг друга. Так, выяснив предмет преступного посягательства, следственный работник изучит личность субъекта криминального банкротства и, исходя из его умственных способностей, образования, опыта ведения финансово-хозяйственной деятельности и других субъективных особенностей, сможет сделать вывод о том, каким же способом было совершено рассматриваемое преступление. В определении способа совершения преступления также могут помочь и проведение судебных финансово-экономических преступлений, показания свидетелей, очевидцев, да и вообще любой источник информации о совершенном криминальном банкротстве. Значение таких элементов, как «обстановка совершения преступления» и «способы сокрытия криминальных банкротств» рассмотрены нами выше.

В заключение отметим, что в настоящей статье автором проведен анализ мнения некоторых ученых по таким вопросам, как место КХП в криминалистической теории, опреде-

ление КХП и ее структура в части, касающейся криминальных банкротств. На основе данного анализа была предпринята попытка самостоятельного решения указанных вопросов, которая имеет, по нашему мнению, большое как теоретическое, так и практическое значение для разработки методик расследования криминальных банкротств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Алексеев Р. А.** Криминалистическая характеристика уклонения от уплаты налогов с организации // Научный электронный журнал КубГАУ. 2004. № 01 (3) // Правовая система «Гарант».

2. **Белкин Р. С.** Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.

3. **Белкин Р. С.** Понятие, ставшее криминалистическим пережитком//Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Тула, 2000.

4. **Гавло В. К.** Типовая криминалистическая характеристика преступлений. изжила ли она себя// Криминалистика: актуальные вопросы теории к практики. Ростов н/Д., 2002.

5. **Колесниченко А. Н.** Криминалистическая характеристика преступлений / А. Н. Колесниченко, В. Е. Конозалова. Харьков, 1985.

6. **Резван П. А.** Методика расследования криминальных банкротств Дисс. канд. юр. наук. Волгоград, 2004.

7. **Щерба С. П., Власов П. Е.** Расследование криминальных банкротств и неправомерных действий при банкротстве. М., 2005.

8. **Яблоков Н. П.** Криминалистика. М., 1995.

Поступила 05.07.06.

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА О НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ И ПОИСК СРЕДСТВ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

С. В. ТАСАКОВ, кандидат юридических наук

Ст. 45 Конституции Российской Федерации провозглашает, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [5]. Основой права необходимой обороны являются положения ст. 22, 23 и 25 Конституции РФ, закрепляющие право на свободу и личную неприкосновенность, в том числе и неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, и право на неприкосновенность жилища.

Данное право конкретизировано и в уголовном законодательстве России. В соответствии со ст. 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства

© С. В. Тасаков, 2006

от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия [13].

Необходимая оборона представляет собой один из древнейших институтов уголовного права, поскольку возможность причинить нападающему вред рали сохранения жизни, здоровья, собственности, а также для защиты прав и законных интересов третьих лиц — такое же «естественное» право, как право на жизнь, здоровье или право собственности.

Признание права необходимой обороны от грозящей опасности присуще всем государствам на различных этапах их развития. Данная оборона признается дополнением к охранительной функции государства, и причинение вреда посягающему является не только извинительным, но и правомерным. Нельзя возлагать реализацию названного права только на правоохранительные органы и иные государственные учреждения: это задача государства и общества в целом.

Современное состояние преступности в России характеризуется крайне негативными тенденциями, о чем свидетельствуют как количественные, так и качественные показатели. Значительный рост наблюдается в сфере преступлений против личности (среди которых и убийства). Так, в 2004 г. зарегистрировано 2 893 810 преступлений (что на 5,0 % больше, чем в 2003 г., и на 12,7 % — чем в 2002 г.), причем 936 804 преступления относятся к категории тяжких и особо тяжких (из них 31 553 — убийства) [12].

Как отмечает В. П. Малков, причинами увеличения количества убийств являются ревизия нравственных ценностей в обществе, пропаганда с экранов телевидения и других средств массовой информации культа насилия и наживы, рост пьянства, падение материального уровня жизни широких масс и создавшаяся в связи с этим психологическая напряженность в обществе и неуверенность в завтрашнем дне [6, с. 18].

В условиях, когда государство в лице правоохранительных и иных органов государственной власти не в состоянии обеспечить безопасность и эффективную защиту прав и законных интересов законопослушных граждан, оно обязано предоставить максимально широкие возможности для этого самим гражданам. Поэтому чрезвычайно важной становится роль такого правового института, как необходимая оборона.

Сложившаяся в стране криминогенная ситуация, повышение случаев насильственных и корыстно-насильственных преступлений требуют активного противодействия граждан любым подобным посягательствам. Это предполагает дальнейшее улучшение правового регулирования института необходимой обороны. Несмотря на большое количество исследований, посвященных ей, применение ее вызывает многочисленные споры на практике и в теории уголовного права. Данный парадокс отчасти можно объяснить тем, что редакция ст. 37 УК РФ и в настоящее время остается не самой удачной, поэтому нужна корректировка.

Необходимая оборона — сдерживающий фактор в области насильствен-

ной преступности. Уголовное законодательство должно предоставить обороняющемуся самые широкие возможности для отражения преступного посягательства, сохраняя лишь минимальные ограничения, служащие для предотвращения злоупотребления этим правом. Гуманизм по отношению к лицу, осуществляющему посягательство, уместен лишь тогда, когда оно задержано и не представляет опасности для общества. В момент же преступного посягательства обороняющийся, находясь в заведомо худших условиях, должен иметь право на использование эффективных средств защиты.

С точки зрения общественной нравственности государство всегда должно быть заинтересовано в том, чтобы лица, осуществляющие защиту правоохраняемых интересов от общественно опасных действий, находились в максимально благоприятных и более выгодных по сравнению с преступником условиях. На деле все происходит наоборот.

Люди нередко боятся не самого посягающего, а дальнейшего уголовного преследования, не говоря уже о физических и моральных издержках. К сожалению, судебно-следственная практика по данному вопросу небезупречна. В случае смертельного исхода при обороне всегда возбуждается уголовное дело и обороняющийся ставится в положение подозреваемого, а нападающий выглядит жертвой. Ситуация усугубляется, если при происшедшем инциденте не было очевидцев и обороняющемуся приходится доказывать свою невиновность. Сознавая и предвидя все это, гражданин с трудом решается на необходимую оборону.

В связи с этим уместно напомнить дело Медведкина [1, с. 8]. Органы предварительного следствия квалифицировали действия Медведкина по ст. 103 УК РСФСР как простое убийство. Ими было признано, что тот в состоянии необходимой обороны не находился. Дивеевский районный суд Нижегородской области не согласился с указанной квалификацией, посчитав, что Медведкин находился в состоянии необходимой обороны, но превысил ее пределы, и переквалифицировал его действия на ст. 105 УК РСФСР. Нижегородский областной суд согласился с указанной квалификацией, однако заместитель председателя Верховного Суда РФ отверг мнения судебных органов и принес протест в президиум Нижегородского областного суда, который протест удовлетворил и признал, что действия Медведкина в соответствии со ст. 13 УК РСФСР не являются преступными. Как видно, различные судебные инстанции на основе одних и тех же данных сделали различные выводы.

Разумеется, такая практика не способствует эффективному применению рассматриваемого института, и сложившаяся в стране ситуация, очевидно, должна быть изменена. Масштабы реализации права на необходимую оборону во многом зависят от того, насколько население почувствует свою правовую защищенность, а значит, от грамотной, слаженной и четкой работы системы правосудия. Должно быть совершенно понятно каждому, что действия лица в состоянии необходимой обороны не только правомерны, но и общественно полезны и морально поощряемы, так как

они препятствуют осуществлению преступных намерений, создают обстановку нетерпимости к противоправным поступкам, воспитывают у населения активную гражданскую позицию. Мы поддерживаем предложение Б. Г. Разгильдиева о закреплении в законе принципа материального вознаграждения граждан за реализацию названного права [8, с. 20].

Все еще редко при решении вопроса о том, находилось ли лицо в состоянии необходимой обороны, учитывается его психическое состояние, вызванное общественно опасным посягательством. Оно же оказывает значительное влияние на сознание и поведение людей, особенно в экстремальных ситуациях [11, с. 120]. В подавляющем большинстве случаев человек находится в возбужденном состоянии, часто в состоянии аффекта, когда не всегда может правильно оценить обстановку и соразмерность своих действий по защите с характером и опасностью посягательства. Требовать же от обороняющегося сохранять хладнокровие и адекватно воспринимать обстановку в момент посягательства безнравственно.

Так, в ст. 41 УК Голландии 1886 г. было закреплено, что «лицо, превышающее пределы необходимой обороны, если такое превышение явилось непосредственным результатом сильного эмоционального возбуждения, вызванного нападением, не подлежит уголовной ответственности» [14]. Аналогичные статьи содержатся в УК Дании 1930 г. [15], УК Республики Болгария 1968 г. [16], УК Польши 1997 г. [17]

К сожалению, данное обстоятельство не всегда учитывается должным образом в российском законодательстве, на что справедливо указывает И. Фаргиев, считающий, что Пленуму Верховного Суда РФ целесообразно было бы дать соответствующее разъяснение по обстоятельствам, исключающим преступность деяния [19, с. 56].

Давно ведется спор о допустимости необходимой обороны от посягательства на честь и достоинство личности. Одни авторы полагают, что она в данном случае возможна [3, с. 20], другие стоят на противоположной позиции [10, с. 66], третьи признают необходимую оборону в подобных обстоятельствах лишь при определенных факторах — например, при повторяющихся оскорблениях [4, с. 46]. Н. А. Овезов допускает ее применение при оскорблении действием, даже при отсутствии насилия [7, с. 31].

Посягательства на честь и достоинство являются общественно опасными, и, следовательно, есть правовое основание для необходимой обороны. Споры же о том, когда возможна необходимая оборона чести и достоинства личности, касаются не правового, а фактического основания такой обороны.

Дискуссионным является вопрос о возможности необходимой обороны, если преступное посягательство выражается в оскорблении потерпевшего. Он исключительно актуален в российской действительности, поскольку оскорбление, особенно в общественном транспорте, стало для некоторых граждан чуть ли не нормой поведения. Между тем оно приносит значительные нравственные страдания, и несправедливо возлагать на законопослушных граждан обязанность переносить оскорбление, предоставляя

им право обратиться в суд в порядке частного обвинения. Установить личность человека в незнакомой обстановке проблематично, равно как и задержать лицо, привлечь свидетелей, из-за небольшой общественной опасности данного преступления.

В связи с этим потерпевший должен иметь возможность требовать от оскорбляющего его лица прекращения преступных действий, а в случае их продолжения — принять меры, направленные на их пресечение, в том числе и применив насилие, не сопровождающееся причинением вреда здоровью.

Мы не можем согласиться с тем, что нравственные страдания лица, подвергшегося оскорблению, значительно меньше тех, которые испытывает человек при применении к нему насилия.

Необходимая оборона возможна не только при защите личности от насильственных действий, но и при защите жилища, материальных ценностей и других правоохраняемых интересов. Никаких ограничений действующее законодательство в этой части не содержит. Однако вызывает недоумение отношение законодателя к защите права собственности. Безусловно, жизнь и здоровье человека более значимые ценности, чем имущество. Тем не менее кража ценных или дорогостоящих вещей из жилого помещения вряд ли уступает по степени общественной опасности причинению вреда (легкого или среднего) здоровью человека. Поэтому, на наш взгляд, обороняющийся должен иметь право защиты неприкосновенности своего жилища и собственности путем причинения любого вреда здоровью преступника (в том числе и смерти).

В последние годы гражданам все чаще приходится защищать право собственности при помощи различных средств и приспособлений, так как правоохранительные органы не в состоянии остановить «дачный беспредел». В средствах массовой информации неоднократно сообщалось, что владельцы дачных участков используют разные способы защиты: яд, капканы, ямы и т. д. В этих условиях названная проблема заслуживает пристального внимания и законодательного разрешения. К сожалению, подобные действия суды, как правило, квалифицируют как умышленное причинение вреда здоровью человека либо убийство с косвенным умыслом.

Так, Калининградским областным судом за убийство двух или более лиц, совершенное способом, опасным для жизни многих людей, по п. «д», «з» ст. 102 УК РСФСР был осужден Авдеев, который с целью пресечения проникновения кого-либо на его земельный участок установил у входа взрывное устройство. Когда группа подростков пыталась попасть на участок, взрывное устройство сработало и взрывом были убиты Зеленов, Майер и Грошев. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор Калининградского областного суда оставила без изменения. По мнению Н. Святенюка, данные действия следует квалифицировать как совершенные с неконкретизированным косвенным умыслом, с чем мы не можем согласиться [9, с. 50].

Лица, совершившие противоправные деяния, превращаются в жертв, а законопослушные граждане — в преступников. Ссылка на то, что данные

действия не охватываются рамками необходимой обороны в силу того, что отсутствует наличность посягательства, несостоятелен. Бесспорно, что технические устройства и приспособления направлены против предполагаемого посягательства и, несмотря на то, что используются в момент, когда посягательство отсутствует, приводятся в действие именно в момент нападения. В нормальных условиях человеческого общежития технические устройства не создают угрозы причинения вреда третьим лицам, т. е. законопослушным гражданам. Никому не запрещено заблаговременно готовиться к необходимой обороне против предполагаемого посягательства. Это соответствует и нормам нравственности.

Конечно же, необходимым условием является обеспечение того, чтобы пострадать от используемых приспособлений могли только лица, которые проникли на территорию противоправно. Если же существует угроза причинения вреда третьим лицам, то правила о необходимой обороне неприменимы.

Следует закрепить в законолательном порядке право граждан на установку технических устройств и приспособлений для защиты от общественно опасных посягательств своего жилища, собственности и т. п. В этой связи хотелось бы согласиться с А. Шнитенковым, который предлагает дополнить ст. 37 УК РФ частью 4 в следующей редакции: «Применение средств и приспособлений для защиты правоохраняемых интересов в отсутствие обороняющегося, если эти средства и приспособления не создавали опасности для лиц, не совершающих общественно опасные посягательства, признается правомерным при причинении любого вреда лицу, совершившему общественно опасное посягательство» [20, с. 38]. Подобную идею ранее высказывали и В. Н. Кудрявцев и С. Г. Келина [18, с. 123]. И. Э. Звечаровский, С. В. Пархоменко и С. Ф. Милюков также считают, что причинение вреда при защите правоохраняемых объектов с помощью технических устройств может и должно рассматриваться по правилам о необходимой обороне при соблюдении условий ее правомерности [2]. Позиция данных авторов представляется вполне обоснованной.

Итак, изучение теории и практики применения института необходимой обороны согласно уголовному законодательству России позволяет сделать вывод, что, несмотря на значительную его разработанность, он нуждается в дальнейшем совершенствовании в целях его эффективного применения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бюл. Верхов. Суда РФ. 1994. № 11.

2. **Звечаровский И. Э.** Уголовно-правовые гарантии реализации права на необходимую оборону / И. Э. Звечаровский, С. В. Пархоменко. Иркутск, 1997; **Милюков С. Ф.** Российское уголовное законодательство: Опыт критического анализа / С. Ф. Милюков. СПб., 2000.

3. **Кириченко В. Ф.** Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве / В. Ф. Кириченко. М.; Л., 1948.

4. **Козак В. Н.** Право граждан на необходимую оборону / В. Н. Козак. Саратов, 1972.

5. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М., 1993.
6. **Малков В. П.** Уголовно-правовая охрана жизни человека в России / В. П. Малков // Рос. судья. 2003. № 8.
7. **Овезов Н. А.** К вопросу об обстоятельствах, устраняющих общественную опасность и противоправность деяния в советском уголовном праве / Н. А. Овезов. Ашхабад, 1972.
8. **Разгильдиев Б. Г.** Общественно полезные деяния, предусмотренные УК / Б. Г. Разгильдиев // Законность. 1993. № 12.
9. **Святенюк Н.** Квалификация некоторых видов убийств / Н. Святенюк // Уголов. право. 2004. № 1.
10. **Слуцкий И. И.** Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность / И. И. Слуцкий. Л., 1956.
11. **Спасенников Б. Л.** Судебная психология и судебная психиатрия. Часть Общая / Б. Л. Спасенников. Архангельск, 2002.
12. Статистические данные ГИЦ МВД РФ.
13. Уголовный кодекс РФ 1996 г. (в ред. Федерального закона № 29-ФЗ от 14.03.2002 г.). М., 2003.
14. Уголовный кодекс Голландии 1886 г. СПб., 2001.
15. Уголовный кодекс Дании 1930 г. СПб., 2001.
16. Уголовный кодекс Республики Болгария 1968 г. СПб, 2001.
17. Уголовный кодекс Польши 1997 г. СПб., 2001.
18. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / под ред. В. Н. Кудрявцева, С. Г. Келиной. М., 1987.
19. **Фаргиев И.** Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны / И. Фаргиев // Рос. юстиция. 2001. № 1.
20. **Шнитенков А.** Новая редакция статьи о необходимой обороне требует дополнения / А. Шнитенков // Рос. юстиция. 2003. № 2.

Поступила 11.04.06.

ОБЪЕКТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ

В. Г. АБРАМОВ, кандидат юридических наук

Объект правонарушения, являясь одним из структурных элементов состава правонарушения, часто играет ведущую роль в процессе дифференциации разнообразных форм противоправного поведения. Это положение полностью применимо и к «экологически негативным» деяниям, поскольку именно объект посягательства выступает основным идентификационным признаком нарушений законодательства в области охраны окружающей среды [4, с. 104]. Данное обстоятельство обусловливает несомненную теоретическую и практическую значимость адекватного понимания категории объекта экологического правонарушения.

Необходимость детального рассмотрения означенного вопроса предопределяется и другими не менее принципиальными моментами. В частности, выявление признаков, характеризующих особенности содержательной стороны анализируемого объекта, позволяет, с одной стороны, раскрыть социальную сущность противоправного поведения, характер и степень его вредоносности, а с другой — установить сферу применения эколого-правовых охранительных норм.

В наиболее общем смысле объектом преступления в уголовно-правовой доктрине признается то, на что направлено посягательство и чему причиняется или может быть причинен вред в результате совершения преступного деяния [7. с. 204; 10, с. 156]; объектом административного правонарушения в науке административного права — «общественно-правовые отношения, подлежащие юридической защите» нормами административного права [1, с. 33]. В общей теории права объект правонарушения трактуется как совокупность социальных отношений, личных и общественных интересов, регулируемых и охраняемых нормами права [8, с. 8, 51; 12, с. 286]. Такая его дефиниция органично вписывается в представление о правонарушении как о правовой категории, обобщающей всю совокупность свойств многообразных противоправных поступков.

© В. Г. Абрамов, 2006

Однако специалистами в области экологического права высказываются самые разные мнения по вопросу о сущности объекта экологического правонарушения, в котором в одних случаях видят: 1) природные объекты и комплексы, окружающую среду в целом, охраняемые законом от загрязнения, истощения и разрушения, а, как следствие, и здоровье человека, материальные ценности, чье состояние зависит от качества данной среды [15, с. 272, 289]; 2) собственно качество последней [18, с. 108]. В других случаях речь ведется о нормах законодательства природоохранительного и природоресурсовых отраслей и урегулированные ими общественные отношения [6, с. 75], в третьих — об отношениях между людьми по поводу окружающей среды как основы существования и жизнедеятельности общества [3, с. 81 — 82], в четвертых — о природоохранительном интересе [14, с. 25]. Имеются и некоторые и другие точки зрения.

Таким образом, единое определение объекта данного правонарушения отсутствует. Наиболее рациональной и соответствующей положениям действующего законодательства в области охраны окружающей среды представляется позиция тех ученых, которые формулируют его понятие как сложного целостного комплекса фактических общественных отношений экологического характера [19, с. 20]. (Вполне очевидно, что формулировка базируется на общетеоретическом подходе к сущности исследуемой категории.)

Однако только констатация положения, что объектом экологического правонарушения выступают общественные экологические отношения (отношения в сфере взаимодействия общества и природы), явно недостаточна. Сущность рассматриваемого объекта раскрывается в результате анализа их содержания и структуры.

Общественные отношения трактуются в социологии и юриспруденции как устойчивая система существенных и закономерных связей, объективно складывающихся между субъектами в процессе социально значимой деятельности [13, с. 33]. Исходя из подобного толкования их природы возможно выделить следующие их главные моменты: 1) это общественные (социальные) связи между субъектами; 2) они возникают в результате социально значимой деятельности; 3) связи организуются в определенную структуру; 4) они имеют объективный и устойчивый характер.

Общественные экологические отношения как проявление социальных отношений в сфере взаимодействия общества и природы предстают в объективной действительности в виде социальных связей субъектов, порождаемых необходимостью охраны окружающей среды. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» вкладывает в ее понятие достаточно широкое содержание: это деятельность органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, органов местного самоуправления, общественных и иных некоммерческих объединений, юридических и физических лиц, направленная на сохранение и восстановление благоприятного качественного состояния природной среды, рациональное использование и воспроизводство

природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия на нее хозяйственной и иной деятельности и ликвидацию ее последствий [11].

Специфика общественного экологического отношения обусловлена особенностями его внутреннего строения. В философской и социологической литературе наиболее устойчива позиция, согласно которой структурными элементами общественного (социального) отношения являются: 1) субъекты данного отношения; 2) общественно значимая деятельность (социальная связь), отражающая его основные свойства и сущность; 3) предметы, по поводу которых складывается эта деятельность, т. е. факторы, опосредствующие возникновение и существование указанной связи [2, с. 84]. Аналогичную структуру имеет и социальное отношение в сфере взаимодействия общества и природы.

Субъектный состав, позволяющий определить уровни проявления социальных связей между участниками данного отношения, нашел нормативное закрепление в изложенной выше законодательной формулировке. Данные связи могут функционировать на уровнях индивидуального взаимодействия физических лиц, взаимодействия юридических лиц между собой и с отдельными гражданами, а также государства и муниципальных образований с индивидами и их коллективными образованиями. Отмеченное обстоятельство весьма существенно для установления возможных уровней противоправного поведения и круга потенциальных правонарушителей.

Предмет общественного отношения — то, по поводу чего возникают социальные связи между субъектами и осуществляется общественно значимая деятельность последних. Применительно к социальным отношениям в сфере взаимодействия общества и природы в качестве таких предметов предстают как окружающая среда в целом, так и различные ее составляющие. Закон «Об охране окружающей среды» важнейшей составляющей выделяет природную среду (природу), которую образует совокупность отдельных ее компонентов, а также природных и природно-антропогенных объектов. Другой элемент — антропогенные объекты: материальные блага, созданные людьми для обеспечения своих социальных потребностей и не обладающие естественными природными свойствами [11].

Следует обратить внимание на то, что предмет нельзя ассоциировать с самим отношением, поскольку он всегда остается лишь частью целого, своеобразной формой «объективизации» общественного отношения, какое бы влияние ни оказывал на его содержание. Поэтому не вполне обоснована позиция тех авторов, которые считают объектом нарушений законодательства в области охраны окружающей среды отдельные компоненты природной среды, природные объекты и ресурсы. В подобных суждениях не проводится различия между объектом и предметом экологического правонарушения.

Современная доктрина экологического правонарушения и положения действующего законодательства предполагают достаточно широкую трактовку содержания понятия рассматриваемого объекта как отношений в сфере взаимодействия общества и природы. В их состав входят самые многообразные

социальные связи субъектов. Следовательно, общественные экологические отношения выступают в виде интегрированного, комплексного объекта правонарушения. Они представляют собой целостную систему, структуру которой образуют отдельные разновидности социальных отношений в области взаимодействия общества и природы.

Последние целесообразно сгруппировать в отношения по охране отдельных компонентов природной среды, природных, природно-антропогенных и антропогенных объектов. Предпосылкой дифференциации общего объекта противоправных деяний, совершающихся при названном взаимодействии, является комплексный характер окружающей среды, обусловливающий органическую взаимозависимость отмеченных групп отношений, которые в совокупности образуют единое целое. Если подобную совокупность рассматривать как систему определенных взаимосвязей между ее структурными элементами, то нетрудно заметить, что вред этой системе может быть причинен путем оказания негативного воздействия на любое звено.

Общественные отношения объективно нуждаются в регулировании социальными нормами. Поскольку их разновидностью выступают правовые нормы, то вполне естественно можно предположить, что объект экологического правонарушения — не вся совокупность социальных связей, возникающих и функционирующих в сфере взаимодействия общества и природы, а только те из них, которые взяты под охрану эколого-правовыми нормами (нормами экологического права). Однако, опираясь на факт неразрывного существования юридически значимых социальных отношений и регулирующих их правовых норм, некоторые ученые стали включать последние в состав элементов объекта экологического правонарушения [5, с. 67].

Такая позиция вызывает серьезные возражения. Как справедливо отметил при анализе сущности экологических преступлений В. Л. Мунтян, их общественная опасность «заключается не в посягательстве на юридическую форму, а в проявлении преступных действий против общественных отношений. Уголовный закон охраняет материальное содержание явления, а не его юридическую форму. Преступление нарушает сферу общественных связей и отношений между людьми, нарушая при этом правовые формы регулирования соответствующих отношений, но сами юридические формы не становятся от этого объектом уголовно-правовой охраны» [17. с. 225]. «Объектом преступления может быть признано лишь то, что терпит ущерб в результате преступления. В связи с этим не являются объектом преступления сами по себе уголовно-правовые нормы, запрет которых нарушает преступник. Уголовно-правовая норма не терпит и не может терпеть ущерба от совершенного преступления» [10, с. 159]. Приведенные суждения логически обосновывают недопустимость включения эколого-правовых норм в число элементов объекта экологического правонарушения. Данный вывод вытекает и из того, что социальные отношения и юридические нормы нельзя рассматривать в качестве равнозначных, однопорядковых категорий.

В то же время правовой аспект общественных отношений не может быть чем-то отвлеченным от их внутреннего содержания, поэтому при характеристике объекта экологического правонарушения не стоит полностью абстрагироваться от юридической формы соответствующих отношений. Первичность социальных связей субъектов в сопоставлении с регулирующей их нормой объективного права предопределяет обусловленность формы общественных отношений (нормативного закрепления) их содержанием (социальной связью). Следовательно, нарушение внутреннего содержания юридически значимых социальных отношений влечет одновременное нарушение их внешней (правовой) «оболочки».

Итак, анализ общественного экологического отношения как сложного социального механизма приводит к выводу о возможности выделения на теоретическом уровне его фактической и юридической составляющих. Данное обстоятельство послужило основанием для признания некоторыми учеными объектом нарушений законодательства в области охраны окружающей среды экологического правопорядка [16, с. 153 — 154]. Наиболее рациональным представляется конструировать формулировку, базируясь на общетеоретическом понимании категории правопорядка как состояния общественных отношений [12, с. 269]. Соответственно и применительно к сфере взаимодействия общества и природы данное понятие должно трактоваться как состояние общественных экологических отношений, урегулированных правовыми нормами. Таким образом, экологический правопорядок предстает в виде состояния упорядоченности, организованности этих отношений, закрепленного эколого-правовыми нормами и обеспечиваемого посредством выполнения общеобязательных правил.

Сущность и содержание анализируемого объекта дают основание для выделения в искомом качестве экологических правоотношений (эколого-правовых отношений), которые представляют собой охраняемые правовыми нормами отношения в сфере взаимодействия общества и природы. Это не противоречит и определению его как экологического правопорядка. Однако придание этой роли общественным (социальным) отношениям раскрывает более «глубинный» пласт, поскольку указывает на явление, служащее фундаментом исследуемого понятия.

Иные категории, рассматриваемые в качестве объекта экологического правонарушения, производны от общественных экологических отношений. В частности, только соответствующее их состояние свидетельствует об экологическом правопорядке и экологической безопасности. (Последняя определяется в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также их последствий [11]). Первично общественное отношение и в сопоставлении с правоотношением. В связи с этим следует признать нецелесообразным выделение означенных правовых категорий в качестве общего

объекта противоправных деяний, совершающихся в сфере взаимодействия общества и природы.

Длительное время в теории права и отраслевых юридических науках под объектом правонарушения традиционно понимались определенные общественные отношения. Однако в последние годы в уголовно-правовой доктрине все более настойчиво утверждается точка зрения, согласно которой объект преступления представляет собой охраняемые уголовным законом социально значимые интересы, блага, на которые посягает преступное деяние [7, с. 208 — 209; 10, с. 157 — 159]. Данная позиция выглядит вполне обоснованной, поскольку именно интересы, будучи «реальной причиной социальных действий» [9, с. 142], стимулируют возникновение соответствующих социальных связей субъектов. (В общей теории права охраняемый законом интерес характеризуется как «юридически предусматриваемое стремление субъекта к достижению тех благ, обладание которыми дозволено государством и обеспечено правовыми возможностями определенного вида» [8, с. 58].)

Следует отметить, что понятие объекта экологического правонарушения может трактоваться в широком и узком значениях. Во втором случае он отождествляется с непосредственным объектом противоправного посягательства и представляет собой конкретную разновидность отношений, интересов в сфере взаимодействия общества и природы. Основываясь на ранее изложенном материале, можно констатировать, что они проявляются в объективной действительности в виде устойчивой системы социальных связей субъектов, порожденных стремлением к сохранению и восстановлению благоприятного качественного состояния окружающей среды.

Однако применительно к экологическому правонарушению как собирательному понятию, объединяющему в своем содержании всю совокупность признаков разнообразных вариантов противоправного поведения, совершающегося в области взаимодействия общества и природы, рациональнее выглядит комплексная формулировка его объекта как *совокупности охраняемых эколого-правовыми нормами социальных отношений, личных и общественных интересов*. Подобная трактовка охватывает целый комплекс многообразных отношений, интересов, которые могут подвергнуться негативному воздействию в результате нарушения законодательства об охране окружающей среды.

Экологическая направленность противоправного поведения определяется сочетанием двух факторов: 1) посягательства на специфический объект — отношения, интересы в сфере взаимодействия общества и природы; 2) причинения вреда окружающей среде (отдельным ее составляющим) либо существования реальной угрозы наступления такого вреда. Именно в посягательстве на специфическую область социальных отношений, личных и общественных интересов, а также в наступлении негативных последствий в первую очередь заключается вредоносность нарушения законодательства в сфере охраны окружающей среды. Экологическое правонарушение причиняет вред, оказывая негативное воздействие на определенные общественные

отношения, охраняемые правом интересы. В свою очередь, последствия противоправного поведения всегда отражаются на объекте правонарушения. Они «как бы высвечивают, материализуют сущность и специфику конкретного объекта посягательства» [7, с. 205].

Особенность объекта экологического правонарушения объясняется также следующим обстоятельством. Вполне очевидно, что негативные изменения в качественном состоянии окружающей среды способны оказать отрицательное влияние на иные охраняемые эколого-правовыми нормами блага, интересы, в том числе такие, которые обладают повышенной социальной ценностью, — жизнь и здоровье людей. Поэтому они обоснованно включаются в содержание анализируемого понятия.

Но сами жизненно важные интересы человека, имущественные интересы физических, юридических лиц, государства, муниципальных образований, которые берутся под охрану эколого-правовыми нормами, никогда не являются основным объектом противоправных деяний, совершающихся в области взаимодействия общества и природы. Нанесение ущерба здоровью граждан (в том числе и наступление смерти), имуществу субъектов в такой ситуации предполагается не в виде прямого посягательства на них, а опосредованно — в результате причинения вреда общественным экологическим отношениям. Следовательно, жизненно важные интересы человека, имущественные интересы субъектов надлежит рассматривать в качестве дополнительных объектов исследуемого правонарушения (в случае указания эколого-правовой нормы на нарушение их наряду с основным объектом — экологическими отношениями и интересами).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Агапов А. Б.** Административная ответственность: учебник / А. Б. Агапов. М.: Статут, 2000. 251 с.

2. **Афанасьев В. Г.** О структуре целостной системы / В. Г. Афанасьев // Филос. науки. 1980. № 3. С. 84 — 95.

3. **Бушуева Т. А.** Объект уголовно-правовой охраны природы / Т. А. Бушуева, П. С. Дагель // Советское государство и право. 1977. № 8. С. 77 — 83.

4. **Дубовик О. Л.** Механизм действия права в охране окружающей среды / О. Л. Дубовик. М.: Наука, 1984. 168 с.

5. **Дубовик О. Л.** Причины экологических преступлений / О. Л. Дубовик, А. Э. Жалинский. М.: Наука, 1988. 240 с.

6. **Кравченко С. Н.** Имущественная ответственность за нарушение природоохранительного законодательства / С. Н. Кравченко. Львов: Вища школа; Изд-во при Львов. ун-те, 1979. 183 с.

7. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. 624 с.

8. **Малеин Н. С.** Правонарушение: Понятие, причины, ответственность / Н. С. Малеин. М.: Юрид. лит., 1985. 192 с.

9. **Малько А. В.** Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. / А. В. Малько. М.: Юрист, 2003. 250 с.

10. **Наумов А. В.** Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. / А. В. Наумов. М.: БЕК, 2000. 590 с.

11. Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

12. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2002. 520 с.

13. Общественные отношения: Вопросы общей теории / под ред. П. А. Рачкова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 200 с.

14. **Пакутин В. Д.** Уголовно-правовая охрана внешней природной среды (объект и система преступлений): учеб. пособие / В. Д. Пакутин. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1977. 80 с.

15. **Петров В. В.** Экологическое право России : учеб. для вузов / В. В. Петров. М. : БЕК, 1995. 557 с.

16. **Шемшученко Ю. С.** Правовые проблемы экологии / Ю. С. Шемшученко. Киев: Наук. думка, 1989. 232 с.

17. **Шемшученко Ю. С.** Юридическая ответственность в области охраны окружающей среды / Ю. С. Шемшученко, В. Л. Мунтян, Б. Г. Розовский. Киев: Наук. думка, 1978. 280 с.

18. **Шестерюк А. С.** Вопросы кодификации законодательства об охране окружающей среды / А. С. Шестерюк. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 120 с.

19. Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды / отв. ред. О. С. Колбасов, Н. И. Краснов. М.: Наука, 1985. 225 с.

Поступила 06.12.05.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ О СУЩНОСТИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

И. А. ЕМЕЛЬКИНА, кандидат юридических наук

Недвижимое имущество — старинная и известная во всех государствах правовая конструкция. Созданная в Риме, она проникла в правовые системы большинства стран. Исторические и политические события в разных странах не могли не повлиять на правовую природу, сущность и содержание категории недвижимости. Российское государство не исключение: в истории развития нашего отечества отношение к этой категории менялось с крайней противоположностью. Неудовлетворительное состояние дел в области правового регулирования недвижимости заставляет представителей гражданско-правовой науки находиться в поисках наиболее оптимального варианта создания правовой категории недвижимости.

Итак, удовлетворяет ли потребности правоприменительной практики и гражданско-правовую теорию определение недвижимости, имеющееся в законодательстве? Со всей очевидностью можно говорить, что нет. В громкий голос ученые заявляют, что законодательство о недвижимости требует совершенствования. В этой связи рабочей группой Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства подготовлена Концепция развития гражданского законодательства о недвижимых вещах. Концепция изобилует предложениями по совершенствованию действующего законодательства, но вместе с тем в ней, тем не менее, предлагается сохранить имеющееся легальное определение недвижимости [7, с. 30 — 35]. Недоработки зако-

© И. А. Емелькина, 2006

нодателя постоянно освещаются в юридической литературе, и в разрез с мнением авторов указанной концепции ряд правоведов полагает, что «никак нельзя согласиться с утверждением разработчиков Концепции о том, что определение недвижимой вещи ст. 130 не нуждается в пересмотре» [10, с. 55]. Стремлением устранить недостатки законодательства о недвижимости объясняются и внесенные 29 декабря 2004 г. в ст. 130 ГК изменения, включившие в систему недвижимости незавершенное строительство.

В настоящее время можно обозначить несколько доктринальных подходов в отношении дефиниции недвижимого имущества.

Во-первых, высказывается неудовлетворительность в использовании к недвижимым вещам синонимов «недвижимость» и «недвижимое имущество» (Н. А. Духно, Г. В. Чубуков, Е. А. Дорожинская, Н. В. Диаковская) со ссылкой на то, что каждый из этих терминов несет собственную смысловую нагрузку.

Во-вторых, высказываются сомнения относительно закрепления в качестве основополагающего признака «прочной связи с землей и невозможности перемещения объекта без несоразмерного ущерба назначению» (О. Ю. Скворцов, Е. Ю. Петров, Б. М. Гонгало).

В-третьих, сложились две теории относительно понятия недвижимого имущества: первую обозначают как фактическое понятие недвижимого имущества (т. е. для признания вещи недвижимой достаточно факта прочной связи с землей и невозможности перемещения объекта без несоразмерного ущерба назначению) (О. Ю. Скворцов, Е. Ю. Петров, В. В. Витрянский, Б. М. Гонгало, С. А. Степанов, И. Д. Кузьмина, Д. В. Смышляев) и вторую — виде юридического понятия недвижимого имущества (для признания вещи недвижимой наряду с указанными признаками необходима государственная регистрация права) (Е. А. Суханов, О. М. Козырь, О. Г. Ломидзе, К. И. Скловский).

Значимость представленных суждений для дальнейшего развития законодательства о недвижимости требует их глубокого анализа и оценки.

Оценка взглядов в отношении разграничения терминов «недвижимые вещи», «недвижимость» и «недвижимое имущество». На необходимость разграничения данных терминов указывают Н. А. Духно и Г. В. Чубуков. Они пишут: «Разграничение в законе недвижимого имущества и недвижимости надо считать вполне обоснованным, ибо не все объекты недвижимости можно в полном смысле слова считать имуществом. Так, в силу своего естественного происхождения земля в целом и отдельные обособленные земельные участки — это не имущество в экономическом смысле слова. В условиях рыночной экономики земельные участки приравнены к имуществу лишь в силу законодательного предписания, подобно тому, как морские и воздушные суда, космические объекты, будучи фактически движимыми объектами, законодательством приравнены к недвижимым вещам». По их мнению, в отношении земли следует применять термин «земельная недвижимость» [6, с. 17]. Комментируя указанное суждение, следует сказать, что Гражданский

кодекс РФ отождествляет такие термины, как «недвижимость», «недвижимые вещи» и «недвижимое имущество». Совершенно очевидно, что земля отличается от остальных объектов недвижимого имущества, прежде всего, тем, что она является таковой по природным свойствам, а также представляет собой первичный элемент в категории недвижимого имущества. Однако и в практике, и в юридической литературе пришли к единству в отношении того, что индивидуально-определенные земельные участки, имеющие границы в системе объектов гражданских прав, включены в число вещей. Такие земельные участки подлежат кадастровому учету и могут быть объектами гражданских прав. В связи с тем что правовой режим земельных участков подпадает под правовой режим недвижимых вещей, обозначение их как «земельной недвижимости» не вносит никаких особенностей в правовое регулирование.

Несколько по-иному рассматривает указанные термины Е. А. Дорожинская. Она считает, что «недвижимость» больше определяет правовые отношения, чем характеризует физический объект, в то время как «недвижимое имущество» больше указывает на вещь как таковую и на то, что она неподвижна (неперемещаема), т. е. обладает законодательно закрепленными признаками. Понятие «недвижимость» можно определить как совокупность прав на объекты собственности, оговоренные законом. Вещь как материальный объект может еще не быть имуществом, и сочетание «недвижимая вещь» прямо указывает лишь на ее физическое состояние. В отношении самого слова «имущество», интерпретированного в русском языке как собственность, можно предположить, что оно сегодня наделено переходными, промежуточными понятиями «вещь» и «собственность» [6, с. 41]. Далее она приходит к выводу, что «формулировка ст. 130 ныне действующего кодекса РФ все же наиболее последовательно и логично определяет недвижимость». Полагаем, что суждения Е. А. Дорожинской в части определения недвижимости как совокупности прав на объекты собственности требуют дальнейшего развития. И мы в свою очередь отметим, что отнесение вещи к категории недвижимости (недвижимой вещи, недвижимого имущества) предполагает возникновение особого правового режима.

Другой исследователь категории недвижимого имущества, Н. В. Диакопская, отмечает, что при разработке определения недвижимости можно было в большей мере учесть опыт зарубежных стран (например, Франции, Германии) и, в частности, включить в понятие недвижимости имущественные права на недвижимые вещи [7, с. 12]. Действительно, такая точка зрения имеет право на существование. В зарубежных правовых системах понятие недвижимого имущества толкуется очень широко и под ним понимают как материальные объекты, так и права на них, например, сервитуты по Французскому законодательству отнесены к недвижимости. Представляется, что в нашем правопорядке такое невозможно, поскольку у нас отсутствует концепция бестелесного имущества и объектом права собственности могут быть только материальные объекты. На страницах юридической печати из-

вестные правоведы также отмечают, что «иные виды имущества, включая имущественные права, недвижимыми быть не могут» [2, с. 4]. Что касается введения в понятие «имущество» имущественных прав, то следует сказать, что применительно к недвижимому имуществу такие права могут включаться в состав недвижимости, но в совокупности с другими вещами. Так, ст. 134 ГК РФ определяет предприятие как имущественный комплекс, в состав которого входят различные категории имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права, требования, долги, исключительные права. Вместе с тем предприятие не может быть объектом вещных прав; в качестве самостоятельного имущественного комплекса оно выступает только как объект гражданско-правовой сделки (обязательственного права).

Анализ взглядов относительно признака недвижимого имущества «прочная связь с землей и невозможность перемещения без несоразмерного ущерба их назначению».

Следует отметить, что указанный критерий в современной юридической литературе с момента его закрепления в Гражданском кодексе подвергался постоянной критике, и практически каждый исследователь правового режима недвижимости обращает на это внимание. Известно, что и в дореволюционном праве данный признак недвижимости юристы не считали удовлетворительным.

Для удобства изложения материала проблемы, возникающие в связи с данным критерием, разделим на две группы: проблемы по поводу признака «прочная связь объекта с землей» и проблемы вокруг свойства «невозможность перемещения объекта без несоразмерного ущерба вещи».

В юридической литературе критикуется такой признак недвижимости, как «прочная связь объекта с землей», со ссылкой на то, что многие искусственно созданные объекты, не имеющие прочной связи с землей, относятся к таковым. Например, квартира на пятом этаже или офис — нежилое помещение, которое регистрируется как самостоятельный объект. В литературе не раз отмечалось, что весьма сомнительной представляется связь с землей отдельного помещения, находящегося на пятнадцатом этаже здания. В таком случае с землей непосредственно связан дом, а помещения, входящие в состав здания, выступают его неотделимой частью. А. М. Эрделевский пишет, что «жилые и нежилые помещения связаны с землей опосредованно, через здание или сооружение, частью которого они являются» [12, с. 3]. Мы присоединяемся к точке зрения правоведов о том, что эти объекты относятся к недвижимым вещам не по признаку прочной связи с землей, а в силу прямого указания в законе (ст. 1 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»), и следует относить их к группе «недвижимости по закону».

Проблема вокруг признака «прочной связи объекта с землей» явилась предметом исследования авторами Концепции развития гражданского законодательства о недвижимых вещах. Они также указывают, что в настоя-

щее время возможно перемещение любого объекта с места на место за исключением разве что участков земли и недр (мосты, жилые и нежилые здания и т. п.). Однако, будучи перенесенными, такие объекты могут быть квалифицированы как недвижимые вещи только при восстановлении их неразрывной физической и юридической связи с землей [7, с. 35].

По вопросу критики признака недвижимости, вытекающего из ст. 130 ГК РФ, — «невозможность перемещения объекта без несоразмерного ущерба вещи». «Современные технические достижения позволяют перемещать даже монументальные здания на значительное расстояние не только без несоразмерного, но и без всякого ущерба их назначению», — совершенно справедливо отмечает Н. А. Сыродоев [11, с. 91]. В связи с рассматриваемым вопросом уместно привести мнение известного советского правоведа И. Л. Брауде о том, что «возможность передвижки строения с одного участка на другой, успехи строительной техники, позволяющей передвигать многоэтажные дома без нарушения жилищно-бытовых условий жителей передвигаемого дома (водопровод, канализация, энергоснабжение, газоснабжение, телефонная связь), не превращают строение в подвижную установку».

Передвижка строения есть, по существу, своеобразное новое строительство: закладывается новый фундамент, на месте старого фундамента устанавливаются катки на рельсах, и при помощи мощных лебедок надземная часть строения передвигается и устанавливается на новом фундаменте. Технически передвижка строения связана не только с заменой фундамента, но и с заменой или капитальным ремонтом других конструктивных частей строения. Строение не может подвергаться неоднократным передвижкам. *Поэтому неправилен взгляд, что возможность передвижки строения якобы опровергает стабильность технической связи строения с земельным участком* (выделено мной — И. Е.). Подвижные же помещения типа вагонов на рельсах или типа соединенных автобусов не являются строениями» [1, с. 17].

Несмотря на то, что многие объекты недвижимости возможно переместить на другое место без ущерба назначению, тем не менее, как правило, объекты, укрепляемые в землю фундаментом, имеют прочную связь с землей и ставятся на нее на длительное время. Перемещение таких объектов является исключением из общего правила, и такое закрепление понятия недвижимости в ст. 130 Гражданского кодекса — прием юридической техники.

Поскольку большинство искусственно (рукотворно) созданных объектов недвижимости имеет родовые свойства (индивидуальные и многоквартирные жилые дома, здания и сооружения, укрепленные в землю фундаментом), в практике уже выработаны правила (СНиП и др.), по которым объект относят к недвижимости. Проблемы возникают лишь в частных случаях, когда требуется оформление правового режима вроде бы и укрепленного в землю индивидуально определенного объекта, либо объектов, которые впервые включаются в оборот и также имеют связь с землей, но одновременно легко демонтируются и

переносятся на новое место без ущерба назначению. Так, в практике деятельности энергоснабжающих организаций г. Саранска возникла проблема определения правового режима системы линий электропередач. Органы технической инвентаризации в своем заключении указали, что трансформаторная станция не является объектом недвижимого имущества т. к. является сборно-разборным сооружением.

Приведем другие примеры из арбитражной практики, ставшие уже классическими в работах о недвижимости, в которых не получили однозначного разрешения проблемы отнесения к недвижимому имуществу асфальтового покрытия, автомобильных дорог. Поэтому представляется, что вопрос о включении объекта в категорию недвижимости должен разрешаться специализированными органами, имеющими специальное разрешение на осуществление техинвентаризации и определение капитальности или некапитальности строения. Полагаем, что признак «прочная связь с землей и невозможность перемещения» может быть переведен на специальный строительно-технический язык как «строения капитального типа». Более того, включение строения в разряд капитального и одновременно в категорию здания или сооружения придают ему статус недвижимого. Поэтому признак «прочная связь с землей и невозможность перемещения» можно представить в виде некой фикции — «словесной оболочки, словесного выражения определения объекта недвижимости». Другими словами, это ни что иное как прием юридической техники. В этой связи представляется сохранить данное определение недвижимости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Брауде И. Л.** Право на строение и сделки по строениям по советскому праву. М.: Юрид. лит., 1950.

2. **Гонгало Б. М.** Понятие недвижимого имущества / Правовое регулирование оборота недвижимого имущества: сборник науч. ст. / Ин-т частного права. Екатеринбург, 2002.

3. Гражданское право / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 2. М.: Волтерс Клувер, 2005.

4. **Диаковская Н. В.** Правовое регулирование государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Автореф. ... канд. юрид. наук. М.

5. **Дорожинская Е. А.** Гражданско-правовое регулирование недвижимого имущества и сделок с ним: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2001.

6. **Духно Н. А., Чубуков Г. В.** Земельный правопорядок и ответственность. М.: Ин-т защиты предпринимательства, 1998.

7. Концепция развития гражданского законодательства о недвижимых вещах // Нотариальный вестник. 2003. № 5.

8. **Кузьмина И. Д.** Правовой режим зданий и сооружений как объектов недвижимости. Автореф. ... дис. д. ю. н. Томск, 2004.

9. **Смышляев Д. В.** Правовое положение объектов незавершённого строительства, особенности регистрации прав на такие объекты / Правовое регулирование оборота недвижимого имущества: сборник науч. ст. / Ин-т частного права. Екатеринбург, 2002.

10. **Степанов С. А.** Недвижимое имущество в гражданском праве. М.: Статут, 2004.

11. **Сыродоев Н. А.** Регистрация прав на землю и другое недвижимое имущество // Государство и право. 1998. № 8.

12. **Эрделевский А. М.** Комментарий к федеральному закону «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». М., 1999.

Поступила 05.07.06

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

С. В. ПЕТРИКОВА, кандидат юридических наук

Ст. 25, 28 УПК РФ четко определяют правовой статус лица, в отношении которого возможно прекращение уголовного дела, уголовного преследования: это подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления. Однако оправданно ли оно, если речь идет о подозреваемом? Ведь прекратить их можно при наличии достаточных доказательств, что именно данным конкретным лицом совершено преступление. Но когда есть достаточные доказательства, следователь выносит постановление о привлечении указанного лица в качестве обвиняемого. Последующий допрос позволит выявить отношение лица к предъявленному обвинению, проверить доводы, которые он может выдвинуть в свое оправдание, установить обстоятельства, значащие для прекращения уголовного дела, уголовного преследования.

Мы считаем целесообразным в случае проведения предварительного следствия прекращать уголовное дело, уголовное преследование по основаниям, предусмотренным ст. 25 и ч. 1 ст. 28 УПК РФ, лишь после предъявления обвинения [3, с. 15 — 16; 16, с. 7]. При прекращении уголовного преследования по основаниям, специально предусмотренным статьями Особенной части УК РФ, а также при проведении дознания необходимо сохранить возможность прекращения уголовного дела, уголовного преследования и в отношении подозреваемого. Практически все содержащиеся в статьях Особенной части УК нормы императивны, включают обязательное предписание о прекращении преследования при исполнении лицом приведенных в них предписаний.

Процесс дознания не предполагает вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Фигура обвиняемого на данной стадии появляется лишь после обвинительного акта. Поэтому в рассматриваемой ситуации следует сохранить возможность прекращения уголозного дела, уголовного преследования в отношении подозреваемого.

© С. В. Петрикова, 2006

При конструировании ст. 25 и ч. 1 ст. 28 УПК РФ законодатель употребил выражение: «Суд, прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора, вправе прекратить...». В ст. 75, 76 УК РФ говорится, что лицо «может быть освобождено от уголовной ответственности». Вместе с тем ст. 254 УПК РФ гласит: «Суд прекращает уголовное дело в судебном заседании... в случаях, предусмотренных статьями 25 и 28 настоящего Кодекса». Непрекращение его при наличии оснований, оговоренных данной статьей, согласно п. 1 ч. 2 ст. 381 УПК РФ является нарушением уголовно-процессуального закона, которое влечет отмену или изменение состоявшегося судебного решения.

В юридической литературе не одно десятилетие дискутируется вопрос: что представляет собой в подобных случаях освобождение от уголовной ответственности — право или обязанность уполномоченных лиц? Так, Г. Б. Виттенберг утверждал: «...было бы нелогично и неправильно, если бы закон, с одной стороны, давал подробную регламентацию оснований и предпосылок освобождения от уголовной ответственности... а с другой — оставлял решение этого вопроса всецело на усмотрение следственно-судебных органов, наделяя их в этой части только правом без обязанностей» [4, с. 218]. Но все же надо признать, что в настоящее время у правоприменительных органов существует право, а не обязанность прекратить уголовное дело или уголовное преследование в случаях, указанных в ст. 25 и ч. 1 ст. 28 УПК РФ. Толкование слов «вправе прекратить», «может прекратить» приводит именно к этому выводу.

Целесообразно ли сохранение существующего порядка или следует внести изменения в УК и УПК РФ, заменив слова «может быть освобождено» на «освобождается», «вправе» на «обязан»? По мнению С. П. Щербы, А. В. Савкина, излишняя категоричность в законе может только повредить производству предварительного следствия и суду, ограничит их свободу на право выбора при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности и наказания [18, с. 40].

П. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ среди обстоятельств, подлежащих доказыванию, содержит обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Таким образом, на должностных лиц возложена обязанность всякий раз обсуждать вопрос об освобождении от уголовной ответственности. Но на практике не исключена ситуация, когда при выполнении всех условий, предусмотренных законом, при наличии одинакового характеризующего материала в отношении одного лица уголовное преследование будет прекращено, а в отношении другого — нет. Как же быть с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом?

В ст. 25 УПК РФ законодатель придает примирению сторон характер правового стимула, побуждает загладить вред, причиненный потерпевшему. Если последний считает свое право восстановленным, спор — исчерпанным, то почему законодатель должен отдавать окончательное решение вопроса о прекращении дела

на усмотрение правоохранительных органов? Потерпевший не желает продолжения процесса, но его могут обязать являться по вызову дознавателя, следователя, прокурора, судьи. В противном случае он может быть подвергнут приводу. От подобного «усмотрения» должностных лиц страдают интересы не только лиц, выполнивших все условия, необходимые для освобождения от уголовной ответственности, но и потерпевших.

По нашему мнению, в ст. 25 и ч. 1 ст. 28 УПК РФ целесообразно заменить формулировку «вправе прекратить» на «прекращают»: «Суд, прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора прекращают...» В ст. 75 и 76 УК РФ слова «может быть освобождено» подлежат замене на «освобождается».

Признают ли дознаватель, следователь, прокурор виновным лицо, в отношении которого прекращается уголовное дело, уголовное преследование по нереабилитирующему основанию? На наш взгляд, нужно ответить утвердительно, потому как, если лицо не признается виновным, вопрос об его освобождении от уголовной ответственности вообще не должен возникать. Невиновное лицо не имеет смысла освобождать от уголовной ответственности. Оно подлежит полной реабилитации [2, с. 22; 6, с. 153; 10, с. 119; 12, с. 176 — 177; 13, с. 75 — 76; 14, с. 49; 17, с. 25].

П. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ среди обстоятельств, подлежащих доказыванию, указывает и на виновность лица в совершении преступления, формы вины и мотивы. Ст. 171 УПК РФ предписывает следователю выносить постановление о привлечении в качестве обвиняемого при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления. А обвинение согласно п. 22 ст. 5 УПК РФ — это утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом.

Как видим, процессуальный закон обязывает следователя, дознавателя, прокурора разрешать вопрос о виновности лица в совершении преступления. Утверждать, что оно не признается виновным, значит, «вступать в противоречие с действительностью. На определенном этапе расследования, собранные доказательства с неизбежностью приводят следователя к выводу о том, что определенное лицо виновно в совершении преступления. Без признания вины невозможно поэтапное движение дела, невозможна передача его в суд с обвинительным заключением, а также невозможно решение вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям...» [1, с. 25].

В этой связи абсолютно необоснованными представляются утверждения о том, что органами расследования вопрос о виновности вообще не решается [9, с. 60 — 64], решение следователя при прекращении уголовного дела по названным основаниям не заключается в установлении вины в уголовно-правовом смысле [5, с. 249].

Неприемлема, на наш взгляд, позиция относительно особого положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям: такое лицо не может быть как виновным, так и неви-

новным [7, с. 30; 11, с. 86]. Неоснователь на и точка зрения, что органы предварительного расследования и прокурор устанавливают не виновность, а наличие оснований для постановки вопроса о признании лица виновным [8, с. 76].

Не согласуется с требованиями уголовно-процессуального закона трактовка, согласно которой постановление следователя о прекращении уголовного дела никогда не было и не является актом признания обвиняемого виновным в совершении преступления, по каким бы основаниям это постановление не принималось и от кого бы оно не исходило [15, с. 73 — 74]. В соответствии с УПК РФ признание лица виновным в совершении преступления может происходить на разных этапах производства по уголовному делу и разными участниками уголовного судопроизводства — дознавателем, следователем, прокурором, судом. Вывод уполномоченных на то органов может быть предварительным, промежуточным, окончательным. Все зависит от того, кто приходит к этому выводу, на основании чего он формулируется и какая процессуальная форма определяет его.

Согласно нормам УПК РФ признание виновности лица в совершении преступления возможно на различных юридических уровнях. Один уровень — установление виновности при привлечении его в качестве обвиняемого, при освобождении от уголовного преследования. Установление же виновности в совершении преступления приговором суда — другой юридический уровень, суть которого заключается в наступлении (реализации) уголовной ответственности, претерпевании отрицательных последствий осуждения.

Говоря об установлении виновности, необходимо решать этот вопрос исходя из различия компетенции дознавателя, следователя, прокурора и суда. Неодинаковы характер, порядок, объем, цели деятельности указанных лиц и органов, различны правовые последствия принимаемых ими решений, порядок опровержения сделанных выводов, юридическая сила актов. Постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, естественно, ни при каких условиях не может заменить приговора суда. Применение норм права в ходе предварительного расследования решает промежуточные, хотя и очень важные процессуальные задачи, применение норм права судом вызывает последствия в виде установления масштабов уголовной ответственности, предписывает пути реализации правоотношений.

По нашему мнению, при прекращении уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям дело разрешается по существу, лицо признается виновным в совершении преступления небольшой или средней тяжести. Но признание виновным в данном смысле не идентично установлению виновности вступившим в законную силу приговором суда. Поэтому прекращение уголовных дел, уголовного преследования по названным основаниям не противоречит принципу презумпции невиновности.

Прекращая производство по уголовному делу, соответствующие компетентные органы обязаны обеспечить пра-

ва участников процесса: обвиняемого, подозреваемого, защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, если они участвовали в деле. Они имеют право знать об основаниях и мотивах прекращения производства по делу. Согласно ч. 4 ст. 213 УПК РФ следователь вручает либо направляет копию постановления о прекращении уголовного дела лицу, в отношении которого прекращено уголовное преследование, потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику. Потерпевшему, гражданскому истцу разъясняется право предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства, если уголовное дело прекращается по основаниям, предусмотренным п. 2 — 6 ч. 1 ст. 24, ст. 25, п. 2 — 6 ч. 1 ст. 27 и ст. 28 УПК. Как нам представляется, о разъяснении этого права должен составляться специальный протокол.

На практике возникает вопрос: нужно ли знакомить с материалами прекращенного уголовного дела субъектов, указанных в ч. 4 ст. 213 УПК РФ? Норма предусматривает лишь обязанность следователя вручить (направить) указанным лицам копию постановления о прекращении уголовного дела.

Ст. 158 УПК называет прекращение уголовного дела и уголовного преследования одной из форм окончания предварительного расследования. Ст. 42, 44, 47, 54 УПК наделяют потерпевшего, гражданского истца, обвиняемого, гражданского ответчика правом знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, делать выписки из него, снимать за свой счет копии. Следовательно, при желании ознакомиться с материалами дела им необходимо предоставить такую возможность.

Если при производстве предварительного расследования к делу были допущены защитник, представитель потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, то ст. 45, 53, 426 УПК также дают им право знакомиться со всеми материалами уголовного дела.

Сложнее обстоит дело с подозреваемым. Ст. 46 УПК не предусматривает подобное право. Но вместе с тем нет никаких оснований лишать названного субъекта возможности ознакомиться с материалами уголовного дела. Поскольку представляется необходимым сохранить в уголовно-процессуальном законодательстве положение о прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемых в случаях, специально оговоренных в Особенной части УК РФ, и при производстве дознания, то целесообразно ст. 46 УПК РФ дополнить новым пунктом следующего содержания: «знакомиться при прекращении уголовного дела или уголовного преследования со всеми материалами уголовного дела и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме; снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе и с помощью технических средств».

Предоставление участникам процесса возможности знакомиться с прекращенным делом может явиться

дополнительным фактором убеждения их в правильности принятого решения. Факт ознакомления может быть отражен как в специально составленном протоколе, подписанном участником процесса и следователем, дознавателем, так и в постановлении о прекращении производства по делу, зафиксированном подписью этого участника процесса.

О разъяснении лицу прав и выяснении его мнения относительно прекращения уголовного преследования должен быть составлен особый протокол с описанием процессуального действия, выполняемого следователем, дознавателем, прокурором. В нем должно быть зафиксировано разъяснение лицу: а) сущности принимаемого решения, основание прекращение уголовного дела или уголовного преследования; б) его право возражать против прекращения уголовного дела, уголовного преследования по данному основанию. В протоколе должно быть зафиксировано мнение лица: возражает оно или нет против прекращения уголовного дела, уголовного преследования по данному основанию. Протокол подписывается этим лицом, а также другими лицами, участвовавшими в этом процессуальном действии (например, переводчиком, защитником).

Ст. 25 УПК не предусматривает при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон обязанности следователя, дознавателя, прокурора, судьи разъяснять основания прекращения дела и право возражать против его прекращения по данному основанию. Ч. 2 ст. 27 УПК лишь указывает, что прекращение уголовного преследования по основаниям, приведенным в ст. 25 УПК РФ, не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. Но прежде чем узнать, возражает он или нет, необходимо разъяснить, что основание прекращения дела именно реабилитирующее.

Следует отметить, что отсутствует единообразие при формулировке норм о прекращении уголовного дела, уголовного преследования. Так, в ч. 6 ст. 427 УПК установлено, что прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 427 УПК, не допускается, если несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый или его законный представитель против этого возражают. Аналогичное положение содержит ч. 4 ст. 28 УПК, конкретизирующая, что в подобном случае производство по делу продолжается в обычном порядке. Ст. 25 УПК, как было отмечено, подобного правила не содержит.

На наш взгляд, ч. 2 ст. 27 УПК целесообразно изложить в следующей редакции: «До прекращения уголовного преследования по п. 3 и 6 ч. 1 ст. 24, ст. 25, 28, 427 настоящего Кодекса, а также п. 3 и 6 ч. 1 настоящей статьи лицу должны быть разъяснены основание прекращения уголовного преследования и право возражать против прекращения уголовного преследования. Прекращение уголовного преследования в указанных выше случаях не допускается, если лицо, в отношении которого прекращается уголовное преследование, против этого возражает. В данном случае производство по уголовному делу продолжается в обыч-

ном порядке». Нормы аналогичного содержания из ст. 28 и 427 УПК РФ нужно исключить.

На практике встречаются ситуации, когда лицо дает согласие на прекращение уголовного дела либо уголовного преследования по нереабилитирующему основанию, но на протяжении всего процесса не признает себя виновным. Иногда такое положение возникает из-за недостаточного понимания сущности прекращения дела именно по нереабилитирующему основанию, иногда — из-за нежелания тратить время на «общение» с правоохранительными органами или из-за опасения, что реабилитации все равно не добиться, а в суде все может оказаться «еще хуже».

На наш взгляд, отрицание вины равноценно возражению против прекращения дела. Тогда производство должно продолжаться в обычном порядке, ибо, как указывалось выше, признание виновным постановлением дознавателя, следователя, прокурора о прекращении дела, преследования не равнозначно признанию виновным приговором суда и такое решение не дает оснований для возмещения вреда, устранения последствий морального вреда и восстановления в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Ч. 6 ст. 427 УПК РФ гласит, что прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия не допускается, если несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый или его законный представитель против этого возражают. Как быть, если несовершеннолетний дает согласие на прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием, а его законный представитель возражает против этого?

Исходя из того, что ст. 25, 28 УПК РФ не предусматривают учета мнения законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в качестве обязательной предпосылки прекращения уголовного преследования, в данном случае считаем возможным прекратить уголовное преследование только при согласии несовершеннолетнего. К тому же ч. 5 ст. 47 УПК РФ закрепляет, что «участие в уголовном деле защитника или законного представителя обвиняемого не служит основанием для ограничения какого-либо права обвиняемого». П. 11.3 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, предусматривает, что «любое прекращение дела в отношении несовершеннолетнего требует согласия несовершеннолетнего или его родителей, или опекуна», т. е. Пекинские правила не требуют обязательного солидарного согласия несовершеннолетнего и его законного представителя.

В практике правоохранительных органов Республики Мордовия не наблюдается единства по вопросу, следует или нет получать согласие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого. Так, по делу несовершеннолетних Ш., С. и Т. при прекращении уголовного дела следователь получил согласие от названных лиц и законного представителя Т., не учитывая мнение родителей остальных подростков. При прекращении уголовного дела в отношении не-

совершеннолетнего Г., совершившего самоуправные действия, согласие законного представителя не испрашивалось. По делу несовершеннолетнего С. следователь посчитал получение такого согласия необходимым.

Вышеприведенное свидетельствует, что в практической деятельности проблема обеспечения законности и обоснованности прекращения уголовных дел и уголовного преследования остается одной из актуальнейших.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Барабаш А. С.** Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования (ст.ст. 6^1 — 9 УПК РСФСР) / А. С. Барабаш, Л. М. Володина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. 154 с.

2. **Божьев В.** Прекращение дел на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Рос. юстиция. 1996. № 5. С. 21 — 22.

3. **Виноградова О. Б.** К вопросу о конкретизации процессуального статуса участников уголовного судопроизводства при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон // Рос. следователь. 2003. № 1. С. 14 — 16.

4. **Виттенберг Г. Б.** Вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия. Ч. 1. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1970. 223 с.

5. **Галкин Б. А.** Советский уголовно-процессуальный закон. М.: Госюриздат, 1962. 255 с.

6. **Гуляев А. П.** Следователь в уголовном процессе. М.: Юрид. лит, 1981. 192 с.

7. **Давыдов П. М.** Проблемы презумпции невиновности, обвинения в виновности в науке советского уголовного процесса / П. М. Давыдов, Л. Е. Сигалов // Проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Свердловск, 1986. С. 26 — 41.

8. **Евсютина А. П.** Вопрос о вине при прекращении дел в стадии предания суду // Проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Свердловск, 1986. С. 71 — 78.

9. **Искендеров Р. Г.** К вопросу об основаниях прекращения уголовного дела // Право (Азербайджан. ун-т). 1973. № 1. С. 60 — 64.

10. **Кобликов А. С.** Законность — конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1979. 199 с.

11. **Лобанова Л. В.** О сущности освобождения от уголовной ответственности и правовом положении освобожденного от нее // Проблемы охраны прав и законных интересов личности в социалистическом уголовном праве и процессе. Ярославль, 1985. С. 81 — 87.

12. **Лукашевич В. З.** Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 193 с.

13. **Маджинян Д. Р.** Презумпция невиновности и гарантии ее осуществления. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1989. 128 с.

14. **Митрохин Н. П.** Законность и демократизм предварительного следствия. Минск: Вышэйш. Шк., 1979. 206 с.

15. **Строгович М. С.** Презумпция невиновности и прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям // Сов. государство и право. 1983. № 2. С. 73 — 74.

16. **Токиян В.** Соотношение уголовного материального и процессуального права / В. Токиян, В. Сверчков // Законность. 2002. № 5. С. 5 — 8.

17. **Чувилев А.** Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям / А. Чувилев, Б. Безлепкин // Социалист. законность. 1972. № 6. С. 28 — 29.

18. **Щерба С. П.** Деятельное раскаяние в совершенном преступлении. Практическое пособие / С. П. Щерба, А. В. Савкин. М.: Спарк, 1997. 110 с.

Поступила 05.07.05.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ УЧАСТНИКАМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, СВОБОДА КОТОРЫХ ОГРАНИЧЕНА

Н. Р. МУХУДИНОВА, кандидат юридических наук

Конституция РФ закрепляет: все равны перед законом и судом; государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (ст. 19 Конституции РФ). Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированное ст. 48 Конституции РФ, также реализуется с учетом конституционного положения о равенстве всех перед законом и судом.

Подлинную ценность, значимость конституционные права приобретают в сочетании друг с другом. Конституционные положения в отношении прав личности имеют взаимогарантирующий характер; обеспечение одного конституционного права является гарантией обеспечения другого и всей системы конституционных прав в целом. Обеспечение равенства всех перед законом и судом и обеспечение права каждого на получение квалифицированной юридической помощи наиболее полно, наглядно выступают гарантиями обеспечения друг друга в уголовном судопроизводстве.

Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи гарантировано каждому лицу, в том числе независимо от ограничения свободы. Данное право закреплено международными актами:

— в соответствии со Сводом принципов защиты всех лиц, подвергающихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, задержанное лицо имеет право пользоваться помощью адвоката (п. 1 принципа 11). В соответствии с данным международным актом задержанное лицо вскоре после ареста информируется компетентным органом о своем праве и ему предоставляются разумные возможности для осуществления этого права. Если задержанное лицо не имеет адвоката по своему выбору, оно во всех случаях, когда этого требуют интересы правосудия, имеет право воспользоваться услугами адвоката, назначенного для него судебным или иным органом, без оплаты его услуг, если это лицо не располагает достаточными денежными средствами (п. 1, 2 принципа 17); задержанное или находящееся в заключении лицо имеет право связываться и консультировать-

© Н. Р. Мухудинова. 2006

ся с адвокатом. Задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляются необходимое время и условия для проведения консультаций со своим адвокатом. Право задержанного или находящегося в заключении лица на его посещение адвокатом, на консультации и на связь с ним без промедления или цензуры и в условиях полной конфиденциальности не может быть временно отменено или ограничено, кроме исключительных обстоятельств, которые определяются законом или установленными в соответствии с законом правилами, когда, по мнению судебного или иного органа, это необходимо для поддержания безопасности и порядка. Свидания задержанного или находящегося в заключении лица с его адвокатом могут иметь место в условиях, позволяющих должностному лицу правоохранительных органов видеть их, но не слышать (п. 1 — 4 принципа 18) [2, с. 212 — 220].

— в соответствии с Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными, заключенные должны иметь право обращаться там, где это возможно, за бесплатной юридической консультацией, принимать в заключении юридического советника (п. 93 Правил) [5, с. 290 — 311].

Возможности защиты своих прав участниками уголовного судопроизводства, свобода которых ограничена, также ограничены. Важное значение в обеспечении конституционного права участников уголовного судопроизводства на получение квалифицированной юридической помощи имеет создание условий для консультаций с лицом, оказывающим такую помощь.

В Российской Федерации механизм обеспечения конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи участников уголовного судопроизводства, свобода которых ограниченна, регулируется: Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее УПК РФ), Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Уголовно-исполнительным кодексом РФ (далее УИК РФ).

Свидания с подозреваемым, обвиняемым, находящимися под стражей, предоставляются защитнику по предъявлении удостоверения адвоката и ордера (истребование иных документов запрещается); если в качестве защитника участвует иное лицо — по предъявлении соответствующего определения или постановления суда, а также документа, удостоверяющего его личность (ч. 1 ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений»). Выполнение адвокатом процессуальных обязанностей защитника не может быть поставлено в зависимость от должностного лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело; реализация подозреваемым, обвиняемым права на свидания с защитником не может быть обусловлена разрешением должностного лица или органа. Конституционный Суд РФ в постановлении от 21 октября 2001 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в ст. 47 и 51 УПК РСФСР и п. 15 ч. 2 ст. 16 Федераль-

ного закона "О содержании под стражей подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений", в связи с жалобами граждан А. П. Голомидова, В. Г. Кислицина и И. В. Москвичева» [8] признал не соответствующим Конституции РФ существовавший порядок предоставления защитнику свиданий с подозреваемым, обвиняемым, находящимися под стражей, по предъявлении защитником документа о допуске к участию в уголовном деле в качестве защитника, выданного лицом или органом, в производстве которых находится дело (т. е. фактически разрешения следователя, суда). Конституционный Суд РФ указал, что выполнение адвокатом, имеющим ордер на ведение уголовного дела, процессуальных обязанностей защитника не может быть поставлено в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, основанного не на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах. Не предполагается какой-либо разрешительный порядок вступления адвоката в процесс, реализация права на свидания с подзащитным, находящимся под стражей. Требование обязательного получения адвокатом (защитником) разрешения от лица или органа, в производстве которых находится дело, на допуск к участию в деле, означает, по существу, что подозреваемый, обвиняемый могут лишиться своевременной квалифицированной юридической помощи, а адвокат (защитник) — возможности выполнить свои профессиональные и процессуальные обязанности, если получению такого разрешения препятствуют обстоятельства объективного (отсутствие следователя) или субъективного (нежелание следователя допустить адвоката на свидание) характера.

Как отмечает Конституционный Суд РФ в постановлении от 26 декабря 2003 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений ч. 1, 2 ст. 118 Уголовно-исполнительного кодекса РФ в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича», имеет место уведомительный, а не разрешительный порядок предоставления осужденному свиданий с адвокатом или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи [6].

Свидания с защитником без ограничения числа и продолжительности гарантируются подозреваемым, обвиняемым, находящимся под стражей, а также осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях, даже в случае применения в отношении них мер взыскания, когда их другие права существенно ограничиваются. Например, в соответствии с ч. 4 ст. 40 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений» в период содержания подозреваемого, обвиняемого в карцере запрещаются свидания, кроме свиданий с защитником. Таким образом, различаются свидания, которые предоставляются в целях сохранения социально-полезных связей с родственниками и иными лицами, и свидания с адвокатом и иными лицами, имеющими право на оказание квалифицированной юридической помощи, в целях реализации осужденным права на получение квалифицированной юридической помощи. Свидетельством

нетождественности указанных видов свиданий является и то, что свидания с адвокатом и иными лицами, имеющими право на оказание квалифицированной юридической помощи, не засчитываются в число свиданий с родственниками и иными лицами в соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений. Именно с учетом различий в правовой природе и сущности этих видов свиданий, как отмечает Конституционный Суд РФ [4], их правовой режим определяется непосредственно ст. 48 Конституции РФ и не может быть ограничен отраслевым законодательством в части, касающейся продолжительности, частоты, порядка предоставления и проведения.

С учетом статуса осужденного право на квалифицированную юридическую помощь гарантируется ему не только для обеспечения возможности отстаивать свои интересы в рамках уголовного процесса, но и для защиты от ущемляющих его права и законные интересы действий и решений органов и учреждений, исполняющих наказание. Как отмечает Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26 декабря 2003 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса РФ в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича» [6], то обстоятельство, что осужденный, отбывающий наказание в виде лишения свободы, находится в подчиненном, зависимом от администрации исполняющего наказание учреждения положении и ограничен в правомочиях лично защищать свои права и законные интересы, предопределяет особую значимость безотлагательного обеспечения ему права пригласить для оказания юридической помощи защитника и реальной возможности воспользоваться ею. Реализация осужденным права на помощь защитника, как и права на квалифицированную юридическую помощь в целом, предполагает создание условий, позволяющих ему сообщить адвокату о существе своих требований по тому или иному вопросу и предоставить всю необходимую для их отстаивания информацию, а адвокату — оказать своему доверителю консультативную помощь и согласовать с ним действия по защите его прав и законных интересов.

Законом гарантировано свидание с защитником наедине и конфиденциально. Термин «наедине» подразумевает: «вдвоем, без посторонних» [1, с. 272]. Термин «конфиденциальный» подразумевает: «секретный, доверительный» [3, с. 293], «доверительный, не подлежащий огласке, секретный» [7, с. 257].

Международные правовые акты предусматривают следующую гарантию обеспечения конфиденциальности свиданий участника уголовного судопроизводства, свобода которого ограниченна, с адвокатом:

— свидания подследственного заключенного с его юридическим советником должны происходить на глазах, но за пределами слуха сотрудников полицейских или тюремных органов (Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (ч. 2 п. «С») [2, с. 208 — 209].

Законодательство Российской Федерации гарантирует:

— свидания подозреваемого или обвиняемого с его защитником могут иметь место в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть их, но не слышать (ч. 2 ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений»);

— по заявлению осужденного свидания с адвокатом предоставляются наедине, вне пределов слышимости третьих лиц и без применения технических средств прослушивания (ч. 4 ст. 89 Уголовно-исполнительного кодекса РФ).

Исходя из смысла международных правовых актов, иные консультации подозреваемого, обвиняемого с защитником (переписка, телефонные переговоры) также должны осуществляться в условиях конфиденциальности. Законодательство Российской Федерации не предусматривает необходимые гарантии обеспечения конфиденциальности всех консультаций адвоката с подзащитным, находящимся под стражей (кроме конфиденциальности свиданий). Уголовно-исполнительный кодекс РФ закрепляет (ч. 2 ст. 91): «Переписка осужденного с защитником или иным лицом, осуществляющим защиту на законных основаниях, цензуре не подлежит, за исключением случаев, когда администрация исправительного учреждения располагает достоверными данными о том, что содержащиеся в них сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц; в этих случаях контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений осуществляется по мотивированному постановлению руководителя исправительного учреждения или его заместителя». В отношении телефонных разговоров осужденных с защитником Уголовно-исполнительный кодекс РФ не содержит указания на гарантии конфиденциальности (ч. 5 ст. 92 УИК РФ закрепляет, что телефонные разговоры осужденных могут контролироваться персоналом исправительных учреждений). Такой порядок переговоров, переписки адвоката с подзащитным, находящимся под стражей, не обеспечивает право последнего на получение квалифицированной юридической помощи. Как мы уже отмечали, в данном случае необходимо четко определить, что консультации адвоката (защитника) с подозреваемым, обвиняемым, заключенными под стражу по общему правилу осуществляются в условиях конфиденциальности; конфиденциальность консультаций может быть ограничена федеральным законом в целях обеспечения прав других лиц и предотвращения совершения противоправных действий. Кодекс профессиональной этики адвоката (п. 9 ст. 6) устанавливает, что переписка адвоката с доверителем должна быть ясно и недвусмысленным образом обозначена как исходящая от адвоката, что является дополнительной гарантией конфиденциальности общения защитника-адвоката с подозреваемым, обвиняемым, свобода которых ограничена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Малый толковый словарь русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. М., 1990.
2. Международные акты о правах человека / сост. д. ю. н., проф. В. А. Карташкин, д. ю. н., проф. Е. А. Лукашева. М., 2002.
3. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1989.
4. По делу о проверке конституционности отдельных положений ч. 1, 2 ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса РФ в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 декабря 2003 г. № 20-П // Российская газета. 2004. 14 января.
5. Международная защита прав и свобод человека. М., 1990.
6. Российская газета. 2004. 14 января.
7. Словарь иностранных слов. М., 1989.
8. Собрание законодательства РФ. 2001. № 48. Ст. 4550.

Поступила 05.07.06.

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ПОВТОРНЫХ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Л. Д. КАЛИНКИНА, кандидат юридических наук

Производство повторных и дополнительных следственных действий может диктоваться тогда, когда первоначально в ходе их производства нарушен уголовно-процессуальный закон. По нашему мнению, не всякое нарушение уголовно-процессуального закона, а лишь существенное, должно влечь за собой признание юридически ничтожным хода и результатов первоначального следственного действия. В этой связи редакция ч. 1 ст. 75 УПК РФ, на наш взгляд, требует уточнения. Допущенные нарушения уголовно-процессуального закона при производстве следственного действия должны оцениваться с учетом их характера и тяжести, и влияния на доброкачественность и достоверность доказательственной информации, полученной, проверенной или оцененной с помощью следственных действий. Только лишь существенность допущенного нарушения уголовно-процессуального закона должна влечь за собой такие серьезные правовые последствия, каковыми является признание юридически недействительными результатов его производства.

Иной подход означал бы формалистский подход к данному вопросу и привел бы к бессмысленной утрате важной доказательственной информации при любом нарушении уголовно-процессуального закона, в том числе и несущественном. А этого делать

© Л. Д. Калинкина, 2006

нельзя не только в силу принципиального подхода к решению этого вопроса в прежнем УПК РСФСР на уровне целого ряда статей, а именно: ст. 323, 345, 379 и т. д., в которых законодатель концептуально высказывался за различие существенных и несущественных нарушений уголовно-процессуального закона и их правовых последствий, но и в силу принципиального подхода к пониманию данного вопроса на практике. На практике сложилось обыкновение, по которому лишь существенное нарушение требований уголовно-процессуального закона при назначении, производстве и процессуальном оформлении хода и результатов следственных действий влечет за собой недопустимость их использования в уголовно-процессуальном доказывании. В случае, если законодательные возможности получения, проверки, оценки доказательственной информации с помощью тех же следственных действий не утеряны, они могут быть повторно проведены в законном режиме с целью устранения ранее допущенных в ходе их производства существенных нарушений уголовно-процессуального закона. При этом под существенными нарушениями уголовно-процессуального закона как универсальным основанием для производства повторных следственных действий следует понимать, по нашему мнению, отступления от требований уголовно-процессуальных норм относительно субъекта, оснований, условий, порядка и процессуального оформления результатов следственных действий, которые привели к недостоверной и процессуально недопустимой доказательственной информации.

С учетом характера и предназначения каждой уголовно-процессуальной нормы в механизме производства следственных действий следует выделить нормы, без соблюдения которых невозможно признать юридически допустимой в качестве доказательства информацию, полученную с помощью следственного действия.

Следовало бы также в законе предусмотреть запрет производства повторных следственных действий, если их первоначальное производство привело не только к недействительности их результатов, но и исключило («сожгло») процессуальные возможности их восстановления.

В частности, таковыми являются нормы, относящиеся к субъекту, наделенному правом на производство следственного действия; нормы, относящиеся к самой процедуре проведения следственного действия; нормы, гарантирующие достоверность полученной информации, — таковыми являются нормы об обязательном участии понятых; нормы, требующие своевременного составления протокола следственного действия с участием всех участвующих при производстве следственного действия лиц.

Так, юридически недействительными были признаны результаты предъявления для опознания подозреваемого потерпевшим и свидетелями, поскольку они все были проведены с нарушением требований УПК. До задержания опознаваемый был опознан потерпевшим по фотографии под № 2 как лицо, совершившее на него нападение. Потерпевший указал, по каким признакам опознал его. Согласно же протоколу, наклеенные фотографии опознаваемых

лиц не были скреплены печатью. Хотя все три фотографии были одинакового формата, опознаваемое лицо было изображено более крупным планом, чем двое других мужчин. Следующее опознание опознавасмого потерпевшим проводилось в числе двух других мужчин, однако в протоколе полностью отсутствовали сведения об их внешности, нет и их фотографий, не указан год рождения одного из них. После этого подозреваемый был предъявлен для опознания другому потерпевшему в числе двух других лиц, одно из которых на 11 лет было моложе опознаваемого, при этом в протоколе не отражено, как выглядят двое других лиц, предъявленных на опознание с опознаваемым подозреваемым. Кроме того, до предъявления для опознания потерпевший подробно не допрашивался о приметах и особенностях нападавших на потерпевших лиц [4, с. 14 — 15].

Независимо от хода и результатов первоначальных следственных действий, требуется производство повторных всякий раз, когда следственные действия были проведены до возбуждения уголовного дела, до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела [2, с. 13]. Поскольку обыск по делу был проведен до возбуждения уголовного дела, т. е. с нарушением установленного уголовно-процессуальным законом порядка, полученные в результате его производства данные не являются доказательствами, — было определено в надзорном порядке [1, с. 9].

К разряду уничтожающих («сжигающих») доказательственную информацию первоначальных следственных действий может быть отнесена, например, выемка с нарушением требований УПК РФ. В частности, следователь, признав необходимым изъять резиновые сапоги, произвел их выемку без соответствующего постановления и на месте выемки не упаковал их и не опечатал. Далее в присутствии понятых следователь осмотрел изъятые сапоги, но никаких записей о наличии на подошвах следов металлических опилок не сделал [3, с. 9]. Таким образом, если существенное нарушение уголовно-процессуального закона при производстве первоначального следственного действия привело к недействительности его результатов, а их уголовно-процессуальная «реанимация» невозможна с помощью этого же, но повторного следственного действия или же с помощью других, то имеет место утраченная или «сожженная» существенными нарушениями уголовно-процессуального закона информация, использование которой уже ни при каких условиях невозможно в качестве доказательственной.

Доказательственная информация уничтожается и теряются возможности ее восстановления с помощью повторных следственных действий, когда в ходе производства первоначального следственного действия в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона утрачен достоверный ее характер раз и навсегда, потому как процессуальные гарантии ее не были обеспечены, в силу чего носители данной доказательственной информации не могут быть повторно использованы. В этой связи представляется необходимым своевременно, еще на стадии предварительного рас-

следования, дать оценку таким данным первоначального следственного действия, исключив в последующем и производство повторных следственных действий с помощью таких сомнительных в процессуальном плане носителей доказательственной информации.

Примером уничтожения доказательственной информации является предъявление для опознания фотокарточки подозреваемого в ходе допроса свидетеля при следующих обстоятельствах: свидетель Ф. в ходе его допроса дал подробные показания том, как выглядел подозреваемый П. в момент знакомства с ним, после чего следователь предъявил свидетелю Ф. фотографию, заявив, что ему предъявляется фотография подозреваемого П. и он должен ответить, этот ли человек изображен на фотографии, которого свидетель только что описал. На это был получен ответ, что да, именно этого человека он только что описал [5]. В данном случае в рамках такого следственного действия, как допрос свидетеля, следователь предъявил для опознания фотокарточку без обеспечения гарантии достоверности его результатов, что привело не только к их ничтожности, но и исключило возможность повторения предъявления для опознания фотокарточки в законном режиме. Таким образом, подобный характер существенных нарушений уголовно-процессуального закона при производстве первоначального следственного действия сжигает возможности ее повторения когда-либо, т. е. незаконный разовый характер такого производства сжигает не только путь и результаты такого пути, но и все средства для возможного восстановления утраченного. В этом не только особенность таких первоначальных следственных действий, но в этом вся опасность их производства. Они при таких случаях являются не средством собирания, проверки и оценки доказательственной информации, а тем, благодаря чему «сжигается» и уничтожается самое ценное — доказательства и средства их получения. Вследствие этого восстановление утраченного возможно только с помощью других средств уголовно-процессуального доказывания.

К разряду такого же первоначального следственного действия относится и предъявление для опознания туфель коричневого цвета в числе туфель черного цвета и кед белого цвета, хотя ч. 4 ст. 165 УПК РСФСР устанавливает правило о необходимости предъявления предмета в группе однородных предметов [6].

В случае принятия решения о повторном следственном действии в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона в ходе его первоначального производства следует, на наш взгляд, процессуально определиться с его результатами. Имеется в виду принятие решения о недопустимости в качестве доказательств данных такого первоначального следственного действия. Такое решение должно оформляться постановлением лица, производящего дознание, следователя о недопустимости доказательства и об исключении его из числа доказательств. Его вынесение повлечет за собой недопустимость его использования при принятии решений по делу, а

именно: вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного заключения и др., и будет служить основанием для повторного производства того или иного следственного действия.

Исходя из того, что повторное производство должно являться формой, направленной на восстановление законного уголовно-процессуального режима и состояния как в части восстановления нарушенных прав участников процесса, так и в части восстановления законного порядка производства тех или иных процессуальных действий, в части восстановления законного режима и при оформлении их хода и результатов производства тех или иных процессуальных действий, а также формой восполнения тех или иных пробелов, то исключительно таковым должно быть и предназначение дополнительных и повторных следственных действий. Их бесцельное, произвольное, безосновательное производство в уголовном судопроизводстве должно быть недопустимо: таковое диктуется необходимостью процессуальной экономии, необходимостью предпринять дополнительные или повторные меры по собиранию, проверке и оценке доказательств, а также необходимостью установления господства уголовно-процессуального закона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1989. № 1.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 4.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 8.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 5.
5. Уголовное дело № 9992. Т. 6 Л. Д. 40 — 41 // Архив Верховного Суда РМ. 1999.
6. Уголовное дело № 9992. Т. 7. Л. Д. 61 // Архив Верховного Суда РМ. 1999.

Поступила 06.07.06.

К ВОПРОСУ О СВОБОДЕ КАССАЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ ПО УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О. А. СУХОВА, кандидат юридических наук

УПК РФ, сохранив на правах основной черты российской кассации свободу кассационного обжалования, именно в ней максимально реализовал принцип состязательности, пронизывающий и стадию кассационного производства.

Исходным проявлением свободы кассационного обжалования является принадлежность права обжалования

© О. А. Сухова, 2006

не вступившего в законную силу решения суда первой или апелляционной инстанции широкому кругу субъектов.

В соответствии с ч. 4, 5 ст. 354 УПК РФ правом кассационного обжалования судебного решения наделены осужденный, оправданный, их защитники и законные представители, государственный обвинитель или вышестоящий прокурор, потерпевший и его представитель, а в части, касающейся гражданского иска, и гражданский истец, гражданский ответчик или их представители.

УПК РФ в свете принципа состязательности установил единые для всех участников условия для инициативы в пересмотре приговора и иного судебного решения в кассационном порядке, наделив государственного обвинителя или вышестоящего прокурора равным с другими участниками *правом* кассационного обжалования (ч. 4 ст. 354 УПК РФ). В силу того, что УПК РСФСР в ч. 2 ст. 325 возлагал на прокурора обязанность принести протест в кассационном порядке на каждый незаконный и необоснованный приговор нижестоящего суда, некоторые процессуалисты периода действия УПК РСФСР обозначали эту обязанность прокурора в качестве самостоятельной черты кассационного производства [1, с. 77 — 79; 8, с. 38 — 39; 15, с. 5]. Несмотря на то, что большинство авторов этого периода полагали, что указанная обязанность прокурора охватывается такой чертой кассации, как свобода кассационного обжалования и опротестования [3, с. 5 — 6; 6, с. 13; 13, с. 46 — 48; 14, с. 367 — 371], следует заметить, что волеизъявление на подачу кассационного протеста было связано обязанностью проявления этого волеизъявления всякий раз, когда налицо неправосудность состоявшегося судебного решения, в то время как иным кассаторам предоставлялась лишь возможность реализации права кассационного обжалования.

Установленный в ст. 354 УПК РФ перечень участников, уполномоченных на обжалование не вступившего в законную силу судебного решения, не является исчерпывающим. Так, исходя из соответствующих норм УПК РФ, можно сделать вывод о наличии равного наряду с другими участниками права на подачу кассационной жалобы у частного обвинителя (ч. 2 ст. 385 УПК РФ), законного представителя потерпевшего (ч. 2 и 3 ст. 45, 444 УПК РФ). В числе кассаторов в ч. 4 ст. 354 УПК РФ не обозначено лицо, в отношении которого прекращено уголовное дело или уголовное преследование, его защитник и законный представитель[1]. Судебное решение, принятое в рамках досудебного производства, может быть обжаловано подозреваемым, обвиняемым. Промежуточное судебное решение, вынесенное в рамках стадии судебного разбирательства, может быть обжало-

[1] Необходимость в четком закреплении права кассационного обжалования этих лиц особенно обозначилась в связи с тем, что Конституционным Судом Российской Федерации сняты закрепленные в ч. 9 ст. 246 УПК РФ ограничения права кассационного обжалования постановления (определения) о прекращении уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения [10].

вано лицом, имеющим статус подсудимого. Правом обжалования, например, постановления (определения) о возложении денежного взыскания, частного постановления (определения), наделены и такие участники, как свидетель, эксперт, специалист, переводчик. Кассационная жалоба на частное постановление (определение) может быть подана и иным заинтересованным лицом, в том числе не являющимся участником уголовного процесса.

Исходя из общей нормы ст. 123 УПК РФ, наряду с участниками уголовного судопроизводства правом обжалования решения суда наделяются иные лица, интересы которых затронуты этим решением. Еще раз подчеркивая позицию, уже высказанную в постановлениях от 2 июля 1998 г. № 20-П и от 27 июня 2000 г. № 11-П [9; 11], определении от 4 декабря 2003 года № 418-О [7. с. 12 — 14], Конституционный Суд РФ в определении от 22 января 2004 г. № 119 [12, с. 7 — 10] указал, что конституционное право каждого на судебную защиту предполагает и право заинтересованных лиц добиваться исправления ошибок, допущенных в ходе производства по уголовным делам, путем процессуальной проверки вышестоящими судами законности и обоснованности приговоров, определений и постановлений, принимаемых нижестоящими судебными инстанциями; что в соответствии со ст. 19 и 123 УПК РФ действия (бездействия) и решения органов дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда могут быть обжалованы как участниками уголовного судопроизводства, так и иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы; что указанные нормы, носящие общий характер (в единстве с которыми подлежит применению ч. 4 ст. 354 УПК РФ), не содержат каких бы то ни было предписаний, позволяющих ограничивать возможности лиц, чьи права и законные интересы оказались непосредственно затронутыми конкретными судебными решениями, по обжалованию этих решений в вышестоящие судебные инстанции.

Между тем из позиции Конституционного Суда РФ не следует, что любое судебное решение может быть обжаловано любым лицом. Наличие права кассационного обжалования должно определяться исходя из того, затрагиваются ли права и законные интересы того или иного лица состоявшимся судебным решением.

На основе сказанного считаем необходимым изложить норму ч. 4 ст. 354 УПК РФ в следующей редакции:

«Право обжалования судебного решения принадлежит осужденному, оправданному, лицу, в отношении которого прекращено уголовное дело или уголовное преследование, их защитникам и законным представителям, государственному обвинителю или вышестоящему прокурору, а также потерпевшему, частному обвинителю, их представителям и законным представителям».

Статью 354 УПК РФ следует дополнить частью 6 такого содержания:

«Право обжалования судебного решения принадлежит и иным лицам в той части, в которой вынесенное судебное решение затрагивает их права и законные интересы».

Наличие такой всеобъемлющей нормы необходимо для того, чтобы охватить всех возможных субъектов кассационного обжалования, в том числе лиц, которые непосредственно наделены правом принесения кассационной жалобы в других нормах УПК РФ, а также лиц, право кассационного обжалования которых четко не обозначено, но может появиться в связи с нарушением их прав и законных интересов неправосудным судебным решением.

Свобода кассационного обжалования заключается в наличии предусмотренной законом совокупности реализующих ее процессуальных прав уполномоченных на обжалование субъектов, к числу которых относятся следующие возможности:

— инициировать процедуру кассационной проверки правосудности судебного решения посредством волеизъявления, выраженного в кассационной жалобе или кассационном представлении (ч. 1, 3 — 5 ст. 354; ст. 375 УПК РФ);

— подать кассационную жалобу (представление) на всякое судебное решение, подлежащее обжалованию согласно закону (ч. 3 — 5 ст. 355 УПК РФ);

— принести кассационную жалобу (представление) на родном языке (ч. 2 ст. 18 УПК РФ);

— сформулировать собственные доводы относительно неправосудности приговора и иного судебного решения, определить необходимый и достаточный для защиты прав и законных интересов объем кассационного обжалования судебного решения, границы обоснования и мотивировки жалобы (представления) (п. 4 ч. 1 ст. 375 УПК РФ);

— изменить кассационную жалобу (представление) или дополнить ее (его) новыми доводами (ч. 4 ст. 359 УПК РФ);

— отозвать поданную кассационную жалобу (представление) и тем самым не допустить пересмотра уголовного дела вопреки собственным воле и интересу (ч. 3 ст. 359 УПК РФ).

Свобода обжалования проявляется и в том, что осужденному (оправданному) предоставляется возможность обращения в суд кассационной инстанции с кассационной жалобой на состоявшийся в отношении него приговор без опасений ухудшения его положения по итогам кассационного пересмотра. Поэтому суд кассационной инстанции, рассматривающий уголовное дело по жалобе осужденного (оправданного), не вправе отменить или изменить приговор не в его пользу, даже если он неправосудный. Это вытекает и из положения ч. 2 ст. 360 УПК РФ, в соответствии с которым уголовное дело пересматривается в кассационном порядке только в пределах доводов жалобщика, и выход за их пределы возможен только в его интересах. Суд кассационной инстанции не вправе ухудшить и положение осужденного (оправданного), в отношении которого жалоба или представление не подавались (ч. 2 ст. 360 УПК РФ). Свобода обжалования состоит и в том, что субъекты со стороны обвинения: потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, их представители, государственный обвинитель (вышестоящий прокурор) — не ограничены в возможности прине-

сения кассационной жалобы (представления) на судебное решение в части, связанной с ухудшением положения осужденного (оправданного).

Полагаем, что при реализации кассатором права кассационного обжалования, во всяком случае, должен отдаваться приоритет его волеизъявлению. Так, в свете принципа состязательности, который нашел максимальную реализацию в рамках уголовного процесса, возникает вопрос о том, вправе ли потерпевший обжаловать судебное решение в пользу осужденного. А. С. Александров и Н. Н. Ковтун полагают, что «если допущенные по уголовному делу нарушения не могли повредить интересам потерпевшего (частного обвинителя) и помешать постановлению благоприятного для него приговора, то, соответственно, не должны подлежать обжалованию с его стороны. Охранять публичный интерес в этом вопросе есть право прокурора. Не могут указанные лица потребовать и облегчения участи осужденного как в части назначенного ему наказания, так и в части возмещения вреда за убытки, поскольку и это не входит в круг их частных интересов» [2, с. 108 — 115]. В свою очередь считаем, что обжалование судебного решения потерпевшим в сторону, благоприятную для осужденного, может импонировать и интересам самого потерпевшего, в связи с чем не нарушается принцип состязательности, не ограничиваются права потерпевшего. Этот вывод основан и на данных изученной кассационной практики Верховного суда Республики Мордовия. Так, за период с июля 2002 г. по март 2005 г. нам встретилось 14 случаев обжалования судебного решения в пользу осужденного, 9 из которых — потерпевшими, являющимися близкими родственниками осужденного.

В отличие от УПК РСФСР, УПК РФ не предусмотрел на правах гарантии широкой свободы обжалования право подачи кассационной жалобы (представления) как через суд, вынесший приговор, так и непосредственно в суд кассационной инстанции. В отсутствии данной гарантии нами усматривается ущемление права кассационного обжалования. Причиной незакрепления возможности подачи кассационной жалобы (представления) непосредственно в суд кассационной инстанции явилось, скорее всего, стремление законодателя обеспечить наиболее быстрое рассмотрение дела в кассационном порядке, без трудностей и неудобств, связанных с извещением участников процесса о поступлении жалобы (представления) и направлением им копий последних, разъяснением права подачи на них возражений, поскольку суд кассационной инстанции чаще всего расположен на значительном расстоянии от суда первой (апелляционной) инстанции. То ли дело, когда жалобы, представления и возражения на них собираются и вместе с уголовным делом направляются в суд кассационной инстанции, и последний не обременяется выполнением указанных процессуальных действий. Однако полагаем, что это отнюдь не аргументы против альтернативной возможности обжалования судебного решения непосредственно в суд кассационной инстанции. Случаи обжалования судебного решения непосредственно в кассационной инстанции и

в период действия УПК РСФСР встречались на практике не так уж и часто. Не думается, что в современных процессуальных условиях ситуация бы изменилась. Законодательное закрепление в УПК РСФСР возможности направления кассационных жалобы и протеста непосредственно в суд кассационной инстанции, однако в сочетании с невозможностью выполнения последним процессуальных действий по извещению участников о поступивших жалобах (протесте), уже тогда преследовало цель не допустить лишения по чисто формальным причинам возможности кассационного обжалования приговора не очень искушенных в процессуальных тонкостях участников процесса. Последние, кроме того, нередко направляли кассационную жалобу в вышестоящий суд ввиду недоверия судье, постановившему приговор. Полагаем, что закрепление возможности подачи жалобы и представления непосредственно в кассационную инстанцию должно служить цели обеспечения доступа к правосудию. Альтернатива в обеспечении права обжалования должна иметь место всегда. И если она используется кассатором в рамках предусмотренных процессуальных ограничений, то это лишь подтверждение того, что права и законные интересы лиц надлежаще обеспечены. Если же альтернативный вариант обжалования, о котором идет речь, не используется, то это тоже проявление свободы обжалования; стало быть, так удобнее кассатору. Закон должен работать на защиту прав и законных интересов, которые нарушены или могут быть нарушены неправосудным судебным решением, а не на то, чтобы создать все условия, исключающие трудности и неудобства для суда кассационной инстанции.

Сохранение в УПК РФ возможности направления кассационной жалобы (представления) непосредственно в суд кассационной инстанции (в том числе по почте) как альтернативной смогло бы обеспечить их рассмотрение без неоправданной задержки в случаях, когда суд первой (апелляционной) инстанции по расстоянию незначительно отдален от суда кассационной инстанции, и когда для заинтересованных участников расстояние между судом, вынесшим судебное решение, и вышестоящим судом не может создать трудностей в реализации их права подачи на них возражений непосредственно в суд кассационной инстанции (если участники процесса проживают в том же городе, где расположен суд кассационной инстанции, или в близлежащем от него районе; когда жалобы (представления) от обеих сторон поступили непосредственно в суд кассационной инстанции; когда кассационная жалоба подана непосредственно в суд кассационной инстанции осужденным по делу, по которому отсутствуют потерпевшие и т. п.). К тому же, суды первой (апелляционной) инстанции грубейшим образом нарушают сроки направления жалобы или представления в кассационную инстанцию, что также может выступить побудительным мотивом для направления кассатором жалобы (представления) непосредственно в суд кассационной инстанции.

В условиях действия УПК РСФСР свобода кассационного обжалования

гарантировалась и отсутствием в законе строго определенной формы кассационной жалобы (представления), возможностью выражения несогласия с судебным решением даже безо всякой аргументации. УПК РФ отказался от такой гарантии, чем породил наличие разногласий в теории современного уголовного процесса и на практике.

В отличие от мнения иных исследователей [4, с. 193 — 194; 5, с. 175], полагаем, что закрепленная в УПК РФ (ст. 375) форма кассационной жалобы и кассационного представления вовсе не ограничивает свободу кассационного обжалования ни в плане определения объема обжалования судебного решения, ни в части содержания доводов кассатора, а также не устанавливает границы обоснования и мотивировки жалобы или представления. Проведенное нами анкетирование показало, что большинство опрошенных судей (около 80 %), прокурорских работников (86 %) и адвокатов (75 %) поддерживают позицию законодателя в части нормативного закрепления реквизитов кассационных жалобы и представления и не усматривают в этом ограничение свободы кассационного обжалования. И действительно, большинство реквизитов, которые предъявляются к кассационной жалобе (представлению), имеют обязательный информативный характер (п. 1 — 4, 6 ч. 1 ст. 375 УПК РФ), с помощью которого законодатель дисциплинирует кассатора в составлении такого важного для защиты нарушенных прав процессуального документа. Требование же указания в жалобе (представлении) доводов и кассационных оснований установлено вовсе не для того, чтобы ограничить свободу кассационного обжалования, а для того чтобы напомнить кассатору о том, что только надлежащая мотивация его просительного документа может действительно поколебать правосудность приговора, тем более в условиях законодательного определения пределов кассационного пересмотра (ч. 2 ст. 360 УПК РФ). Каким же быть содержанию жалобы (представления), какие в ней (нем) доводы привести и какие основания обозначить, решать только самому кассатору. И если кассационная жалоба, в которой последний указал не все или не столь веские доводы, в том числе, ввиду юридической некомпетентности, не была удовлетворена судом кассационной инстанции, это нельзя вменять в вину законодателю, который установил требования, обязывающие кассатора отразить свои доводы относительно состоявшегося судебного решения. Ведь если жалоба подается, значит, кассатора не устраивает судебное решение по каким-то мотивам. Как раз эти мотивы и должны найти отражение в просительном процессуальном документе. Полагаем, что было бы целесообразным законодательное закрепление бланка кассационных жалобы и представления, который мог бы реально обеспечить сокращение на практике случаев оставления их без движения.

Кассационное обжалование есть ни что иное как одно из проявлений частных начал в уголовном процессе. В условиях состязательной формы уголовного судопроизводства и ввиду того, что именно кассатор является инициатором проверки правосудности судебного решения, необходимо огра-

ничение рамок кассационного пересмотра доводами кассационных жалобы и представления, чтобы тем самым не допустить излишнюю публичную активность суда. Выход суда за пределы доводов кассационных жалобы или представления не всегда может импонировать интересам кассатора, а значит, может повлечь ограничение свободы кассационного обжалования. По Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., объем и характер рассмотрения уголовного дела и в кассационном, и апелляционном порядках, как «чистых» формах пересмотра судебных решений, строго предопределялись содержанием кассационной жалобы или протеста, в чем проявлялся так называемый «деволютивный» характер как кассации, так и апелляции, состоящий в необходимости перенесения самими жалобщиками спорных вопросов на рассмотрение суда вышестоящей инстанции. Абсолютный же публичный ревизионный порядок кассационного рассмотрения уголовного дела, который предусматривался ранее действовавшим УПК РСФСР, не отвечает такому характеру института кассации, не согласуется со свободой кассационного обжалования и приводит к нарушению принципа процессуальной экономии.

Предусмотренный в УПК РФ перечень реквизитов, предъявляемых к кассационной жалобе (представлению), призван обеспечить определенность кассатора в своих доводах относительно состоявшегося судебного решения, сориентировать суд, постановивший приговор или иное решение, через который приносятся жалоба или представление, а также суд кассационной инстанции в плане того, кем и какое судебное решение обжалуется, а суд кассационной инстанции — сориентировать в доводах, приводимых кассатором, для изначального определения границ кассационного пересмотра.

Свобода кассационного обжалования, в отличие от самого права кассационного обжалования, не может быть абсолютной, поскольку она лишь создает условия для реализации этого права. Как бы там ни было, кассатору придется идти на некоторые процессуальные компромиссы, которые, однако, не могут быть для него неожиданными. В законе должно быть четко закреплено, на какие уступки должен пойти кассатор и какие процессуальные требования ему надлежит соблюсти при осуществлении предоставленной ему свободы обжалования. Одним из таких требований является как раз то, чтобы кассационная жалоба и представление были составлены с отражением всего перечня предусмотренных законом реквизитов. При реализации свободы кассационного обжалования кассатору надлежит поступиться интересами других участников процесса. Например, в случае подачи жалобы или представления с пропуском срока обжалования они оставляются без рассмотрения (ч. 3 ст. 356 УПК РФ), восстановление срока обжалования возможно лишь в случае, если будет установлено, что причина его пропуска является уважительной (ст. 357 УПК РФ), что импонирует интересам другой стороны; при подаче по истечении срока кассационного обжалования дополнительных жалобы или представления

субъектами стороны обвинения в них не может быть поставлен вопрос об ухудшении положения осужденного, если такое требование не содержалось в первоначальной жалобе (ч. 4 ст. 359 УПК РФ). При установлении свободы кассационного обжалования законодателем учтены и публичные интересы. Так, то же установление определенного срока кассационного обжалования служит обеспечению динамизма процесса, сокращению разрыва во времени между рассмотрением уголовного дела судами первой (апелляционной) и кассационной инстанций. Чтобы обеспечить суду кассационной инстанции возможность ознакомления с доводами кассатора заблаговременно либо не допустить начала рассмотрения уголовного дела с возможностью его последующего прекращения ввиду отказа кассатора от реализации права обжалования, в ч. 3 и 4 ст. 359 УПК РФ закреплено, что дополнение, изменение и отзыв кассационных жалобы и представления допустимы лишь до начала заседания суда кассационной инстанции. Обеспечению публичных интересов служит и установленный уголовно-процессуальным законом перечень промежуточных судебных решений, не подлежащих обжалованию в кассационном порядке. При этом их обжалование не исключается, а переносится на более позднее время — время принятия итогового судебного решения по уголовному делу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Адаменко В. Д.** Приговор и его изменение в кассации. Кемерово, 2000.
2. **Александров А. С., Ковтун Н. Н.** Субъекты апелляционного обжалования приговора: пределы процессуальных прав и полномочий // Журнал российского права. 2002. № 5.
3. **Богословская Л. А., Хотинец В. М.** Законность и обоснованность кассационного определения. Харьков, 1977.
4. **Волколуп О. В.** Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. СПб., 2003.
5. **Гвоздева С. В.** Особенности апелляционного производства по новому УПК РФ // Новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проблемы законодательства, теории и практики: Сб. науч. тр. / отв. ред. В.Л. Будников. Волгоград, 2002.
6. **Мартынчик Е. Г.** Охрана прав осужденных в кассационном производстве. Кишинев, 1979.
7. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Березовского городского суда Свердловской области о проверке конституционности части 2 статьи 91, части 3 к пункта 3 части 7 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской федерации // Вестник Конституционного Суда Российской федерации. 2004. № 2.
8. **Чельцов И. Д.** Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968.
9. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 21-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 28. Ст. 3393.
10. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026.
11. По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 47 и части 32 статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами гражданина В.И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.

12. По жалобе гражданки Семеновой Лилик Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 Уголовно-процессуального кодекса Российской федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 5.

13. **Потеружа И. И.** Роль суда второй инстанции в укреплении законности. Минск. 1980.

14. **Строгович М. С.** Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970.

15. **Темушкин О. П.** Прокурорский надзор как гарантия законности в кассационном производстве по уголовным делам. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970.

Поступила 6.07.06.

ПРАКТИКА ОТМЕНЫ И ИЗМЕНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ, ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ

Л. Д. КАЛИНКИНА, кандидат юридических наук
А. В. ВОЛОЩЕНКО

С принятием нового Уголовно-процессуального кодекса РФ произошли кардинальные изменения в институте пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу. Пятилетняя практика применения новых уголовно-процессуальных норм выявила ряд законодательных пробелов и противоречий, которые существовали еще до принятия УПК РФ и остаются неразрешенными до сих пор. Это не могло не вызвать ряд вопросов как в научном мире, так и у практических работников.

Как известно, любые теоретические разработки в первую очередь должны быть основаны и продиктованы практической необходимостью. Именно поэтому перед нами встала задача по изучению сложившейся практики пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу в Верховном Суде Республики Мордовия (далее ВС РМ), а также по выявлению особых, присущих только надзорному производству, оснований отмены и (или) изменения судебных решений как одному из наиболее проблемных и спорных моментов в данном институте.

Эмпирическое исследование основано на сплошном анализе нарядов Верховного Суда Республики Мордовия за 2003 — 2005 гг. Всего было изучено 619 постановлений, которыми отменялись или изменялись приговоры, кассационные определения и иные судебные решения. По сравнению с 2003 г., количество постановлений, выносимых Верховным Судом Республики Мордовия в 2004 г. увеличилось на 86,51 % и составило 166 постановлений (в 2003 г. было вынесено 89 постановлений). В 2005 г., по сравнению с 2004 г., данный показатель вырос в 1,2 раза, то есть до 364 постановлений. Всего с 2003 по 2005 гг. количество решений, выносимых судом над-

© Л. Д. Калинкина, А. В. Волощенко, 2006

зорной инстанции, увеличилось более чем в 3 раза. Основной причиной такой «положительной динамики» является принятие Федерального закона от 08.12.2003 г. «О внесении изменений и дополнений в УК РФ», и это привело к увеличению числа обращений осужденных в районные суды за пересмотром состоявшихся судебных приговоров в порядке ст. 10 УК РФ.

Всего за исследуемый период было отменено или изменено 747 судебных решений (в одном надзорном постановлении отменялось или изменялось одно или более судебных решений, поэтому больше 619). Было отменено 227 (30,65 %) судебных решений. Из них приговоров — 33 (4,41 %): в 2003 г. — 8; в 2004 г. — 9; в 2005 г. — 16; кассационных определений — 81 (10,82 %): в 2003 г. — 12; в 2004 г. — 14; в 2005 г. — 55. Также Верховный Суд РМ отменял и иные судебные решения: постановления о пересмотре приговора в порядке ст. 10 УК РФ, постановления о условно-досрочном освобождении и об отказе в условно-досрочном освобождении, постановления о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела, постановления о соединении уголовных дел в одно производство, постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, также признавались незаконными решения органов, осуществляющих уголовное преследование, и др. Всего было отменено 113 (15,10 %) иных судебных решений (кроме приговоров и кассационных определений): в 2003 г. — 14; в 2004 г. — 19; в 2005 г. — 80. Изменению за исследуемый период было подвергнуто 93 приговора (12,43 % от общего числа измененных и отмененных судебных решений). В 2003 г. был изменен 11 приговор, в 2004 г. — 27, в 2005 г. — 25. Кассационные определения изменялись 71 раз: в 2003 г. — 11, в 2004 г. — 16, в 2005 г. — 44. Иные судебные решения изменялись в 356 случаях (45,85 %) — это самое большое количество среди измененных и отменных судебных решений. В 2003 г. изменялось 8 иных судебных решений, в 2004 г. — 97 в 2005 г. — 251.

Как видно из проведенного анализа, в Республике Мордовия за последние 3 года произошло резкое увеличение числа отмененных или измененных судебных решений в порядке надзора. Следовательно, существует обширная практика по применению тех или иных оснований для отмены или изменения судебных решений.

Статья 409 УПК РФ закрепила положение, согласно которому основание отмены и изменения судебных решений, вступивших в законную силу, возможно лишь по кассационным основаниям, то есть по ст. 379 УПК РФ. Проведенное исследование постановлений дало нам возможность выявить те законодательно закрепленные основания отмены или изменения, по которым Президиум Верховного Суда РМ чаще всего отменял или изменял состоявшиеся судебные решения, а также выявить основания отмены или изменения, широко применяемые на практике, но не нашедшие своего отражения в нормах закона, как основания отмены или изменения.

Вначале остановимся на анализе закрепленных в законе видов оснований

к отмене или изменению судебных решений и практики их применения.

1. Согласно ст. 380, 409 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебных решений является «несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела». Следует заметить, что несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела возможно не только в приговоре, но и в любом ином судебном решении, как-то: в кассационном определении или в постановлении о пересмотре приговора в порядке ст. 10 УК РФ, в постановлении об условно-досрочном освобождении и в ряде других решений суда.

В надзорной практике данное основание применялось и применяется довольно широко. Так, Верховным Судом РМ в период с 2003 по 2005 г. за несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела было отменено и изменено 71 судебное решение, или 11,47 %: в 2003 г. — 8 (8,99 %); в 2004 г. — 10 (6,02 %); в 2005 г. — 53 (14,56 %). В 10 случаях решения нижестоящих судов отменялись или изменялись по п. 1 ч. 1 ст. 380 УПК РФ, в 51 случае — по п. 2 ч. 1 ст. 380 УПК РФ, в 7 случаях — по п. 3 ч. 1 ст. 380 УПК РФ. в 3 — по п. 4 ч. 1 ст. 380 УПК РФ. Несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела в проанализированной практике в 67 (10,82 %) случаях служило основанием для отмены состоявшегося судебного решения и в 3 (0,48 %) — изменения. Приговор признавался несоответствующим фактическим обстоятельствам в 5 (0,8 %) случаях, кассационные определения — в 12 (1,93 %), иные судебные решения — в 54 (8,72 %).

Приведем наиболее яркий и часто встречающийся пример из практики Верховного Суда Республики Мордовия. Так, в постановлении № 44-у-26/05 Президиум Верховного Суда РМ отменил постановление о пересмотре приговора в порядке ст. 10 УК РФ. «При рассмотрении ходатайства осужденного Н. суд, сославшись в установочной части постановления на то, что Н. судим 26.07.1997 г. по ч. 2 ст. 228 УК РФ, тем не менее, не приобщил это судебное решение и не исследовал его в судебном заседании. Вместе с тем суд признал в действиях осужденного опасный рецидив преступления, т. е. нарушил общие условия судебного разбирательства. Тогда как обстоятельства содеянного Н., изложенные в данном приговоре, с учетом изменений редакции ст. 228 УК РФ внесенных ФЗ РФ от 08.12.2003 г., могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, а следовательно, влияет и на правильное установление вида режима исправительного учреждения. Поэтому без исследования этого документа вывод суда о наличии опасного рецидива преступлений преждевременный и не соответствует фактическим обстоятельствам дела, и в силу требований ст. 409 ч. 1, 379 ч. 1 п. 1, 380 ч. 1 п. 1, 2 УПК РФ, является основанием для отмены постановления суда» [1].

2. Следующим законодательно закрепленным основанием к отмене или изменению судебных решений является норма, предусмотренная ст. 381 УПК РФ. Согласно ей основанием для отме-

ны, изменения являются такие нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора. В данной норме в отличие от ст. 345 УПК РСФСР не говорится о существенном характере такого нарушения, хотя как в научном мире (Л. А. Воскобитова, А. Д. Назаров, Л. Д. Калинкина, А. А. Ширванов и др.), так и в проанализированной практике наличие этого признака считается необходимым.

Всего за период с 2003 по 2005 г. за нарушение норм уголовно-процессуального закона (по ст. 381 УПК РФ) было отменено 27 судебных решений, или 4,36 %. В 2003 г. отменялось 4 судебных решения, или 4,5 %, в 2004 г. — 3 (1,8 %), в 2005 г. — 20 (5,49 %). Отменялось: приговоров — 11 (1,77 %), кассационных определений — 12 (1,93 %), иных судебных решений — 4 (0,62 %). По ч. 1 ст. 381 отменялось 10 судебных решений; по п. 1 ч. 2 ст. 381 — 2; по п. 2, 3, 4 ч. 2 ст. 381 — по 1; по п. 6 ч. 2 ст. 381 — 2; по п. 10 ч. 2 ст. 381 — 6; по п. 11 ч. 2 ст. 381 — 2 и по п. 5, 7, 8, 9 ч. 2 ст. 381 ни одного судебного решения отменено не было.

Нарушения уголовно-процессуального закона по ст. 381 УПК РФ разделяются на два вида. Ч. 1 указанной статьи носит общий характер и говорит о лишении или ограничении гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства и несоблюдении процедуры судопроизводства. Ч. 2 устанавливает определенный перечень наиболее типичных нарушений уголовно-процессуального закона, при наличии которых судебное решение подлежит отмене в любом случае. Как видно из вышеприведенных статистических данных, отмена судебных решений по данному основанию встречается довольно редко. Преградой на пути подобных нарушений в первую очередь выступает именно этот перечень типичных нарушений. Поэтому выявление типичных, повторяющихся на практике нарушений уголовно-процессуального закона и их отражение в указанном перечне будет иметь большой превентивный характер. Из практики Верховного Суда Республики Мордовия можно привести следующий интересный пример: «Не допросив обвиняемых после предъявления обвинения (ранее им «группа лиц» не вменялась в вину), органы следствия нарушили требования ст. 175 УПК РФ и право обвиняемых на защиту, что является основанием для отмены состоявшихся судебных решений по делу (ст. 381 УПК РФ)» [2]. Исследование надзорной практики выявило, что до сих пор нередки случаи, когда судья или судьи, участвующие при рассмотрении дела, не подписывают свои решения: «Судом допущено существенное нарушение норм УПК РФ: протокол судебного заседания не подписан судьей и секретарем судебного заседания» [3].

Анализ показал, что такое основание, как нарушение норм уголовно-процессуального закона, согласно сложившейся надзорной практике Верховного Суда РМ всегда влечет отмену состо-

явшихся судебных решений, так как сама надзорная инстанция не в состоянии устранить возникшие препятствия и изменить судебные решения.

3. Ст. 382 УПК РФ закрепляет в качестве основания отмены или изменения судебного решения неправильное применение уголовного закона в случаях нарушения требований Общей части УК РФ; применения не той статьи или не тех пунктов и (или) части статьи Особенной части УК РФ, которые подлежали применению; назначение наказания более строгого, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Проведенный анализ позволил установить, что данное основание для отмены или изменения — самое распространенное. Всего за период с 2003 по 2005 г. было допущено 535 (86,42 %) нарушений уголовного закона, которые отражены в постановлениях Президиума Верховного Суда Республики Мордовия. В 2003 г. нарушения уголовного закона встречались в 65 случаях (73,03 %); в 2004 г. — в 139 (83,73 %); в 2005 г. — в 333 (91,48 %). Судебные решения отменялись в 20 случаях (3,23 %), изменялись в 515 (83,19 %). Было отменено или изменено 95 (15,34 %) приговоров, 76 (12,27 %) кассационных определений, 364 (58,80 %) иных судебных решения. По ч. 1 ст. 382 — 253 (40,87 %), по ч. 2 ст. 382 — 280 (45,23 %), по ч. 3 ст. 382 — 2 (0,32 %). Такое большое количество нарушений было вызвано проблемами переквалификации содеянного осужденными в связи с принятием ФЗ от 08.12.2003 г. «О внесении изменений и дополнений в УК РФ». Согласно ст. 10 УК РФ, ряд приговоров подлежит пересмотру, что и вызвало большую волну обращений в суды по месту отбытия наказания (Зубово-Полянский районный суд РМ). Все это привело к тому, что на один и тот же день назначалось несколько десятков материалов об условно-досрочном освобождении и пересмотру приговора, и суд пошел по пути их послешного и упрошенного рассмотрения. В таких условиях судопроизводство, сложившееся в Зубово-Полянском районном суде РМ, можно назвать «конвейерным», при котором постановления, как правило, содержат схожие формулировки шаблонного типа: «своим поведением и отношением к труду доказал исправление». В такой лавине судебных решений не могли не появиться нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона. Поэтому вопросы квалификации и назначения наказания имеют большое практическое значение. Закон требует, чтобы судьи правильно толковали и применяли уголовный закон, а практика вышестоящих судов должна приводить к единообразию такого толкования и применения.

В ходе исследования мы установили перечень наиболее часто встречающихся нарушений уголовного закона: 1) нарушения, связанные с неправильным толкованием и применением уголовного закона, действующим во времени и в пространстве; 2) нарушения, связанные с неправильным толкованием и применением положений уголовного закона о совокупности и рецидиве преступления (постановления Президиума Верховного Суда РМ № 44-у-83/03, 44-у-73/03,

44-у-56/04, 44-у-59/04, 44-у-108/04, 44-у-109/04, 44-у-127/04, 44-у-151/04, 44-у-156/04 и др.); 3) нарушения, связанные с назначением наказания несовершеннолетним. В соответствии с ч. 6 ст. 88 УК РФ наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему преступление небольшой тяжести впервые; 4) нарушения, связанные с толкованием и применением правил о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (постановления Верховного Суда Республики Мордовия № 44-у-77/04, 44-у-65/03 и т. д.); 5) нарушения, связанные с толкованием и применением положений о назначении наказания по совокупности преступлений. Верховный Суд РФ исправлял нарушения подобного характера в следующих постановлениях: № 44-у-23, 44-у-62/03, 44-у-84/03, 44-у-54/04, 44-у-83/04, 44-у-90/04, 44-у-118/04, 44-у-125/04, 44-у-131/04, 44-у-155/04, 44-у-159/04, 44-у-162/04 и др.; 6) нарушения, связанные с толкованием и применением положений о назначении наказания по совокупности приговоров 44-у-83/04, 44-у-142/04, 44-у-142/02 и др.; 7) нарушения, связанные с квалификацией преступления. Наиболее часто встречались нарушения норм статей 105, 158, 162, 166, 222, 228 УК РФ.

Правильное применение уголовного закона, особенно правильная юридическая квалификация инкриминируемого деяния, по результатам исследования является наиболее сложным аспектом в деятельности нижестоящих судов. Нарушения в этой деятельности во всем многообразии очень часто становятся по различным причинам основанием к отмене и (или) изменению судебных решений в порядке надзора.

4. Следующим основанием отмены или изменения судебных решений является несоблюдение принципа справедливости, который отражен как в уголовном законе (ст. 6 УК РФ), так и в уголовно-процессуальном в качестве основания отмены или изменения приговора (ст. 383 УПК РФ). В ходе проведенного исследования нами было установлено, что несправедливость в качестве основания к отмене или изменению судебного решения в суде надзорной инстанции использовалась в 47 случаях (7,59 %). В 2003 г. в постановлениях Президиума Верховного Суда РМ ссылки на данное основание (как на ст. 383 УПК РФ, так и на ст. 6 УК РФ) не встречалось, хотя в ряде постановлений обосновывались нарушения уголовного закона, которые явно были несправедливыми. В 2004 г. по данному основанию изменялось 34 судебных решения, или 20,48 %. В 2005 г. ссылки имелись при изменении 13, или 3,57 %.

Например, в постановлении Президиума Верховного Суда РМ № 44-у-76/04 был изменен и приговор, и кассационное определение: «при назначении наказания осужденному Ш. судом не учтено, что поводом для преступления являлось противоправное поведение потерпевшего Ш. Данное обстоятельство в соответствии с п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ признается смягчающим, и непризнание его в качестве такового противоречит требованиям ст. 6, 60 УК РФ» [4].

5. Особо остановимся на основаниях отмены или изменения судебных решений, выработанных в практике надзорной инстанции, но не нашедших своего закрепления в специальных статьях об УПК РФ. Всего за период с 2003 по 2005 г. иные основания встречались в 125 судебных решениях, или 20,19 %. Так, в 2003 г. по ним было отменено и изменено 30 судебных решений в порядке надзора (33,70 %), в 2004 г. — 27 (16,26 %), в 2005 г. — 68 (18,68 %). Судебные решения: отмененные — 110 (17,77 %), измененные — 15 (2,42 %). Приговоров по данной группе было отменено и изменено всего 16 (2,58 %), чаще всего за нарушение требований: п. 2 ч. 1 ст. 24; ст. 42, 46, 47, 48, 54, 73, 240, 299, 307, 430 УПК РФ.

Кассационные определения по данной группе оснований отменялись и изменялись в 59 (9,53 %) случаях. Проведенное исследование позволило нам установить те нарушения, которые влекут отмену или изменение кассационного определения:

1) ст. 388 УПК РФ: неизложение всех доводов кассационных жалоб и представлений в кассационном определении и оставление их без рассмотрения (ч. 5 ст. 388 УПК РФ); немотивация принятого решения (ч. 6 ст. 388 УПК РФ); отсутствие решения кассационной инстанции по жалобе или представлению (ч. 7 ст. 388 УПК РФ); отсутствие решения о мере пресечения в кассационном определении в случае, если лицо содержится под стражей (ч. 8 ст. 388 УПК РФ); в случае отмены или изменения судебного решения в кассационном определении должны быть приведены определенные основания (п. 3 ч. 2 ст. 388 УПК РФ);

2) ст. 376: неуведомление участников уголовного процесса о дате, времени и месте рассмотрения уголовного дела судом кассационной инстанции; нарушение права осужденного, содержащегося под стражей и заявившего о своем желании присутствовать при рассмотрении жалобы или представления на судебное решение в суде кассационной инстанции;

3) ст. 410: невыполнение нижестоящим судом законных указаний вышестоящего при новом рассмотрении дела;

4) ст. 386: предрешение вопроса о доказанности или недоказанности обвинения; предрешение вопроса о достоверности или недостоверности того или иного доказательства; предрешение вопроса о преимуществе одних доказательств перед другими; предрешение вопроса о мере наказания; предрешение вопроса об уголовно-правовой квалификации действий осужденного;

5) ст. 373: ненаправление в суд кассационной инстанции судом первой инстанции хотя бы одной из своевременно поданных кассационных жалоб или представлений, дополнительных кассационных жалоб или представлений; нерассмотрение судом кассационной инстанции одного из ходатайств, изложенного в кассационной жалобе или представлении (схоже с п. 5 ч. 1 ст. 388); нерассмотрение полностью кассационной жалобы или представления; оставление хотя бы одной кассационной жалобы или представления без рассмотрения; нерассмотрение кассационной

жалобы или представления и возложение обязанности по их исследованию на суд первой инстанции.

В отношении иных судебных решений. Как правило, их отмена или изменение были связаны с нарушением тех норм уголовно-процессуального закона, которые предусматривали возможность их вынесения и в случае, если они затрагивают законные права заинтересованных лиц. Чаще всего нарушение требований п. 20 ч. 4 ст. 47, ч. 3, 4 ст. 399, ч. 6, 7 ст. 259, ст. 32, ст. 135, ст. 125, ст. 145, ч. 1 ст. 396, ч. 4 ст. 396, ч. 5, 7 ст. 318, п. 1 ст. 447, ч. 5 ст. 50, ч. 4 ст. 132 УПК РФ.

Таким образом, законодательная разработка и закрепление оснований отмены и изменения судебных решений в порядке надзора выступит подтверждением и приданием легального статуса сложившейся судебной практики, что неизбежно приведет к единообразному пониманию и применению закона и защите законных прав, свобод и интересов человека и гражданина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Президиума Верховного Суда РМ № 44-у-26/05 // Архив Верховного Суда Республики Мордовия.
2. Постановление Президиума Верховного Суда РМ № 44-у-350/05 // Архив Верховного Суда Республики Мордовия.
3. Постановление Президиума Верховного Суда РМ № 44-у-40/05 // Архив Верховного Суда Республики Мордовия.
4. Постановление Президиума Верховного Суда РМ № 44-у-76/04 // Архив Верховного Суда Республики Мордовия.

Поступила 06.07.06.

ЖАЛОБА НА НЕЗАКОННЫЕ И НЕОБОСНОВАННЫЕ ДЕЙСТВИЯ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) И РЕШЕНИЯ ДОЗНАВАТЕЛЯ, СЛЕДОВАТЕЛЯ И ПРОКУРОРА

Н. С. КУРЫШЕВА

В уголовно-процессуальной науке почти совсем не уделяется внимания вопросу о понятии жалобы, подаваемой в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. Необходимость в определении понятия жалобы на действия (бездействия) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (в порядке ст. 125 УПК РФ), проявляется в потребности уяснения ее сущности, роли и назначения, выявления отличительных черт и

© Н. С. Курышева, 2006

отграничения ее от иных жалоб на незаконные действия (бездействия) и решения должностных лиц.

Жалоба на действия (бездействия) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (в порядке ст. 125 УПК РФ) — это устное или письменное обращение к дознавателю, следователю, прокурору, иным должностным лицам, осуществляющим уголовное судопроизводство, или в суд по поводу нарушения конституционных прав и свобод либо затруднения доступа к правосудию участников уголовного судопроизводства, к иным лицам, вовлеченным в уголовный процесс, в целях восстановления нарушенных прав либо устранения их ограничений.

Из данного определения объективно вытекают следующие характерные черты, присущие жалобе на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (в порядке ст. 125 УПК РФ):

— цели подачи жалобы в суд (цели судебного обжалования). Жалоба на действия (бездействия) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, подается в суд в целях восстановления нарушенных прав граждан либо устранения ограничений на доступ к правосудию;

— сущность обращения с жалобой в суд (сущность обжалования). Обжалование состоит в реализации права обжалования незаконного и необоснованного решения или действия (бездействия). Процессуальным инструментом обжалования является жалоба, которая содержит обращение к дознавателю, следователю, прокурору, суду или иному должностному лицу, осуществляющему уголовное производство, о нарушении (ограничении) конституционных прав и свобод граждан, а не заявление или просьбу об этом;

— основания подачи жалобы — нарушение (угроза нарушения) конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства и лиц, вовлеченных в уголовный процесс, либо ограничение доступа граждан к правосудию;

— процессуальная форма жалобы и порядок ее оформления. В жалобе выражается волеизъявление субъекта обжалования. Жалоба подается, как правило, в письменной форме, хотя может быть высказана и в устной форме. В последнем случае она должна заноситься в протокол проводимого следственного (любого иного процессуального) действия;

— субъекты производства по жалобе. Данная категория носит собирательный характер. К ней относятся не только лица, обладающие правом подачи жалобы, но и должностные лица, чьи действия (бездействия) и решения могут быть обжалованы в порядке ст. 125 УПК РФ. Первые — это участники уголовного судопроизводства или иные лица, вовлеченные в уголовный процесс, конституционные права и свободы которых нарушены, либо затруднен доступ к правосудию. Последними могут быть дознаватели, следователи, прокуроры и иные должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство в установленном законом порядке и наделенные необходимыми полномочиями;

— предмет судебного обжалования. В порядке статьи 125 УПК РФ обжаловать в суде возможно процес-

суальные документы, принимаемые дознавателем, следователем, прокурором и иными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, а также их действия и бездействия. Предмет обжалования — конкретный уголовно-процессуальный документ, определенное процессуальное действие или бездействие должностного лица, на которые подана жалоба;

— процедура обжалования. Производству по жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ присущ своеобразный характер. Рассмотрение судом жалобы на действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя и прокурора — особая процедура судопроизводства, носящая ускоренный характер. Имеются особенности при подаче и приеме жалобы, назначении судебного заседания, проведении подготовительных действий и непосредственном рассмотрении жалобы судом. Следует подчеркнуть, что процедура обжалования действий (бездействий) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, предусмотрена гл. 16 УПК РФ. Судьи при рассмотрении жалоб и вынесении решений руководствуются ст. 125 УПК РФ

Перечисленные специфические черты позволяют отграничить жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ от жалоб, реализующих отсроченный судебный контроль (апелляционной, кассационной, надзорной), и иных жалоб стадии досудебного производства.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит особых правил, регулирующих порядок и сроки подачи, приема в порядке ст. 125 УПК РФ и не определяет каких-либо требований к ее форме и содержанию. Часть 2 ст. 125 УПК РФ устанавливает только круг лиц, уполномоченных подать жалобу, и способ подачи жалобы. Остальные правила формируются на основе судебной практики.

На практике суды предъявляют к жалобам заявителей требования, аналогичные общепринятым к содержанию подаваемых в суд заявлений и жалоб, без соблюдения которых рассмотрение жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ невозможно или весьма затруднительно. Согласно действующему уголовно-процессуального закону, при ненадлежащем оформлении жалобы суд не имеет права отказать в ее принятии или возвратить заявителю.

К примеру, в Рузаевский районный суд Республики Мордовия подана жалоба на действия следователей Рузаевского ГРОВД М. и К. на незаконные методы ведения предварительного расследования. В жалобе заявитель М. указывал на то, что принуждался к подписанию протоколов следственных действий без фактического участия защитника, но с уже имеющимися в них подписями последнего. Следователями М. и К. оказывалось на заявителя психическое насилие, выражающееся в запугивании и угрозах. В жалобе указывалось также и то, что следователь М. отказался принять у него жалобу, подаваемую в порядке ст. 125 УПК РФ [1]. Данная жалоба подана в суд без соблюдения каких-либо требований к форме, написана в свободном изложении. В ней подробно описываются действия должностных лиц, но нет указания о нарушении прав и законных интересов заявителя, отсутствует резолютивная (просительная) часть.

Учитывая, что форма жалоб законом не регламентируется, нечеткость формулировок, недостаточная грамотность оформления не могут служить поводом для отказа в принятии ее судом к своему производству, поэтому указанная жалоба была принята и рассмотрена судом.

Отсутствие в УПК РФ отдельных реквизитов уголовно-процессуальных актов рассматриваемой категории вовсе не означает, что их отражение необязательно. Нельзя списывать незакрепление тех или иных реквизитов на то, что они являются общеизвестными на практике, ею выработаны, и что в силу процессуальной экономии законодательно четко их обозначать нет необходимости. Отсутствие в УПК РФ требований, предъявляемых к жалобе — это законодательный пробел.

Представляется, что по аналогии с ч. 5 ст. 318 и ч. 1 ст. 375 УПК РФ жалоба, поданная в порядке ст. 125 УПК РФ, по крайней мере, должна содержать:

— наименование суда, в который обращена жалоба;

— данные о заявителе с указанием его процессуального положения, места жительства или места нахождения;

— сведения о защитнике, представителе и законном представителе в случаях подачи жалобы ими в интересах заявителя;

— описание обжалуемого действия (бездействия) или процессуального решения с указанием должностного лица или органа, совершившего действие или принявшего решение;

— указание на то, какое нарушение прав заявителя вызвало, либо какой ущерб законным интересам способно причинить обжалуемое действие или решение;

— доводы заявителя, на основании которых предлагается признать незаконным или необоснованным то или иное процессуальное действие или решение;

— просьбу, адресованную суду, о признании обжалуемого действия или решения незаконным;

— дату подачи заявления и подпись заявителя или лица, подавшего жалобу в его интересах.

На практике жалобы, подаваемые в порядке ст. 125 УПК РФ, имеют различные названия: «жалоба», «заявление», «жалоба в порядке ст. 125 УПК РФ», «жалоба на действия (бездействия) и решения должностных лиц», «жалоба на действия (бездействия) и решения следователя (дознавателя, прокурора)» и пр. Множественность названий данного документа порождена широкими возможностями обжалования действий (бездействий) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Считая данное обстоятельство непринципиальным, полагаем, что название жалоб, подаваемых в порядке ст. 125 УПК РФ, должно иметь единую форму, поскольку суть уголовно-процессуального акта выражается в единстве процессуальных решений, действий и документов.

К жалобе заявителем могут быть приложены копии обжалуемых постановлений и других материалов уголовного дела или отказного материала, однако это не является обязанностью подателя жалобы, невыполнение которой препятствовало бы ее приему.

Так, в Рузаевский районный суд от заявителя Б. М. поступила жалоба (в порядке ст. 123, 125 УПК РФ) о признании незаконным и необоснованным постановления старшего следователя Рузаевской межрайонной прокуратуры А. от 4 августа 2005 г. о прекращении уголовного преследования в отношении Б. А. по ст. 116 УК РФ [2], данная жалоба соответствует сложившимся правилам оформления процессуальных документов, подана в суд без приложения каких-либо документов, даже без самого обжалуемого процессуального акта. Подобным образом принята к производству данного районного суда жалоба заявителя Г. о признании незаконными решения Рузаевской межрайонной прокуратуры о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 285 УК РФ, о привлечении в качестве подозреваемого, избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде [3].

По данным изученных материалов за период второго полугодия 2002 г. — первого полугодия 2006 г., подобная практика принятия жалоб складывается аналогичным образом в других районных судах Республики Мордовия, а также в районных судах Пензенской и Ульяновской областей.

Полагаем, что суды правильно поступают, принимая к производству жалобы без приложения обжалуемого документа. Последний может быть приобщен по запросу уголовного дела (отказного материала) из компетентных органов. Данное обстоятельство не является препятствием для рассмотрения жалобы судом и не может выступать основанием для отказа в принятии жалобы.

Статьи 123 — 125 УПК РФ предоставляют возможность подачи жалобы непосредственно в суд, а также прокурору, предоставляя право выбора альтернативного обжалования. Подобное обращение с жалобой в суд подразумевает соблюдение простой письменной формы.

Жалоба на действия (бездействия) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, может быть подана и в устной форме (например, при производстве следственных действий). В таких случаях она должна заноситься дознавателем, следователем, прокурором в протокол, оформляемый при выполнении соответствующих процессуальных действий.

В идеальном варианте жалоба на незаконные и необоснованные действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя и прокурора должна быть мотивированной. Из содержания жалобы должно быть ясно, почему процессуальные действие (бездействие) или документ являются незаконными и необоснованными, и чем мотивирована позиция заявителя.

Полагаем, если каждая жалоба, подаваемая в порядке ст. 125 УПК РФ, была бы мотивированной, это значительно бы облегчило работу суда. Но безуклонительно применять требование мотивированности к жалобам, а тем более отказывать в их принятии не следует. Доводы заявителя можно выслушать, а при необходимости и уточнить в ходе судебного разбирательства.

Распространенным фактом является содержание в жалобе просьб о совершении судом действий или принятия решений, не входящих в компе-

тенцию суда и не предусмотренных ст. 125 УПК РФ. Часто податели жалоб просят отменить обжалуемое действие, возбудить уголовное дело или возобновить производство по делу, побудить органы предварительного расследования совершить те или иные процессуальные действия или принять нужное заявителю процессуальное решение и т. п.

На практике в жалобах чаще всего встречаются просьбы заявителей об отмене соответствующих решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Например, заявитель Я. просит суд отменить постановление дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела; заявительница Е. — отменить постановление с аналогичным названием помощника прокурора Рузаевской межрайонной прокуратуры; заявитель П. — отменить постановление оперуполномоченного ОБЭП Рузаевского ГРОВД об отказе в возбуждении уголовного дела по признакам деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 159 УК РФ и ч. 3 ст. 327 УК РФ вследствие акта амнистии; заявитель В. просит суд признать постановление следователя о прекращении уголовного дела незаконным и необоснованным и обязать следствие провести по делу обязательное предварительное расследование; заявительница К. просит суд отменить постановление следователя прокуратуры об отказе в возбуждении уголовного дела, возбудить уголовное дело в отношении преступников и поручить производство предварительного расследования другому следователю; в своей жалобе Р просит суд признать постановление следователя прокуратуры незаконным и необоснованным и обязать возбудить уголовное дело по факту его избиения сотрудниками милиции с проведением по делу предварительного расследования для решения вопроса об их виновности или невиновности; потерпевшая Т. просит суд признать незаконным и необоснованным постановление следователя РОВД об отказе в возбуждении уголовного дела и направить прокурору для решения вопроса о возбуждении уголовного дела; в жалобе Г. просит суд признать бездействие прокурора незаконным и обязать прокурора принять процессуальное решение; жалоба защитника Ш. в интересах подозреваемого Б., которая излагает просьбу признать постановление следователя о производстве выемки незаконным и необоснованным и обязать следователя возвратить исполнительные производства, изъятые им в ходе производства следственного действия, в подразделения службы судебных приставов, и пр. [4]

Суды в большинстве случаев, принимая такие жалобы к производству, «не обращали внимания» на не подлежащую удовлетворению просьбу, а рассматривали жалобу по существу, разрешая вопрос о законности и обоснованности предмета обжалования.

По отдельным жалобам, не подлежащим рассмотрению в порядке ст. 125 УПК РФ, принимались решения об их возвращении, оставлении без рассмотрения или прекращении производства по жалобе.

В некоторых случаях суды допускали ошибки, принимали и разрешали по существу жалобы, рассмотрение которых изначально не предусмотрено ст. 125 УПК РФ. К примеру, Ок-

тябрьским районным судом г. Архангельска рассмотрена по существу жалоба осужденного К., содержавшегося в учреждении ИЗ-24/1, на незаконное помещение его в карцер по решению начальника СИЗО-1. Очевидно, что данная жалоба не могла рассматриваться в порядке ст. 125 УПК РФ, поскольку обжалуемое решение начальника СИЗО не относится к уголовно-процессуальной деятельности органов уголовного преследования и принято не в период досудебного производства по делу, а на более поздней стадии уголовного процесса.

Северодвинским городским судом ошибочно была допущена к рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства жалоба Е. на действия сотрудников городского отдела УФСНП, связанные с осмотром материалов ранее прекращенного в отношении заявителя уголовного дела, снятием с них копий и передачей этих копий в ИМНС по г. Северодвинску.

Разрешая жалобу по существу и признавая действия сотрудников УФСНП законными, суд не учел, что в данном случае действия налоговой полиции не носили процессуального характера, а проводились в рамках оперативно-розыскной деятельности и были направлены на оказание содействия налоговому органу по выявлению и документальному закреплению факта налогового правонарушения, то есть были связаны не с уголовным судопроизводством, а с выполнением иных служебных обязанностей, возложенных на органы налоговой полиции. По результатам этой деятельности ИМНС по г. Северодвинску приняло решение о привлечении Е. к административной ответственности за налоговое правонарушение, что и явилось мотивом подачи жалобы в суд. Определением судебной коллегии по уголовным делам областного суда постановление отменено [5].

Анализ судебной практики показывает, что суды затрудняются при определении относимости жалоб к рассмотрению в порядке ст. 125 УПК РФ. Отчасти это связано с отсутствием в законе требований к процессуальной форме жалобы на действия (бездействия) и решения должностных лиц.

Складывающаяся практика диктует необходимость разработки и внесения в приложения к Уголовно-процессуальному кодексу дополнений относительно формы жалобы на действия (бездействия) или решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Форма и содержание жалобы должны соответствовать требованиям, указанным выше, и быть процессуально оформленными в виде соответствующего бланка жалобы на действия (бездействия) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Материал №3-141/03 // Архив Рузаевского районного суда Республики Мордовия. 2003.
2. Материал №3/9 — 11/05 // Архив Рузаевского районного суда Республики Мордовия. 2005.
3. Материал №3/9 — 7/05 // Архив Рузаевского районного суда Республики Мордовия. 2005.
4. Материалы соответственно: № 3-38/03, 3-56/03, 3-81/03 // Архив Рузаевского районного суда Республики Мордовия. 2003; № П-24/03, П-29/03 // Архив Октябрьского районного суда Республики

Мордовия. 2003; № 3/7-2/04, 3/7-7/04 // Архив Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия. 2004; № 17-8/2003 // Архив Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия. 2003; № 16/2001 // Архив Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия. 2004.

5. Справка по результатам обобщения судебной практики районных судов Архангельской области по рассмотрению в 2003 году жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ // Архив Архангельского областного суда. 2003.

Поступила 06.07.06.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Ю. А. КАЛИНКИН, кандидат юридических наук

Одно из основополагающих конституционных положений гласит, что человек, его права и свободы признаются в России высшей ценностью, а соблюдение и защита этих прав и свобод — обязанностью государства. Отношение к естественным и неотъемлемым правам человека, степень их защищенности являются объективными показателями зрелости и развитости государства, стремящегося к тому, чтобы являться цивилизованным, демократическим, социальным и правовым.

Состояние дел в области прав человека во многом определяется не только их воплощением в законодательстве, но также наличием стройной системы гарантий и процедур их защиты, механизма их функционирования, что отмечается на всех уровнях: от доктринально-политического до правоприменительного.

Органы государства, включая суды, призваны защищать права и законные интересы граждан от нарушений, от кого бы эти нарушения ни исходили. Приоритет общечеловеческих ценностей справедливо стал сущностью и судебной реформы. Преобразование судов из органов преимущественно репрессивных в органы правозащитные отвечает законным интересам всех граждан, особенно в нынешних условиях их еще не достаточной социально-правовой защищенности.

Для надлежащего обеспечения прав и свобод человека важно, какими для этого юридическими средствами будет обладать конкретная личность, государственные органы, а также суд. Поэтому проводимой судебной реформой существенное внимание уделяется совершенствованию процессуальных гарантий, призванных служить реализации прав и законных интересов граждан.

Традиционно для прокуратуры и судов характерны большая тщательность, беспристрастность и справедливость, на

© Ю. А. Калинкин. 2006

которые избирательно не обращается внимание некоторыми их критиками.

В настоящее время любой гражданин для защиты своих прав может воспользоваться основанной на законе помощью различных государственных органов, отечественных, а также международных: административных, правозащитных, судебных, органов прокуратуры, а также уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Важная роль в утверждении принципа верховенства права в условиях конституционного принципа разделения властей в современном обществе возлагается на судебную власть. Значение отечественной судебной системы в охране прав и законных интересов граждан оправданно возрастает. Суд не зависим ни от одной ветви власти, а суверенен и равнозначен им. Среди демократических принципов, свидетельствующих о преимуществах судебной процедуры, можно назвать гласность и состязательность обсуждаемых вопросов, непосредственное и устное исследование всех обстоятельств, наделение сторон равными процессуальными гарантиями, правами и обязанностями, подчинение суда только закону, обязательность судебных решений.

Суду подконтрольны действия (решения) любых структур, должностных лиц во всех областях социальной жизни, в уголовном, административном, гражданском процессах, если возникает опасность ущемления законных интересов личности, что отвечает духу и букве Конституции Российской Федерации.

С развитием России как правового государства роль и значение судебной власти будут и далее возрастать. В ближайшем будущем совокупное количество профессиональных судей должно увеличиться примерно с 18 до 40 — 45 тысяч человек.

С учетом относительно небольшого судейского корпуса объективно растет судебная нагрузка, что требует повышения качества и оперативности судопроизводства, изыскания внутренних резервов. Этому способствует изучение уроков нашей отечественной истории, задействование судебной практикой (законотворческой, правоприменительной, учебно-методической) всего арсенала эффективных научных данных, извлеченных из ранее накопленного в Российской империи до 1917 г. судебного опыта.

Статистика убедительно показывает, что уровень соблюдения прав граждан со стороны государственных органов, бюрократизированного чиновничества остается весьма низким, в то же время количество правонарушений в стране не уменьшается.

Более чем десятилетний опыт функционирования судебной системы России в условиях утверждения демократических начал во всех сферах новой российской государственности свидетельствует о действенности и своевременности их усилий в направлении защиты прав и законных интересов граждан, в стремлении к осуществлению правосудия скорого, правого и справедливого.

Совершенствование и внедрение в повседневную социальную практику надежных юридических мер по реализации прав и законных интересов граждан средствами судебной власти призвано обеспечивать их правовую

защиту, что в итоге направлено на охрану интересов личности, общества и государства и в целом на обеспечение национальной безопасности правовыми методами. И в этой работе опыт, накопленный российской судебной системой до 1917 г. в данном направлении, для нас также является важным.

Современный динамичный этап функционирования судов общей юрисдикции Российской Федерации также вызывает необходимость специального обращения к богатым историческим урокам, подлежащим учету в условиях осуществления социально-правовых реформ.

В последнее время многогранным вопросам совершенствования судебной власти в Российской Федерации уделяется все большее внимание. Однако исторические аспекты становления и развития региональных судов во всем своем многообразном комплексе еще не являлись предметом специального самостоятельного научного рассмотрения. В некоторых источниках исторические и современные вопросы деятельности региональных судов в России интерпретируются весьма произвольно и тенденциозно, что приводит не всегда к объективным выводам и оценкам, относящимся не только к прошлому, но и к настоящему времени[1]

Исторические аспекты дореволюционных судебных учреждений страны обнаруживают определенную, не всегда широко известную специфику; они заслуживают беспристрастного научно-практического анализа к осмысления, возможного внедрения в нормотворческую и правоприменительную практику, а если и критики, то конструктивной и со знанием дела.

С учетом изложенного актуальность исследования проблем становления, функционирования и развития системы региональных судов Российской Федерации определяется следующими социальными и правовыми факторами:

— возрастанием роли судебной власти во всех сферах общественной дентельности, в том числе в деле защиты интересов личности, общества и государства, что находит свое отражение в последовательной реализации концепции судебной реформы в Российской Федерации;

— объективным расширением подведомственности и процессуальных полномочий современных судов, объемом и характером решаемых ими задач, имеющих не только юридическое, но и социальное значение;

— недостаточной научной разработанностью и фрагментарностью современных историко-правовых исследований, посвященных организационно-правовым проблемам деятельности дореволюционных губернских судов, выполняющих в России социально значимые функции непрерывно на протяжении более чем 140 лет, если взять за точку отсчета судебную реформу 1864 — 1868 гг.;

---

[1] В настоящее время в справочных правовых, информационных системах по подсчетам автора имеется около шести тысяч упоминаний о региональных судах, в том числе в нескольких сотнях нормативных актов различной юридической силы. Истории дореволюционных региональных судов посвящено только 15 современных материалов. Все юридические энциклопедии при характеристике региональных судов допускают неточности, используют устаревшую, не основанную на действующем законодательстве терминологию.

— потребностью формулирования адекватных современным реалиям теоретико-правовых основ эффективного осуществления судебной власти страны и дальнейшего их учета в практической юридической деятельности;

— необходимостью выявления, изучения и реального учета в социальной практике объективной специфики осуществления правосудия в регионах;

— задачей теоретического осмысления и научного анализа уроков истории в части, касающейся комплекса дореволюционной окружной судебной системы: административных, судоустройственных и организационных, материально-правовых, процессуальных и исполнительных, имея в виду их дальнейший учет в последующей деятельности региональных судов;

— необходимостью проведения научной периодизации истории отечественных региональных судебных учреждений и обращения внимания на малоисследованные ее этапы;

— задачами совершенствования законодательства о судах общей юрисдикции, о статусе судей, органов судейского сообщества, где может быть востребован опыт, накопленный в дореволюционный период;

— практическими проблемами применения действующего динамично развивающегося уголовного, процессуального законодательства, необходимостью его совершенствования, толкования и формирования правильной и единообразной судебной практики;

— необходимостью выработки на основе указанных положений с учетом отечественного, в том числе и дореволюционного опыта, научно обоснованной целью, завершенной, непротиворечивой концепции становления, функционирования и дальнейшего развития региональной судебной системы в Российской Федерации в контексте проводимых в стране судебно-правовой и социально-экономической реформ;

— важностью реализации указанной концепции в юридической науке, в правотворчестве, в исполнении и соблюдении права, в его правоприменении, в учебном процессе подготовки и переподготовки юридических кадров;

Указанные теоретические и практические основания позволяют констатировать, что исследование социальных и правовых проблем становления, функционирования и дальнейшего развития системы региональных судов Российской Федерации в соответствии с основными направлениями современной правовой политики государства является одной из актуальных задач юридической науки, способной быть квалифицированной как решение крупной научной проблемы, имеющей важное научное значение.

Достижение указанной цели обуславливает постановку и последующее решение ряда взаимосвязанных теоретических, прикладных и перспективных задач, рабочих гипотез, в том числе:

— изучение основных направлений судебной политики царского правительства;

— анализ основных нормативных актов, определяющих все стороны судебной деятельности;

— выявление структуры и функций судебных органов;

— исследование обширного российского исторического опыта регулирования судебных отношений и

возможностей его использования в условиях современных реформ;

— выработку научно-практических рекомендаций по совершенствованию законодательства, судебной деятельности в направлении повышения ее эффективности, а также по обеспечению учебного процесса подготовки и переподготовки судебных кадров на основе дореволюционного опыта судебной деятельности;

— изучение роли и места прокуратуры окружного суда в системе судебных отношений.

Поступила 05.07.06.

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ (ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ)*

С. Г. ПИЛИПЕНКО, кандидат юридических наук

Каждая ветвь государственной власти в своем развитии должна опираться на прочный правовой фундамент. Формирование в России эффективной системы исполнительной власти требует не только продуманных организационно-практических мер, но и соответствующего качества законодательного обеспечения. При этом недостаточно простого наличия некой совокупности актов законодательной власти. Гораздо более важным нужно признать не количественное множество, а надлежащий уровень проработанности, высокую степень системности нормативных положений. В условиях же, когда исполнительная власть существует в федеративном режиме правового регулирования, при наличии общих проблем в области федеративных отношений, обеспечить указанную системность весьма сложно.

Успешное выполнение функций исполнительной власти напрямую зависит от качества административного законодательства (хотя, разумеется, это не единственное условие). Изменение принципов и механизмов государственного администрирования, строительство федеративных отношений, значительные трансформации управляемой среды не самым лучшим образом отразились на его состоянии.

Административное и административно-процессуальное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов [1]. Конституционными нормами определен «стандартный» механизм реализации правотворческой компетенции в рамках совместного ведения: издаются федеральные законы и в соответствии с ними принимаются законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ. Между тем

© С. Г. Пилипенко, 2006

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Республики Мордовия (проект 04-03-23003 а/в).

применительно к правовому регулированию исполнительной власти об указанном механизме следует говорить с некоторыми уточнениями. Отсутствие необходимых федеральных законов в период после принятия Конституции 1993 г. породило так называемое опережающее правотворчество субъектов Федерации, допустимость которого неоднократно подтверждалась Конституционным Судом России. Поскольку многие вопросы организации исполнительной власти фактически не подвергаются федеральной правовой регламентации, региональные законодатели приобрели немалую свободу в выборе законодательных решений.

Казалось бы, это должно создать благодатную почву для развития регионального законодательства об исполнительной власти. Но, как и многие институты административного законодательства, оно пребывает в плачевном состоянии. Нет многих нужных нормативных актов, а качество существующих далеко не всегда можно признать высоким. Взаимосвязи региональных законов с федеральными подчас очень слабы. Подобная ситуация сложилась на фоне общих проблем формирования отрасли, в том числе отсутствия четкой общегосударственной концепции ее развития. Пока можно говорить только о формировании отдельных научных концепций [2].

По справедливому мнению, в настоящее время административное законодательство представляет собой сложную и противоречивую по структуре систему федеральных и региональных законов, других нормативных правовых актов [3, с. 437]. Непрерывные модификации исполнительной власти, непостоянство либо несформированность стратегических и текущих управленческих задач, неясность целей в сфере регулирования общественной жизнедеятельности часто влекут за собой неупорядоченность развития его институтов. Не составляет исключение и законодательство об исполнительной власти. В массе образующих его актов не только не наблюдается системной завершенности, но пока и не намечено таковой, что особенно наглядно видно на «вертикальном срезе». Федеративное устройство и соответствующее ему разграничение комлетенции между Российской Федерацией и ее субъектами обусловило размежевание федеральной подсистемы нормативных правовых актов об исполнительной власти и почти девяноста «региональных», а их развитие в силу ряда причин происходит несогласованно.

Федеральное законодательство устанавливает лишь общие принципы организации системы органов исполнительной власти в субъекте Федерации. В каждом конкретном регионе такая система должна соответствовать некой модели, определяемой общефедеральной формой правления, принципом разделения властей, политическим режимом и т. д. Подобный подход позволяет субъектам РФ «приспособить» организационную структуру исполнительной власти к своим особенностям. Но при этом они сталкиваются с некоторыми проблемами. Федеральный закон, закрепляющий принципы организации исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации [4], не содержит норм о структуре систе-

мы данных органов, только указывает на необходимость ее существования. Думается, это лишает региональную власть нужных ориентиров.

Обратим внимание: органы исполнительной власти субъектов Федерации не функционируют обособленно от федеральных, с которыми они образуют единую систему исполнительной власти в пределах ведения Российской Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения с субъектами Российской Федерации. В рамках данной системы органы разных уровней должны тесно взаимодействовать, а эффективность их совместной работы во многом зависит от согласованности организационных структур. Но в России до сих пор отсутствует законодательный акт о единой системе исполнительной власти, который и определял бы механизмы обеспечения их согласованности. Федеральный законодатель закрепил лишь статус высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, и то в общей форме. В так называемых тематических актах административного законодательства (регулирующих государственной управление в отдельных областях общественной жизнедеятельности) компетенция региональных исполнительных органов определяется, как правило, безотносительно к их конкретным системам и организационно-правовым формам. Это не накладывает обязательств по созданию конкретных органов для государственного управления различными объектами, что ведет к бессистемности решения данного вопроса в регионах. Последние вынуждены руководствоваться не четко регламентированной схемой, а в большей мере собственным усмотрением (с соблюдением режима разграничения предметов ведения и полномочий). Подобная ситуация усугубляется некоторыми проблемами уже «внутреннего» характера.

Прежде всего, обратим внимание на очевидную сложность определения оптимального строения системы исполнительных органов государственной власти субъекта Федерации. Здесь следует учитывать одновременно и разграничение предметов ведения и полномочий, и структуру системы федеральных органов исполнительной власти, и динамичное изменение общественной среды с множеством разнообразнейших объектов управления. Это требует серьезной и системной проработки вопроса, очень продуманных и отнюдь не сиюминутных законодательных решений, что предполагает высокую квалификацию подготавливающих их специалистов. К разработке проектов нормативных правовых актов необходимо привлекать и ученых, и практиков, имеющих значительный опыт управленческой работы, что, к сожалению, в регионах наблюдается нечасто.

Видимо, оказывает влияние и еще один фактор: отсутствие устойчивой традиции, своего рода «привычки», обстоятельного законодательного регулирования строения и функционирования аппарата управления, нередко подкрепленное нежеланием делать это. На первый взгляд, упомянутый момент не играет особой роли. Однако при анализе проблем развития административного законодательства субъектов Российской Федерации упускать его

из вида не стоит. Сегодня целый ряд вопросов формирования и функционирования системы исполнительной власти на региональном уровне не вполне обоснованно находится в режиме регулирования подзаконными нормативными правовыми актами, «временно» заполняющими лакуны в законодательстве. Впрочем, это общегосударственная проблема, которая проявляется, например, и в отсутствии закона о системе федеральных органов исполнительной власти, его замене указом Президента России.

Вероятно, ситуация в ближайшее время будет меняться, по крайней мере в субъектах Федерации. В действующие федеральные нормативные акты вносятся изменения, самым непосредственным образом воздействующие на развитие регионального законодательства. Теперь в Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» содержится требование о законодательном установлении систем исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, которое не позволяет оставить их в режиме подзаконного регулирования.

Постепенно начинается процесс принятия соответствующих региональных законов, но пока особой его динамики не наблюдается. Например, в Приволжском федеральном округе законодательные акты о системе исполнительных органов имеются лишь в нескольких субъектах. И не все они приняты в результате указанных выше изменений. Так, в Республике Башкортостан действует Закон от 13 марта 2003 г. № 472-з «О республиканских органах исполнительной власти», в Республике Татарстан — Закон от 6 апреля 2005 г. № 64-ЗРТ «Об исполнительных органах государственной власти Республики Татарстан», в Кировской области — Закон от 26 июля 2001 г. № 10-ЗО «О Правительстве и иных органах исполнительной власти Кировской области» (с изменениями от 4 февраля, 4 декабря 2002 г., 1 декабря 2003 г., 12 мая 2004 г.), в Ульяновской области — Закон от 25 марта 2005 г. № 020-ЗО «О системе исполнительных органов государственной власти Ульяновской области» (с изменениями от 5 мая 2005 г.). В Оренбургской области соответствующий законопроект лишь подготовлен и находится на стадии законодательного обсуждения (по данным за август 2005 г.). В Удмуртской Республике, Пензенской области законодательно определяется лишь структура исполнительных органов государственной власти. Аналогично решен вопрос в Волгоградской области, хотя закон и называется «О системе органов исполнительной власти Волгоградской области».

Данные акты отличаются не только названиями, но и вариантами решения сходных задач. При анализе их содержания скромные количественные показатели наполнения института законодательства об органах исполнительной власти становятся еще менее значимыми. Так, в Законе Кировской области «О Правительстве и иных органах исполнительной власти Кировской области» основное внимание уделено областному Прави-

тельству. Попытка закрепления статуса иных исполнительных органов предпринята, но, по сути, выразилась только в определении задач органов разного типа. Нужно отметить и ряд неясных моментов. Например, перед органами отраслевой и межотраслевой компетенции ставятся одни и те же задачи, хотя функциональные свойства их изначально различны.

Закон Ульяновской области состоит всего из нескольких статей, в которых в довольно пространной форме определяются виды функционирующих на территории области исполнительных структур. Их система обозначена лишь в видовых «названиях» без указания классификационных свойств, характеристики компетенции и механизмов взаимодействия. Более удачен закон Республики Башкортостан. Его можно привести в пример как попытку создания акта, носящего системообразующий характер. Но в нем также можно отметить немало недостатков. Имеются положения, которые следовало бы раскрыть подробно. В статье о принципах деятельности республиканских органов исполнительной власти просто дается отсылка к Конституции Российской Федерации, федеральным законам и Конституции Республики Башкортостан. Виды данных органов определены с точным копированием формулировок, содержащихся в Указе Президента РФ от 14 августа 1996 г. «О системе федеральных органов исполнительной власти», положения которых были достаточно далеки от совершенства. Недостаточно количество норм о взаимодействии исполнительных органов, сочетании их компетенции.

Самым качественным из приведенного перечня является, пожалуй, закон Республики Татарстан. Он более четок по структуре, включает много хорошо проработанных норм. В его содержании, однако, есть противоречивые моменты. Например, в ст. 2 компетенция органа исполнительной власти определяется как совокупность его полномочий по осуществлению установленных управленческих функций. В то же время в Главе VI, носящей название «Компетенция органов исполнительной власти Республики Татарстан», две из четырех статей посвящены не полномочиям, а функциям данных органов.

Проведенный анализ приводит к выводу о необходимости не только принятия отсутствующих в большинстве субъектов Федерации Приволжского федерального округа законодательных актов о системе исполнительных органов государственной власти, но и доработки существующих. Подобные акты после конституций (уставов) данного уровня должны нести на себе основную системообразующую нагрузку при формировании рассматриваемого нами института. Сегодня он представлен статутными законодательными актами, в большинстве случаев регулирующими правовое положение высших исполнительных органов государственной власти соответствующих субъектов РФ. Они, безусловно, чрезвычайно важны, но недостаточны для признания целостности и достаточной «наполненности» института.

Говоря о перспективах его развития, нужно отметить один принципиальный момент. Если ограничиться решением существующих проблем в рамках от-

дельного субъекта Федерации, то, при соответствующих усилиях региональных законодателей вкупе с научными кадрами и практиками-управленцами, можно создать достаточно качественную систему нормативных правовых актов. Но в этом случае не будет обеспечено единство схем и подходов в разных регионах. В общероссийском масштабе это может привести к негативным последствиям в построении системы исполнительной власти. Кроме того, нет гарантии, что очередная модификация системы федеральных органов исполнительной власти с соответствующим правовым опосредованием, вроде той, что осуществляется сейчас, не пойдет вразрез с региональными решениями. А это делает очевидным вывод о том, что качественная проработка законодательных решений в субъекте Федерации для полноценного развития системы органов исполнительной власти не является самодостаточной. Нельзя забывать, что региональная административная государственная политика во многих сферах управления реализуется в качестве продолжения политики федеральной. Следовательно, требуется гармоничное сочетание федерального и регионального законодательства, общность не только содержательных, но и организационных начал в системе реализующих его исполнительных структур.

Предпочтительнее такой вариант развития рассматриваемого института, при котором базовые схемы устройства систем исполнительных органов субъектов Федерации будут законодательно определены на федеральном уровне, по крайней мере в рамках совместного ведения федерального центра и регионов. Но при этом должна быть сохранена и возможность их приспособления к территориальным особенностям. Разумеется, общая схема нуждается в дополнительных пояснениях, которые предполагается дать при последующем освещении проблем организации исполнительной власти. Но важен, прежде всего, принцип, суть которого в создании единой законодательной общефедеральной модели организационной структуры исполнительной власти.

Для формирования в рамках системы административного законодательства субъекта Российской Федерации полноценного института законодательства об исполнительной власти можно предложить модель, включающую:

1) «базовый» закон о системе исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации, содержащий:

— развивающие соответствующие федеральные законодательные положения принципы организации данной системы, но не в виде их формального и не несущего «рабочей» нагрузки перечня, а представленные в развернутом виде и системно проявляющиеся в содержании законодательного текста (например, механизм сочетания в организационной структуре исполнительной власти отраслевых, межотраслевых и функциональных начал, разделения функций по управлению в одной и той же сфере между несколькими органами, как на федеральном уровне, и т. д.);

— классификационные параметры исполнительных органов государственной власти, в том числе отличие организационно-правовых форм, отве-

чающие указанным принципам (сегодня они не могут быть признаны адекватными потребностям организации системы управления);

— общие механизмы распределения компетенции между исполнительными органами, их соподчиненность и взаимодействие в рамках координационных и субординационных связей;

2) отдельный статутный закон о высшем исполнительном органе государственной власти субъекта РФ, регулирующий в соответствии с конституционными (уставными) положениями вопросы его внутреннего устройства, функциональной нагрузки, компетенции, в том числе и схемы руководства иными органами. В этом же законе может быть определена административно-правовая составляющая статуса высшего должностного лица субъекта Федерации, связанная с его деятельностью как руководителя высшего исполнительного органа.

Принятие в субъекте Российской Федерации законодательного акта о механизмах взаимодействия региональных органов исполнительной власти с федеральными органами вряд ли оправданно. Это лучше сделать в централизованном порядке федеральному законодателю. Для создания прочной правовой основы функционирования контрольно-надзорных исполнительных органов, особенно наделенных административно-юрисдикционными полномочиями, нужны отдельные статутные законы. Существующую практику законодательного регулирования в данной области (наличие законов об административных комиссиях и под.) необходимо развивать.

Отсутствие законодательных актов процессуального содержания (имеются в виду акты административно-правового характера) свидетельствует о том, что в системе регионального законодательства не выделена как самостоятельная административно-процессуальная отрасль. Ее формирование на первоначальном этапе вполне может идти по такому пути, при котором в рамках отдельных институтов административного законодательства будет создаваться и процессуальная часть.

Развитие законодательства об органах исполнительной власти настоятельно требует принятия законов об управленческих процедурах, общем порядке совершения административных действий, при которых органы и должностные лица исполнительной власти напрямую контактируют с гражданами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 25 декабря 1993 г.

2. Концепция развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. Ю. П. Орловского. М.: Издательский дом «Городец». 2004. 848 с.

3. Соотношение законодательства Российской Федерации и законодательства субъектов Российской Федерации. М.: Олита, 2003.

4. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изм. и доп. от 29 июля 2000 г., 8 февраля 2001 г., 7 мая, 24 июля, 11 декабря 2002 г., 4 июля 2003 г., 19 июня, 11, 29 декабря 2004 г.) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42.

Ст. 5005; 2000. № 31. Ст. 3205; 2001. № 7. Ст. 608; 2002. № 19. Ст. 1792; № 30. Ст. 3024; 2003. № 27 (часть 2). Ст. 2709; 2004. № 25. Ст. 2484; № 50. Ст. 4950; 2005. № 1 (часть 1). Ст. 17.

Поступила 18.09.05.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РОССИИ КАК КОМПЛЕКСНОГО СТРУКТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С. В. ПОТАПОВА, кандидат юридических наук

Одной из ведущих тенденций современного развития системы законодательства РФ в условиях глобализации является возрастание комплексного межотраслевого регулирования сложной ткани общественных отношений, примером чего служит социальное законодательство, формируемое применительно к отрасли государственного управления — социальной сфере. Данный комплексный массив законодательства характеризуется как совокупность законов и иных нормативных правовых актов, сгруппированных в институты, подотрасли законодательства, объединенная предметно-функциональными связями исходя из задач социальной защиты и социального обеспечения населения.

Понять природу социального законодательства помогает соотнесение отраслевой структуры законодательства с отраслевой структурой права, на что обоснованно обращает внимание С. В. Поленина [6, с. 6 — 7]. Социальному законодательству нет адекватного соответствия в виде отрасли права.

М. И. Милушин под отраслью государственного управления понимает формально обозначенные и разграниченные государством сферы государственного вмешательства в регулирование общественных отношений в сферах обеспечения жизнедеятельности общества [3, с. 18]. Комплекс социального законодательства, будучи более крупным элементом горизонтальной структуры законодательства РФ по сравнению с отраслью законодательства, отличается и более широким кругом охватываемых отношений, исключающим возможность управления с помощью регламентирующих его нормативных актов из единого активного центра и соответственно большей слабостью существующих между нормативными актами связей управления [5, с. 71]. В социальное законодательство тесно вплетаются трудовое, пенсионное, жилищное, семейное, административное.

© С. В. Потапова, 2006

Наряду с общими социальными факторами законодательной деятельности (правообразующими и обеспечивающими) в создании его массива участвуют также специальные структурообразующие факторы, например целеполагания, основанием которого является обеспечение наиболее эффективного правового регулкрования в отдельных сферах (отраслях) государственного управления [5, с. 57; 3, с. 17 — 19, 79] (в данном случае — в социальной).

Принятие федеральных законов от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ, от 29 декабря 2004 г. № 199-ФЗ, от 31 декабря 2005 г. № 199-ФЗ (вносящих изменения в Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [8]) и от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» (далее — Федеральный закон о монетизации льгот) [7] во многом определило содержание федеративной реформы, направленной на законодательное разграничение полномочий между уровнями публичной власти.

П. 2 ст. 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (данная статья вступила в силу с 1 января 2005 г.) к полномочиям органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта РФ, отнес решение ряда вопросов: социальной поддержки и социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, детей-сирот, безнадзорных детей, детей, оставшихся без попечения родителей. Социальная поддержка ветеранов труда, лиц, работавших в тылу в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг., семей, имеющих детей (включая многодетных семей, одиноких родителей), жертв политических репрессий, малоимущих граждан также включена в круг полномочий субъектов РФ.

Интересно заметить, что законодатель в указанном законе (в редакции от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ) и Федеральном законе о монетизации льгот решил отказаться от использования термина «социальная защита», заменив его термином «социальная поддержка», несмотря на употребление первого в ст. 7 и 72 Конституции РФ. Семантическое толкование данных терминов свидетельствует о том, что содержание последнего, несомненно, *уже*, чем первого. Степень гарантированности государством поддержки ничтожно мала по сравнению

с предполагаемой всеобщностью защиты. Конечно, государству в условиях кризиса во многих сферах и отсутствия стабильности (в том числе и в экономике) проще ограничиться социальной поддержкой населения, а не гарантировать (а значит — претворять практически) социальную защиту, что налагает более весомые обязательства в отношении социально незащищенных граждан.

Представляется целесообразным как с практической, так и с теоретической точки зрения определить возможные тенденции развития регионального законодательства в русле принятия Закона о монетизации льгот, который устанавливает требования для субъектов РФ при переходе к новой системе социальной защиты. В соответствии с ними регионы должны:

1) при замене натуральных льгот денежными компенсациями вводить эффективный механизм, обеспечивающий сохранение и возможное повышение ранее достигнутого уровня социальной защиты граждан с учетом специфики их правового, имущественного положения (ст. 153);

2) соблюдать принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства путем сохранения стабильности правового регулирования;

3) предоставлять гражданам возможность в течение переходного периода адаптироваться к вносимым в законодательство изменениям, в частности посредством временного регулирования общественных отношений;

4) не допускать при реализации гражданами своих прав и свобод нарушения прав и свобод других лиц.

Таким образом, Федеральным законом о монетизации льгот основная доля ответственности перед населением за обеспечение социальной стабильности возлагается на органы государственной власти субъектов РФ.

Социальное законодательство состоит из целого ряда подотраслей и институтов, интеграция которых обусловлена наличием предметно-функциональных связей. Оно включает подотрасли: социальной защиты с входящими в нее институтами социальной защиты материнства, семьи, детства, инвалидов, ветеранов труда, военнослужащих, реабилитированных лиц, малоимущих граждан; социального обеспечения; социального обслуживания граждан; опеки и попечительства; защиты трудовых прав граждан; законодательства о здравоохранении.

В ряде регионов приняты комплексные законы, закрепляющие меры социальной поддержки отдельных категорий граждан, проживающих на территории субъекта РФ, что свидетельствует о развитии подотрасли социальной защиты (поддержки) населения. Это законы «О государственной социальной поддержке отдельных категорий граждан в Кабардино-Балкарской Республике», «О социальной поддержке и социальном обслуживании отдельных категорий граждан в Республике Марий Эл», «О мерах социальной поддержки отдельных категорий населения, проживающего в Республике Мордовия», «Об адресной социальной поддержке населения в Республике Татарстан», «О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Тюменской области», «О

мерах социальной поддержки отдельных категорий жителей города Москвы», «О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан в Санкт-Петербурге».

В некоторых субъектах РФ действуют специальные законы, закрепляющие меры социальной поддержки региональных льготных категорий населения: «О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, пострадавших от политических репрессий», «О мерах социальной поддержки ветеранов» (Ставропольский край, Саратовская, Орловская области), «О мерах социальной поддержки ветеранов труда, лиц, проработавших в тылу в период с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. не менее шести месяцев, исключая периоды работы на временно оккупированных территориях СССР, либо награжденных орденами и медалями СССР за самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны» (Калужская область), «О ежемесячном пособии на ребенка» (Ставропольский край, Калужская, Орловская области).

Законом Республики Мордовия от 28 декабря 2004 г. «О мерах социальной поддержки отдельных категорий населения, проживающего в Республике Мордовия» [2] предусмотрены ежемесячные денежные выплаты ветеранам труда, военной службы и государственной службы (220 рублей), труженикам тыла, а также репрессированным и реабилитированным лицам (330 рублей). Бесплатный проезд пенсионерам, учащимся образовательных учреждений из многодетных семей, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, студентам дневной формы обучения государственных высших учебных заведений, многодетным матерям заменен выплатой денежной компенсации на транспортные расходы, выплачиваемой ежемесячно или ежегодно. Устанавливаются также ежемесячные денежные выплаты лицам, работающим и проживающим в сельской местности, для оплаты жилья, тепловой энергии при централизованном отоплении, газа, электрической энергии для освещения жилого помещения. В Республике Марий Эл и Саратовской области приняты законы о социальной поддержке некоторых категорий граждан по оплате жилищно-коммунальных услуг (в отличие от Республики Мордовия, где эти вопросы урегулированы общим законом о мерах социальной поддержки).

Интересен тот факт, что в указанном законе Республики Мордовия наряду с введением денежных выплат сохранены некоторые натуральные льготы детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, которые позволяют поддерживать ранее достигнутый уровень социальной защиты граждан. Это освобождение от оплаты жилья и коммунальных услуг в случае проживания их отдельно от попечителей; от оплаты стоимости путевок в лагеря труда и отдыха, в санаторно-курортные учреждения при наличии медицинских показаний, а также стоимости проезда к месту лечения и обратно; от оплаты жилья и коммунальных услуг семей, где проживают и воспитываются дети указанной категории, до их совершеннолетия или окончания учебы в образовательных учреждениях (в размере 50 %).

В настоящее время более чем в 30 субъектах РФ имеются свои законы, регламентирующие отношения в сфере социального обслуживания населения (Вологодская, Ивановская, Камчатская, Ленинградская, Ростовская, Тамбовская, Томская области, Краснодарский край, Красноярский край, Республика Марий Эл и др.), что свидетельствует о развитии подотрасли социального обслуживания граждан на региональном уровне.

Заметим, что далеко не во всех субъектах РФ ранее (до принятия законов от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ и от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ) проводилась политика социальной поддержки многодетных семей, хотя для современного периода характерно резкое снижение рождаемости. Ныне закон Самарской области от 16 июля 2004 г. «О государственной поддержке граждан, имеющих детей», вступивший в силу с 1 января 2005 г., закрепляет дополнительные к установленным федеральным законодательством меры поддержки семьи, материнства, отцовства и детства (доплаты к ежемесячному пособию на ребенка, ежемесячное пособие на питание беременным женщинам, единовременное пособие при усыновлении (удочерении) ребенка, ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет неработающим матерям, ежегодное единовременное пособие на ребенка к началу учебного года) [1]. Законом Ростовской области от 22 октября 2004 г. «О социальной поддержке детства в Ростовской области», также вступившим в силу с 1 января 2005 г., предусмотрена ежемесячная выплата в размере 300 рублей малоимущим семьям, имеющим детей первого-второго года жизни, ежемесячные социальные пособия ВИЧ-инфицированным в детском возрасте и лицам, ухаживающим за ними. Данным областным законом сохранена натуральная льгота для детей из многодетных семей — бесплатный проезд на внутригородском транспорте и автобусах пригородных и внутрирайонных линий [4].

Органами государственной власти субъектов РФ при издании нормативных правовых актов соблюдаются требования п. 2 ст. 153 Федерального закона о монетизации льгот о том, что вновь устанавливаемые размеры денежных выплат не могут быть ниже размеров этих выплат, предоставлявшихся по состоянию на 31 декабря 2004 г., а также о недопустимости ухудшения материального положения граждан, имеющих право на социальные льготы. Так, законами субъектов РФ гражданам, имеющим детей, утверждено ежемесячное пособие на ребенка в размере от 70 рублей и выше (например, законом Калининградской области «О пособиях гражданам, имеющим детей» оно составляет 100 рублей), т. е. не меньше ранее устанавливаемого Федеральным законом от 19 мая 1995 г. «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».

В большинстве субъектов РФ в структуре комплексного массива социального законодательства развита подотрасль опеки и попечительства, о чем свидетельствует принятие соответствующих законов республик Адыгея, Коми, Кабардино-Балкарии,

Чувашии, Архангельской, Волгоградской, Вологодской, Воронежской, Калужской, Ленинградской, Липецкой, Пензенской, Псковской, Ростовской, Свердловской, Тульской, Ульяновской, Ярославской областей, Ставропольского, Хабаровского краев, в которых согласно ст. 150 Семейного кодекса РФ устанавливаются размер и порядок выплаты ежемесячных денежных средств на содержание ребенка опекуну, попечителю.

Примером унификации социального законодательства субъектов РФ язляется принятие почти во всех регионах законов об установлении мер социальной поддержки приемным семьям, размеров оплаты труда приемным родителям, что составляет комплексный институт защиты семьи.

Достаточно развита и подотрасль о защите трудовых прав граждан. Ее представляют законы субъектов РФ об охране труда (Москва, республики Марий Эл, Мордовия, Чувашия, Амурская, Брянская, Волгоградская, Московская, Нижегородская, Пензенская области), о квотировании рабочих мест для трудоустройства инвалидов и иных лиц, особо нуждающихся в социальной защите (республики Алтай, Мордовия, Чувашия, Владимирская, Вологодская, Кировская, Ленинградская, Липецкая, Тюменская, Челябинская области, Санкт-Петербург).

Несмотря на то что Россия (по данным Всемирной организации здравоохранения) находится на 130-м месте в мире по поддержке здравоохранения, законы об охране здоровья населения либо о медицинской помощи в дореформенный период были приняты в незначительном количестве субъектов (Республика Алтай, Республика Саха (Якутия), Саратовская область). Сейчас они подверглись ревизии в части закрепления вопросов организации специализированной медицинской помощи, санитарно-авиационной скорой медицинской помощи, обязательного медицинского страхования неработающего населения, порядка и объемов предоставления отдельным группам населения социальной поддержки в оказании медико-социальной помощи и лекарственном обеспечении.

На основе анализа законодательства о здравоохранении М. И. Милушин выделяет его в комплексную отрасль в системе федерального законодательства (находящуюся в стадии формирования, со слабыми связями управления). В ее структуре имеется комплексная подотрасль — законодательство об обращении лекарственных средств [3, с. 33 — 59].

Применительно к горизонтальной структуре системы законодательства субъектов РФ законодательство о здравоохранении выделять в самостоятельную отрасль, характеризуемую помимо внутреннего единства и определенной степенью единства формы, выражающегося в наличии основного, стержневого акта, устанавливающего связи управления системой соответствующих актов, весьма поспешно. В настоящее время это подотрасль комплексного массива социального законодательства субъектов РФ как относительно обособленное структурное подразделение системы законодательства, представляющая собой совокупность предписаний, объединенных в отдельные нормативные правовые акты, регулирующих обще-

ственных отношений в сфере здравоохранения и оказания медицинской помощи населению.

В свете проводимой государством социальной политики в субъектах Российской Федерации принимаются законы о передаче отдельных государственных полномочий субъекта РФ в сфере социальной защиты муниципальным образованиям (например, в Саратовской области, Республике Мордовия, Республике Татарстан).

Несомненным плюсом реформы по разграничению полномочий между уровнями публичной власти является то обстоятельство, что реализация ст. 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и Федерального закона о монетизации льгот (принятого в соответствии с первым) будет способствовать развитию социального законодательства субъектов РФ, которые несут ответственность за выполнение своих расходных обязательств.

Таким образом, осуществляемая реформа, юридическим воплощением которой стало принятие вышеназванных федеральных законов, подтвердила, что государство на перспективу не только сохраняет, но и углубляет совместное ведение в области социальных вопросов. Очень важна унификация мер социальной поддержки, оказываемых населению в субъектах РФ, необходимая с точки зрения не только соблюдения принципов равенства и социальной справедливости, но и развития интеграционных процессов в рамках Российской Федерации.

Вместе с тем следует определить, что должно утвердиться — социальная защита или социальная поддержка населения. Приоритетным, на наш взгляд, представляется социальная защита, провозглашенная в ст. 7 и 72 Конституции РФ и предполагающая гарантированность со стороны государства не просто минимума материального достатка в виде выплаты денежных компенсаций наиболее социально незащищенным гражданам (на что направлена социальная поддержка), но и условий для достойной жизни и развития тех категорий граждан, которые не могут в силу объективных причин в полной мере позаботиться о себе сами (инвалиды, престарелые, многодетные семьи, дети-сироты и лица из их числа), тем более в период жесткой рыночной экономики. Необходимо проводить политику индивидуальной помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Однако все это возможно лишь при преодолении кризиса в экономической сфере, что также должно стать одним из приоритетных направлений политики государства, особенно в период всепоглощающей глобализации.

Для предотвращения негативных последствий глобализации в сфере проведения социальной политики субъектов РФ приоритетным представляется следующее.

Во-первых, следует разработать стратегию адаптации субъектов РФ к глобализации, предполагающую развитое и эффективно реализующееся законодательство, что достижимо, в частности, при установлении ряда дополнительных, по сравнению с федс-

ральным законодательством, льгот для наиболее социально незащищенных слоев населения. Это позволит сгладить существующее неравенство между имущими и малообеспеченными категориями граждан; ослабить социальную напряженность в обществе. Реализации этих целей и устранению недостатков монетизации льгот будет способствовать сохранение ряда натуральных льгот (в том числе на переходный период) для адаптации граждан к условиям новой социальной политики государства, а также четкое соблюдение принципа адресности предоставления мер социальной поддержки.

Во-вторых, принятие субъектами РФ комплексных законодательных актов (что соответствует самой природе комплексного массива социального законодательства) усилит целенаправленность и эффективность социальной политики государства. Надо также предусмотреть четкий механизм реализации социальных законов, с тем чтобы они не были лишь выражением благих намерений субъектов РФ в отношении определенных социальных категорий граждан.

В-третьих, гармонизация социального законодательства и, как следствие, системы социального обеспечения — важный фактор региональной интеграции в рамках как субъектов РФ, так и — в перспективе — стран СНГ. В первом случае достижению обозначенной цели будут способствовать разработка модельных «социальных» законов для субъектов РФ, принятие целевых социальных программ на федеральном уровне (примером служит Федеральная целевая программа «Социальная поддержка инвалидов на 2000 — 2005 гг.»), использование положительного опыта субъектов РФ в правовом регулировании вопросов, касающихся социальной сферы; во втором неоценимое содействие может оказать Социальная хартия стран — участниц СНГ.

В-четвертых, необходима продуманная имплементация правовых стандартов Совета Европы, иных международно-правовых актов в законодательство РФ и ее субъектов, а также социальная ориентация проводимых экономических реформ. В соответствии с Европейской социальной хартией на территории России должно быть обеспечено право всех работников на справедливое вознаграждение, достаточное для поддержания достойного уровня жизни как их самих, так и их семей. Европейская социальная хартия подписана Российской Федерацией, но еще не ратифицирована. Ратификация позволит установить четкие ориентиры дальнейшего проведения реформ в социальной сфере с учетом общепризнанных международных стандартов, привлечением опыта европейских государств. Это будет залогом социальной стабильности российского общества в условиях глобализации, которая вынуждает давать единые (близкие) решения, в том числе и социальных проблем, не только на уровне регионов России, в рамках СНГ, но и в масштабах Европы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волжская коммуна. 2004. 22 июля.
2. Известия Мордовии. 2004. 30 дек.
3. **Милушкин М. И.** Проблемы формирования комплексных образований в законодательстве России / отв. ред. С. В. Поленина. М.: ЮНИКО-ИНФОРМ, 2003. 96 с.
4. Наше время. 2004. 28 окт.
5. **Поленина С. В.** Теоретические проблемы системы советского законодательства. М.: Наука, 1979. 206 с.
6. **Поленина С. В.** Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 5 — 12.
7. Рос. газ. 2004. 31 авг.
8. Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; 2003. № 27 (ч. 2). Ст. 2709; 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 25; 2006. № 1. Ст. 10.

Поступила 05.07.06.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СУБЪЕКТАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

И. Г. ДУДКО, доктор юридических наук
Н. И. УЗДИМАЕВА, кандидат юридических наук

Законодательное регулирование вопросов медицины и охраны здоровья граждан — одно из приоритетных направлений государственной политики в современной России. И это не случайно, ибо жизнь и здоровье — высшие блага человека.

По справедливому замечанию ученых, «реальная правовая регламентация медицинской деятельности в нашей стране весьма длительное время отсутствовала... законодательство о здравоохранении носило чисто декларативный характер, а правила оказания медицинской помощи содержались в не подлежащих публикации ведомственных актах. Последствия этого сейчас общеизвестны — пациенты были совершенно бесправны, а врачи достоверно не представляли круг своих прав и обязанностей и границы, за которой наступает ответственность» [3, с. 16].

Современное медицинское законодательство представлено системой законодательных актов Российской Федерации и ее субъектов, взаимодействующих и регламентирующих

© И. Г. Дудко, Н. И. Уздимаева, 2006

общественные отношения в сфере медицины и здравоохранения. По мнению некоторых авторов, такие акты составляют самостоятельную отрасль российского законодательства благодаря комплексности [см., например: 2, с. 24; 4, с. 36], о чем свидетельствуют особенности предмета и метода регулирования по вопросам медицины и здравоохранения.

На наш взгляд, такой подход неприемлем. И вот почему. Конечно, можно вести речь о специфике отношений в указанной сфере, которая предопределена их содержанием. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что их регулирование осуществляется в недостаточном объеме, многие положения нормативных документов имеют общий характер и даже грешат пробелами (причем в немалом количестве). Для отрасли законодательства это недопустимо. Круг законодательно регулируемых отношений в медицине и здравоохранении также четко не выявлен (обычно в их числе называют отношения в связи с оказанием медицинской помощи, лекарственным обеспечением, санитарно-эпидемиологическим благополучием населения и т. п.).

Что касается метода правового регулирования названных сфер, то можно вести речь только о комбинировании приемов и способов, присущих административному, гражданскому праву и праву социального обеспечения, т. е. говорить о «собственном» методе неправомерно.

Таким образом, целесообразнее признать их комплексным институтом законодательства, в рамках которого обособились (или уже близки к этому) следующие группы отношений (субинституты): а) управление в сфере медицины и здравоохранения; б) медицинское страхование; в) организация и деятельность медицинских учреждений; г) лечебно-профилактическая помощь населению (скорая медицинская помощь; наркологическая помощь; психиатрическая помощь; трансплантация органов человека; донорство; протезно-ортопедическая помощь; планирование семьи и регулирование репродуктивной функции человека; охрана здоровья матери и ребенка); д) обеспечение населения медикаментами, лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения; е) оказание медицинской помощи отдельным категориям населения; ж) медицинская документация; з) частная медицинская практика; и) предоставление платных медицинских услуг; к) санитарно-эпидемиологическое благополучие населения; л) медицинская экспертиза и медицинское освидетельствование; м) санаторно-курортное лечение.

В соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ координация вопросов здравоохранения является предметом совместного ведения России и субъектов Федерации. В исключительном ведении России находятся вопросы охраны здоровья граждан, которые связаны с производством и порядком использования наркотических средств и ядовитых веществ (п. «м» ст. 71), а также установление основ федеральной политики и реализация федеральных программ в области социального развития (п. «е» ст. 71).

Следовательно, правовую основу регулирования вопросов медицины и

здравоохранения составляют именно законы России — Конституция Российской Федерации, Основы законодательства об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487 — 1, специальные федеральные законы, непосредственно регулирующие важнейшие направления в этой сфере (Закон РФ «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» от 28 июня 1991 г. № 1499 — 1, Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22 декабря 1992 г. № 4180 — 1, Закон РФ «О донорстве крови и ее компонентов» от 9 июня 1993 г. № 5142 — 1, Федеральный закон «О лекарственных средствах» от 22 июня 1998 г. № 86-ФЗ и др.).

Однако согласно ст. 76 Конституции по предметам совместного ведения и вне предметов ведения России субъекты РФ вправе осуществлять законодательную деятельность. Поэтому значительный объем законодательной деятельности в рассматриваемой сфере приходится на субъекты, которые получили возможность для активного правотворчества. (Сегодня на этом уровне только в субъектах, входящих в Приволжский федеральный округ, принято около 100 законодательных актов.) При этом соответствующее «наполнение» (набор нормативно-правовых актов, регламентирующих конкретную группу отношений и находящихся в системном единстве) является прерогативой субъекта Федерации, но с учетом состава и форм актов отраслевого законодательства, устанавливаемых федеральным законом [см. подробнее: 1, с. 284 — 285].

В большинстве субъектов Приволжского федерального округа вопросы медицины и здравоохранения регламентируются актами общего характера, предмет регулирования которых схож с предметом регулирования Основ законодательства об охране здоровья граждан, что отражено и в названии (либо «о здравоохранении», либо «об охране здоровья»). Данного рода акты имеются в Республике Татарстан (например, Закон Республики Татарстан «Об охране здоровья граждан в Республике Татарстан» от 18 июня 1998 г. № 1659), Республике Мордовия (Закон Республики Мордовия «О здравоохранении в Республике Мордовия» от 20 февраля 2006 г. № 10-З), Чувашской Республике (Закон Чувашской Республики «Об охране здоровья граждан в Чувашской Республике» от 24 ноября 2004 г. № 53) и др.

Такая практика заслуживает одобрения, поскольку позволяет учитывать особенности социального, экономического, политического, культурного развития конкретного региона. При отсутствии же специальных законов субъектов область охраны здоровья граждан подчиняется федеральным законам и конституциям (уставам) субъектов РФ. Поэтому ситуацию, при которой в субъекте отсутствует общий закон о здравоохранении, предмет регулирования которого практически совпадает с предметом регулирования Основ законодательства, на наш взгляд, не следует считать негативной.

Почти в трети субъектов Приволжского федерального округа приняты акты, дополняющие общие

законы о здравоохранении, имеющие аналог в федеральном законодательстве (о санитарно-эпидемиологическом благополучии, о лекарствах и др.). Так, в Республике Башкортостан действует Закон Республики Башкортостан «О предупреждении распространения на территории Республики Башкортостан заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» от 21 декабря 1998 г. № 209-З, в Республике Татарстан — Закон Республики Татарстан «О медицинском страховании граждан в Республике Татарстан» от 20 октября 1993 г. № 1991 — XXII и т. д.

В отдельных субъектах приняты акты, дополняющие общие положения о здравоохранении, но не имеющие аналогов в федеральном законодательстве (о целительстве (народной медицине), о питьевой воде и т. п.). Примерами служат Закон Республики Башкортостан «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней человека в Республике Башкортостан» от 19 марта 1999 г. № 226-З, закон Саратовской области «О народной (альтернативной) медицине» от 19 декабря 1996 г.

Лишь несколько субъектов Приволжского федерального округа имеют акты в сфере социальной защиты субъектов медицинских отношений, определяющие особенности экономической политики по отношению к медицинским учреждениям, медперсоналу, пациентам. Например, в Пензенской области действует Закон «Об обеспечении отдельных категорий граждан, проживающих на территории Пензенской области, протезно-ортопедическими изделиями» от 20 сентября 2005 г. № 861-ЗПО, в Самарской области — закон «О частной медицинской деятельности в Самарской области» от 14 февраля 2000 г. № 2-ГД, в Саратовской области — законы Саратовской области «О правах пациента» от 14 апреля 1997 г. № 21-ЗСО, «Об обеспечении полноценным питанием беременных женщин, кормящих матерей, а также детей в возрасте до трех лет» от 26 декабря 2005 г. № 140-ЗСО и др.

В ряде субъектов России законы о здравоохранении вообще отсутствуют. Таково положение дел в Ульяновской области. Фрагментарность правового регулирования вопросов медицины и здравоохранения характерна для Чувашской Республики, Кировской, Нижегородской, Пензенской, Самарской областей, законодательные органы государственной власти которых до недавнего времени не уделяли должного внимания их законодательному упорядочению.

Одной из последних новелл в правовом регулировании рассматриваемой группы отношений является принятие законов Чувашской Республики «Об охране здоровья граждан в Чувашской Республике» от 24 ноября 2004 г. № 53, Кировской области «Об охране здоровья граждан в Кировской области» от 3 ноября 2005 г. № 369-ЗО, Республики Мордовия «О здравоохранении в Республике Мордовия» от 20 февраля 2006 г. № 10-З. По всей видимости, данными субъектами в ближайшее время будут урегулированы не только общие, но и специальные отношения.

Сейчас на общефедеральном уровне реализуется несколько программ в области здравоохранения. Помимо учас-

тия в этом процессе органы государственной власти субъектов Федерации вправе принимать региональные целевые программы по следующим основным направлениям (в соответствии с открытым перечнем ст. 5 и 6 Основ): 1) развитию здравоохранения; 2) профилактике заболеваний; 3) оказанию медицинской помощи; 4) медицинскому образованию населения.

Целевые программы по охране здоровья утверждены в большинстве субъектов России. Правда, в ряде случаев региональными программами подменяется принятие законов, являющихся основой нормативного правового регулирования (например, это законы Республики Марий Эл «О республиканской целевой программе "О совершенствовании службы скорой медицинской помощи в Республике Марий Эл на 2003 — 2007 гг."» от 18 октября 2002 г. № 24-З, «О республиканской целевой программе "Неотложные меры борьбы с туберкулезом в Республике Марий Эл на 2005 — 2009 гг."» от 30 декабря 2004 г. № 65-З, «О республиканской целевой программе "Здоровый ребенок" на 2005 — 2006 гг.» от 5 марта 2005 г. № 7-З; законы Нижегородской области «Об утверждении областной целевой программы "Неотложные меры борьбы с туберкулезом в Нижегородской области" на 2005 — 2009 гг.» от 7 июня 2005 г. № 71-З, «О профилактике наркомании и токсикомании» от 28 марта 2002 г. № 16-З, «О мерах социальной поддержки граждан, страдающих социально значимыми заболеваниями и заболеваниями, представляющими опасность для окружающих» от 8 сентября 2005 г. № 121-З и др.). В результате доминируют законодательные нормы временного характера, что снижает эффективность правового регулирования.

Однако у данной практики есть и позитивные моменты. Региональные программы позволяют регламентировать отдельные специфичные для региона мероприятия в сфере здравоохранения и иметь гарантированные дополнительные средства для их выполнения.

Сегодня не только республики (как это следует из сравнительного анализа ст. 5 и 6 Основ), но и иные субъекты РФ, а также органы местного самоуправления утверждают программы обязательного медицинского страхования граждан. Можно говорить, что складывается особый «уровень» медицинского законодательства — законы, издаваемые органами местного самоуправления. Несомненно, отношения по охране здоровья граждан тех или иных населенных пунктов ввиду их специфики необходимо урегулировать. Но решения органов местного самоуправления не должны иметь форму закона. А между тем в Кирове, например, действует 11 целевых программ, утвержденных законами городской Думы.

В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что во избежание различного рода коллизий при реализации полномочий в сфере медицины и здравоохранения органами власти самого субъекта и муниципалитетами в отдельных субъектах принимаются законы о разграничении и(или) перераспределении полномочий между органами государственной власти субъекта Федерации и местного само-

управления (например, Закон Республики Мордовия «О наделении органов местного самоуправления городского округа государственными полномочиями по оказанию специализированной медицинской помощи» от 28 ноября 2005 г. № 85-З).

В ряде субъектов России в сфере здравоохранения действуют кодифицированные акты, в частности в Республике Башкортостан Кодекс об охране здоровья граждан от 5 ноября 1993 г. № ВС-21/21. Он достаточно корректен с точки зрения главных требований юридической техники. Имея в структуре только 69 статей, кодекс устанавливает основы нормативного регулирования практически во всех областях медицины и здравоохранения: формулирует понятие охраны и основные принципы здоровья граждан; закрепляет задачи законодательства Республики Башкортостан в сфере охраны здоровья граждан; разграничивает полномочия органов государственной власти Республики Башкортостан и органов местного самоуправления в области охраны здоровья граждан; определяет систему организации охраны здоровья граждан в республике, основные права граждан в области охраны здоровья, в том числе права отдельных групп населения (беременных женщин и матерей, несовершеннолетних, военнослужащих и др.); устанавливает гарантии по осуществлению медико-социальной помощи гражданам; определяет порядок и условия проведения медицинской экспертизы; регламентирует права и социальную поддержку медицинских и фармацевтических работников, ответственность за причинение врела; провозглашает принципы международного сотрудничества. Особый акцент сделан на правах лациента, медицинской деятельности по планированию семьи и регулированию репродуктивной функции человека.

Положения кодекса получают дальнейшее развитие в других законодательных актах Республики Башкортостан, касающихся отношений в ходе иммунопрофилактики инфекционных болезней человека в республике; предупреждения распространения на ее территории заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции); медицинского страхования граждан; предупреждения распространения туберкулеза; социальной поддержки инвалидов; донорства крови и ее компонентов; частной медицинской деятельности и др. (всего более 10).

Пожалуй, это единственный субъект Приволжского федерального округа, в котором комплексно решен рассматриваемый вопрос.

Таким образом, комплексный институт законодательства о медицине и здравоохранении имеет различный уровень нормативной регламентации в субъектах Федерации. Как оказалось, поле деятельности органов власти субъектов по совершенствованию медицинского законодательства довольно широко и включает повышение качества региональных законов, пересмотр действующего законодательства ввиду изменением норм общефедерального уровня, изучение положительного законотворческого олыта других субъектов РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Дудко И. Г.** Законодательство субъектов Российской Федерации: Проблемы теории и практики. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. 294 с.

2. **Кадыров Ф. Н.** Платные медицинские услуги. М.: Юрист, 2000. 174 с.

3. **Сальников В. П.** Общие принципы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека / В. П. Сальников, С. Г. Степенко // Юрист. 2000. № 6. С. 16 — 24.

4. **Шевченко Ю. Л.** Правовые основы здравоохранения в России. М.: Юрид. лит., 2000. 186 с.

Поступила 05.07.06.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. И. КУРАКИНА

Процесс интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации идет на протяжении нескольких лет и уже имеет свою историю [2]. 2 апреля 1996 г. был подписан Договор об образовании Сообщества Беларуси и России. Через год, 2 апреля 1997 г., заключен Договор о Союзе Беларуси и России, а 27 мая 1997 г. президенты обоих государств подписали Устав Союза, который объявлен неотъемлемой частью Договора. В 1997 — 1999 гг. принято много документов по интеграции. Наконец 8 декабря 1999 г. подписан Договор о создании Союзного государства [4]. Вне сомнения, этот Договор стал политически и юридически фундаментальным шагом на пути объединения Белоруссии и России. Уже само движение от Союза к Союзному государству наглядно демонстрирует стратегические цели сторон. Они ярко отражены в тексте Договора. Особо следует отметить положение Договора о том, что «по мере становления Союзного государства будет рассмотрен вопрос о принятии его Конституции» (п. 3 ст. 2).

Между тем открытым и дискуссионным остается вопрос о правовой природе Союзного государства, созданного Договором Республики Беларусь и Российской Федерации от 8 декабря 1999 г.

Проведенный анализ существующих точек зрения определил две принципиальные позиции, касающиеся оценки правовой природы Союзного государства РБ и РФ.

С одной стороны, Союзное государство является международно-правовым объединением Республики Беларусь и Российской Федерации. Сторонники данного подхода руковод-

© С. И. Куракина, 2006

ствуются следующим: в соответствии со ст. 1 Договора, РФ и РБ «создают Союзное государство, которое знаменует собой новый этап в процессе единения народов двух стран в демократическое правовое государство». Тем самым подчеркивается переходный этап на пути к созданию полноценного государства.

Можно сказать, что государства, подписавшие Договор, полностью сохраняют в нем свои гарантии самостоятельности и независимости, так как согласно ст. 6, «каждое государство-участник сохраняет с учетом добровольно переданных Союзному государству полномочий суверенитет, независимость, территориальную целостность, государственное устройство, Конституцию, государственный флаг, герб и другие атрибуты государственности». Кроме того, государства сохраняют свое членство в ООН и других международных организациях (ст. 6).

И наконец согласно ст. 59, нормативно-правовые акты Союзного государства по предметам совместного ведения (Основы законодательства, директивы и резолюции) реализуются путем принятия национальных нормативно-правовых актов государств-участников по соответствующим вопросам. Между тем к таковым предметам совместного ведения относятся, например, вопросы принятия в состав Союзного государства других государств, координация и взаимодействие в сфере внешней политики, связанные с осуществлением рассматриваемого Договора, совместная оборонная политика, взаимодействие в международном сотрудничестве по военным и пограничным вопросам. Кстати, приведенные положения позволяют некоторым аналитикам найти у Союзного государства черты конфедеративного объединения [3, с. 2]. В принципе это личная оценка, мы же поддерживаем точку зрения профессора С. А. Авакьяна о том, что говорить здесь о чертах «конфедеративного государства» нельзя, поскольку конфедеративных государств не бывает [1, с. 6].

С другой стороны, имеются убедительные аргументы, чтобы отнести Союзное государство РБ и РФ к самостоятельному виду объединений государств [1, с. 6]. Можно отметить следующие моменты, характерные для более тесного, чем международно-правовой и конфедеративный, союза РБ и РФ.

Во-первых, наряду с целями, традиционными для международно-правовых договоров (проведение согласованной внешней политики и политики в области обороны, обеспечение безопасности Союзного государства, укрепление мира и т. д.), в указанном Договоре ставятся цели, ведущие к глубокой интеграции внутренних процессов в обоих государствах и, по существу, к созданию единого образа жизни всех граждан. Согласно ст. 2 Договора, это обеспечение мирного и демократического развития братских народов обоих государств, укрепление дружбы, повышение благосостояния и уровня жизни; создание единого экономического пространства; неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина; формирование единой правовой системы демократического государства; проведение согласованной социальной политики.

Во-вторых, единое гражданство в Союзном государстве уже сейчас имеется, так как государства ранее договорились и подтвердили в данном Договоре, что граждане Союзного государства пользуются равными правами и несут равные обязанности на территории другого государства-участника (ст. 14, п. 5). Иначе говоря, граждане обоих государств имеют на любой территории равный статус.

В-третьих, предполагается решать многими способами, в том числе гарантированностью и защитой всех форм собственности и хозяйствования на территории Союзного государства, наличием движимого и недвижимого имущества у самого Союзного государства, введением единой денежной единицы (валюты), которая будет выпускаться исключительно единым эмиссионным центром, обозначенную выше цель Союзного государства — создание единого экономического пространства; кстати, в тех же целях Договор определяет широкий круг предметов ведения Союзного государства. Причем то, что отнесено Договором к исключительному ведению Союзного государства, свидетельствует о сильной тенденции к будущему федеративному устройству. По существу, речь идет о единой экономической системе на территории Союзного государства. Неслучайно в Договоре имеется отдельная глава о принципах формирования единого экономического пространства. Этому же уделяется повышенное внимание в Программе действий РБ и РФ по реализации положений Договора [3]. В соответствии с Договором в Союзном государстве действует унифицированное, а затем и единое законодательство, регулирующее хозяйственную деятельность, включая гражданское и налоговое законодательство. Функционируют единые принципы взимания налогов, не зависящие от места нахождения налогоплательщиков на территории Союзного государства. Государства принимают согласованные меры по поэтапному сближению основных социальных и макроэкономических показателей развития и проводят единую структурную политику.

Кроме того, Союзное государство имеет свои бюджет, финансы, собственность.

В-четвертых, хотя государства оговорили в Договоре свою территориальную целостность, тем не менее, в перспективе планируется единая государственная охрана внешней границы Союзного государства (п. 5 ст. 7).

В-пятых, в Союзном государстве существует единое таможенное пространство, в отношении которого применяются: единый порядок экспортного контроля; единые меры нетарифного регулирования, включая применение количественных ограничений, лицензирование ввоза и вывоза товаров, введение единого перечня товаров, к которым применяются запреты и ограничения ввоза и вывоза; единый порядок взаимного признания лицензий, сертификатов и разрешений на ввоз или вывоз товаров.

В-шестых, Союзное государство имеет право заключать международные договоры (ст. 35, 40).

Согласно Договору, Союзное государство имеет единую систему органов, большинство из которых формируются государствами-участниками: Высший

Государственный Совет, Палата Союза Парламента, Совет Министров, но Палата Представителей Парламента избирается населением на основе всеобщего избирательного права. Для осуществления контроля за финансами Союзного государства создается Счетная палата. Органы Союзного государства обладают правом на правотворчество. Высший Государственный Совет издает декреты, постановления и директивы (п. 3 ст. 35). Парламент принимает законы и Основы законодательства Союзного государства (ст. 40). Совет Министров издаст постановления, директивы и резолюции (п. 3 ст. 46). В случае коллизии нормы закона или декрета Союзного государства и нормы внутреннего закона государства-участника, опять же согласно Договору, преимущественную силу имеет норма закона или декрета Союзного государства (п. 2 ст. 60).

В-седьмых, Союзное государство создаст свою государственную атрибутику (в соответствии с п. 1 ст. 10 Договора, «Союзное государство имеет свой герб, флаг, гимн и другие атрибуты государственности»).

Таким образом, некоторые из перечисленных положений особенно отчетливо говорят о тенденции к федеративным началам объединения; так, в качестве свершившегося факта в Договоре устанавливается, что РФ и Республика Беларусь создают (а не создадут в будущем) Союзное государство (ст. 1); что Союзное государство является светским, демократическим, социальным, правовым государством (ст. 5); что территория Союзного государства состоит из государственных территорий государств-участников (ст. 7); что имеется гражданство Союзного государства (глава II); что Союзное государство имеет свой герб, флаг, гимн и другие атрибуты государственности (ст. 10); что Союзное государство имеет единую денежную единицу (валюту), и денежная эмиссия осуществляется исключительно единым эмиссионным центром (ст. 13). Особенно существенные элементы федеративного устройства нового союзного образования закладываются Договором в вопросе разграничения предметов ведения и полномочий между Союзным государством и государствами-участниками. Прежде всего, на наш взгляд, принципиальное значение имеет выделение предметов исключительного ведения Союзного государства (ст. 17).

Тем не менее согласимся с профессором С. А. Авакьяном в том, что заложенная в Договоре модель федеративного устройства нового союза в силу как объективных причин политического, социально-экономического и юридического характера, так и субъективных факторов (неготовность политических элит) пока не может быть реализована в полной мере, поэтому на сегодняшний день можно говорить о Союзном государстве, как квазигосударстве [4, с. 8]. Неслучайно, как уже упоминалось, в Договоре определено, что по мере становления Союзного государства будет рассмотрен вопрос о принятии его Конституции (п. 3 ст. 2). Очевидно, что до принятия Конституции необходимо более тесное единство в рамках Союзного государства, так как практика не знает примеров оформления Конституцией объединения государств с международно-правовой самостоятельностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Аванесян С. А.** Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о создании Союзного государства: Конституционно-правовой анализ // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2001. № 1. С. 3 — 15.

2. **Аванесян С. А.** Проблемы гражданства Союза Беларуси и России // Информационный бюллетень Парламентского Собрания Союза Беларуси и России 1998. № 2; **Миронов О. О.** Конституции Беларуси и России как правовая основа Союза // Информационный бюллетень Парламентского Собрания Союза Беларуси и России. С. 42 — 43; **Пастухова Н. Б.** Союз России и Белоруссии: история, настоящее, перспективы (конституционно-правовой аспект). М., 2001. 117 с.

3. **Андреева Г.** Правовая информация Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Белоруссия о введении единой денежной единицы Союзного государства процесс становления Союзного государства // http://postman.ru/~zatulin/institute/sbornik/038/12.shtml

4. Договор «О создании союзного государства» (Москва, 8 декабря 1999 г.). // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 7. 14 фев. Ст. 786.

Поступила 07.07.06.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ И ОХРАНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ[1]

Т. В. ХУДОЙКИНА, доктор юридических наук
О. С. КАЛАЧИНА

В настоящее время проблема управления природопользованием и охраной окружающей среды является одной из самых приоритетных и острых проблем. Пятнадцатилетний период (1991 — 2005 гг.) работы государственных природоохранных органов позволил создать нормативно-правовую основу управления природопользованием и охраной окружающей среды, проверить эффективность различных управленческих структур, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации [1, с. 126 — 127]. Создание эффективного управления природоохранной деятельностью можно достичь только благодаря централизации и систематизации государственного административно-правового управления. Региональный уровень власти, находящийся в непосредственной близости к решаемым экологическим проблемам, способен максимально приблизить предпринимаемые меры по рациональ-

© Т. В. Худойкина, О. С. Калачина, 2006

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-23301 а/В.

ному природопользованию и повышению качества окружающей среды к особенностям того или иного региона, однако, именно «центр» определяет государственную политику в области управления природопользованием.

Нельзя забывать, что Российская Федерация — федеративное государство, а это значит, распределение государственной власти между центральными органами и органами субъектов должно сочетать общие интересы в сохранении благоприятной окружающей среды. Согласно ст. 72 Конституции РФ природопользование находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ, соответственно нормативные акты субъектов РФ принимаются на основе федеральных законов. В целях повышения эффективности управления природопользованием и охраной окружающей среды требуется законодательное урегулирование разграничения полномочий между федеральными, региональными органами власти и органами местного самоуправления. При этом необходимо сохранение трех уровней управления природопользованием и охраной окружающей среды, четко разграничивая компетенцию, не дублируя полномочий друг друга. Здесь не говорится о принципе административно-территориального деления. Эффективнее представляется схема, где «управление» принадлежит региональным властям, а «контроль и надзор» — прерогатива федеральных органов.

В настоящее время действует более десятка законодательных актов. Это и кодифицированные акты (Водный кодекс РФ, Лесной кодекс РФ, Земельный кодекс РФ), а также Закон РФ «О недрах», Закон РФ «О животном мире», Закон РФ «Об охране атмосферного воздуха», ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», ФЗ «Об экологической экспертизе» и т. д. Кроме того, многие субъекты Российской Федерации (Республика Татарстан, Республика Башкортостан) уже заняли активную позицию в правовом оформлении региональной государственной политики в области природопользования и охраны окружающей среды. Необходимо отметить, что в Республике Мордовия собственной правовой базы по охране окружающей среды пока нет, поэтому республика может развивать концептуальные положения в данной сфере только в рамках федеральной экологической политики, и главное, федеральной нормативной правовой базы.

Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ внесены изменения в Закон «Об охране окружающей среды», которые существенно ограничивают объем полномочий в области природопользования и охраны окружающей среды субъектов РФ. Данный Федеральный закон четко определяет компетенцию Российской Федерации, субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере природоохранной деятельности (глава II «Основы управления в области охраны окружающей среды»). Впервые определяются полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны окружающей среды, а именно организация мероприятий по охране окружающей среды в границах городского округа; организация сбора, вывоза, утилизации и переработке бытовых и про-

мышленных отходов. Также в рамках этого закона субъектам предоставлена возможность, развивая нормы федерального законодательства, обеспечить правовое регулирование вопросов в области охраны окружающей среды, отнесенных к их ведению.

Федеральным законом № 199-ФЗ от 31 декабря 2005 г. «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации» субъектам Российской Федерации передано осуществление государственного контроля в области охраны окружающей среды (государственного экологического контроля) на объектах хозяйственной и иной деятельности независимо от форм собственности, находящихся на территории субъекта РФ, за исключением объектов хозяйственной деятельности, подлежащих федеральному государственному экологическому контролю. С целью разграничения полномочий в области экологического контроля законодательно была установлена система разделения объектов контроля, введены критерии отнесения этих объектов к федеральному уровню в зависимости от величины негативного воздействия хозяйствующего субъекта на окружающую среду. К полномочиям Правительства РФ закон отнес подготовку перечня таких объсктов и разработку единого порядка осуществления государственного экологического контроля. Однако до настоящего времени эту задачу Правительство РФ так и не решило. Тогда возникает вопрос, как быть предприятиям и организациям Республики Мордовия, если их будут контролировать сразу несколько федеральных и региональных служб в сфере природопользования и охраны окружающей среды.

В соответствии с ныне действующим законодательством управление природопользованием и охраной окружающей среды осуществляется путем заключения соглашений между федеральными и региональными органами. Однако открытыми остаются вопросы о том, кто будет координировать заключение такого рода соглашений, каков механизм урегулирования спорных вопросов.

11 апреля 2005 г. в Государственной Думе РФ по инициативе Комитета по экологии были проведены парламентские слушания на тему «О разграничении полномочий РФ и субъектов РФ в области охраны окружающей среды», целью которых являлась оценка ситуации в области государственного управления охраной окружающей среды, сложившейся после принятия Федеральных законов № 122-ФЗ и 199-ФЗ, а также выработка рекомендаций по совершенствованию механизма управления в области охраны окружающей среды. Участники парламентских слушаний считают, что наделение органов местного самоуправления полномочиями в области охраны окружающей среды при полном отсутствии для этого нормативной правовой базы, и в то же время ограничение полномочий субъектов РФ может существенно снизить эффективность управления природоохранной деятельностью. Было выдвинуто предложение о предоставлении возможности субъектам РФ и Российской Федерации решать эти вопросы путем передачи полномочий друг другу, исходя из финансовых

и административных возможностей конкретного региона, что позволит, по их мнению, упорядочить механизм управления природопользованием.

6 июня 2005 г. в Государственной Думе РФ по инициативе Комитета по природным ресурсам и природопользованию состоялись парламентские слушания на тему «Природные ресурсы и природопользование как предмет совместного ведения РФ и субъектов РФ. Правовое обеспечение», где сделан вывод о том, что действующее законодательство не обеспечивает эффективное управление природными ресурсами с учетом интересов Российской Федерации, субъектов РФ и местного самоуправления. В связи с расширением полномочий, согласно Федеральному закону № 199-ФЗ, органам государственной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления в сфере природопользования были переданы часть полномочий по управлению лесным фондом (в том числе охрана леса от пожаров), функции по управлению лесами, ранее находившимися во владении сельскохозяйственных организаций, кроме того, часть функций по охране объектов животного мира и по охране водных биологических ресурсов, однако, не был решен вопрос о направлении субвенций из федерального бюджета для осуществления этих полномочий.

В Республике Мордовия существует достаточно большое количество структур, занимающихся управлением природопользования и охраной окружающей среды. Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» произошла реорганизация всех органов исполнительной власти, в том числе и природоохранных органов. Основным федеральным органом, определяющим государственную политику в сфере природопользования, является Министерство природных ресурсов РФ, в ведении которого находятся Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, Федеральное агентство водных ресурсов, Федеральное агентство по недропользованию, Федеральное агентство лесного хозяйства, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору, руководство которой осуществляет непосредственно Правительство РФ. Распоряжением Правительства РФ от 30 июля 2004 г. № 1024-р Росприроднадзору переданы в ведение департаменты государственного контроля и перспективного развития в сфере природопользования и охраны окружающей среды по федеральным округам, главные управления природных ресурсов и охраны окружающей среды по субъектам РФ МПР России.

В силу произошедшей реорганизации на территории Республики Мордовия в настоящее время действуют два федеральных природоохранных органа. Первый — Росприроднадзор, в структуру которого входят: Управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Республике Мордовия Министерства природных ресурсов Российской Федерации, которое осуществляет государственное управление в области организации и функционирования особо охраняемых природных территорий федерального значения и явля-

ется уполномоченным государственным органом в области экологической экспертизы в установленной сфере деятельности, а также осуществляющим государственный контроль в области охраны окружающей среды (государственный экологический контроль) в установленной сфере деятельности; Агентство лесного хозяйства по Республике Мордовия; Отдел по геологии и лицензированию по РМ регионального агентства по недропользованию по Приволжскому федеральному округу; Отдел водных ресурсов по РМ Верхне-Волжского бассейнового управления Федерального агентства водных ресурсов.

Вторым федеральным природоохранным органом в Республике Мордовия, подчиняющимся Правительству РФ, является Управление Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору по РМ, который осуществляет контроль техногенного загрязнения окружающей среды, в частности ограничение негативного техногенного воздействия, контроль безопасности ведения работ, связанных с пользованием недрами, безопасности при использовании атомной энергии, хранения взрывчатых материалов промышленного назначения. Кроме этого, Ростехнадзор контролирует соблюдение законодательства РФ в области охраны окружающей среды, атмосферного воздуха, обращения с отходами; лицензирование деятельности предприятий, проведение государственной экологической экспертизы, а также на территории Республики Мордовия осуществляет свои полномочия Госинспекция Средневолжрыба по охране, воспроизводству рыбных запасов и регулирования рыболовства по РМ.

Указом Главы Республики Мордовия № 111-УГ 26 июля 2005 г. создано Министерство природных ресурсов Республики Мордовия (Постановлением Правительства РМ № 344 от 1 сентября 2005 г. утверждено Положение о МПР РМ). Министерство природных ресурсов Республики Мордовия является исполнительным органом государственной власти Республики Мордовия, осуществляющим государственное регулирование в области изучения, воспроизводства, использования и охраны ресурсов недр, земельных и лесных ресурсов, объектов животного мира и охраны окружающей среды и координирующим деятельность в этой области иных исполнительных органов государственной власти Республики Мордовия. На данный момент таковых «иных» органов в РМ нет. Основными задачами Министерства являются: государственное управление в пределах компетенции, определенной законодательством, в области природопользования и охраны окружающей среды на территории Республики Мордовия; осуществление в пределах компетенции, определенной законодательством, государственного контроля за природопользованием и состоянием окружающей среды на территории Республики Мордовия. Остается открытым вопрос, каков предел этих полномочий? Таким образом, получается, что управление природопользованием и охраной окружающей среды на территории Республики Мордовия осуществляют два федеральных органа и один орган субъекта.

Большую значимость вопросы эффективного управления охраной окружающей среды и природопользованием приобретают также и на уровне органов местного самоуправления. В 2003 г. Постановлением Главы г. Саранска в структуре Администрации города был создан Отдел по экологии и охране окружающей среды, основными задачами которого являлись определение основных направлений и проведение на территории города единой политики в области охраны окружающей среды и экологической безопасности; разработка и реализация мер, направленных на обеспечение охраны, оздоровления и улучшения окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Впоследствии данный отдел был упразднен. По состоянию на начало 2006 г. в Республике Мордовия ни в одном муниципальном образовании органами местного самоуправления не создано каких-либо природоохранных структур. Такое положение не позволяет реализовать в полной мере полномочия органов местного самоуправления по осуществлению единой экологической политики в сфере природопользования и охраны окружающей среды.

Во исполнение Указа Президента РФ от 2 июля 2005 г. № 773 издано Постановление Правительства РФ от 5 декабря 2005 г. № 725 «О взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти», согласно чему высшее должностное лицо субъекта РФ наделено полномочиями по организации взаимодействия, которое осуществляется в таких формах, как планирование и реализация совместных мероприятий, обмен информацией и др. Исходя из этого, возможно, есть необходимость создания Координационного Совета по природопользованию и охране окружающей среды по РМ при Правительстве Республики Мордовия, как главного органа координирующего деятельность отраслезых и территориальных исполнительных органов государственной власти по вопросам охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Основная цель в области совершенствования системы управления природопользованием и охраной окружающей среды — улучшение качества окружающей природной среды. Основными направлениями в совершенствовании управления природопользованием и охраной окружающей среды являются: создание нормативно-правовой базы, обеспечивающей реализацию экологической политики Республики Мордовия. Согласно Конституции РФ (ст. 76, п. 2) по предметам совместного ведения, к которым относятся охрана окружающей среды, природопользование и обеспечение экологической безопасности, должны издаваться федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы или иные нормативные акты субъектов Федерации. В настоящее время в Республике Мордовия отсутствует собственная правовая база в сфере охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности. Правовое регулирование на территории Республики Мордовия осуществляется на основа-

нии нормативно-правовых актов Российской Федерации. В связи с этим приоритетным направлением в области охраны окружающей среды и природопользования явилась бы, на наш взгляд, разработка республиканского закона «Об охране окружающей среды в Республике Мордовия».

Одним из направлений в совершенствовании управления природопользованием и охраной окружающей среды является также разработка нормативной правовой базы муниципальной системы управления в данной области, включая осуществление обоснованного разграничения полномочий между региональным и муниципальным уровнями. Кроме того, на уровне муниципальных образований необходимо, на наш взгляд, в структуре администраций создание структурных подразделений, занимающихся вопросами экологии и охраны окружающей среды, основными задачами которых будет являться разработка и реализация мер, направленных на обеспечение охраны, оздоровления и улучшения окружающей среды и рационального использования природных ресурсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Боравская Т. В.** Необходимость гармонизации российского законодательства в сфере менеджмента отходов с нормами международного права // Использование и охрана природных ресурсов в России: Бюллетень. 2005. № 6. С. 126 — 130.

Поступила 14.09.06.

ЗНАЧЕНИЕ УНИФИКАЦИИ НОРМАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ КОНФЛИКТОВ В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Л. Ю. ФОМИНА
М. М. ВАСЯГИНА

Современный период развития Российской Федерации характеризуется стремительным увеличением числа принимаемых нормативных правовых актов. К сожалению, количественные изменения в этой сфере далеко не всегда влекут за собой соответствующее качество, ибо многие законы и подзаконные акты не соответствуют требованиям юридической техники. Большое значение для достижения их технико-юридической совершенности имеет правильное использование языковых средств выражения содержания правовых норм при осуществлении правотворчества, особенно специальной терминологии, которую мы предлагаем обозначить как нормативную правовую терминологию.

Термин представляет собой «слово или словосочетание — название определенного понятия какой-нибудь специальной области науки, техники, искусства» [5, с. 795]. Исходя из этого под нормативными правовыми терминами (терминами нормативных правовых актов) следует понимать слова или словосочетания, призванные точно обозначать юридические понятия в нормативных правовых актах.

Система нормативных правовых терминов образует нормативную правовую терминологию, которая является одной из разновидностей юридической терминологии наряду с терминологией правоприменительных и интерпретационных актов, а также терминологией юридической науки. Указанное разграничение следует из существующего в юридической доктрине деления правовых актов на нормативные правовые, правоприменительные и интерпретационные и из необходимости учитывать наличие выработанных и используемых наукой терминов, не нашедших применения в правовых актах, но также относящихся к юридической терминологии.

В настоящее время нормативная правовая терминология далеко не безупречна в технико-юридическом плане, что обусловливает необходимость

© Л. Ю. Фомина, М. М. Васягина, 2006

проведения ее унификации. «Словарь иностранных слов» трактует данную категорию как «подведение чего-либо под единую систему, приведение к единообразию» [7, с. 322]. При этом работа по унификации терминологии должна проводиться на всех уровнях — логическом, содержательном и лингвистическом [3, с. 207]. По нашему мнению, унификация нормативной правовой терминологии должна рассматриваться, прежде всего, в динамическом аспекте, т. е. как разновидность терминологической работы, деятельность компетентных субъектов, направленная на приведение терминов нормативных правовых актов к единой системе, единообразию, обеспечение их соответствия всем требованиям, предъявляемым к терминам на трех указанных уровнях.

Обобщив формулируемые в научной литературе требования к терминологии в целом и юридической терминологии, можно выделить среди них основные, к которым относятся: однозначность (единство); стремление к отсутствию синонимов; стабильность; краткость; отказ от чрезмерного употребления терминов-аббревиатур и сокращений, образованных из двух или более слов; лингвистическая и стилистическая правильность термина, благозвучность; экспрессивная нейтральность, отсутствие коннотации; точность; ясность, понятность термина адресатам правовых норм; общепризнанность; современность; отказ от злоупотребления иностранными терминами, продуманное и обоснованное их использование.

Некоторые из них получили законодательное закрепление на уровне субъектов Российской Федерации, не будучи при этом специально обозначенными в качестве требований к использованию терминологии. Например, в п. 2 ст. 17 Закона Республики Мордовия «О правовых актах Республики Мордовия» от 21 февраля 2002 г. закреплено, что «использование в правовых актах новых иностранных терминов и выражений допускается, если отсутствуют имеющие тот же смысл русские термины и выражения или термины иностранного происхождения стали в русском языке общеупотребительными». Кроме того, п. 3 ст. 17 данного закона гласит: «Слова и выражения в правовых актах используются в значении, обеспечивающем их точное понимание и единство с терминологией, применяемой в федеральном законодательстве. Не допускается обозначение в правовых актах разных понятий одним термином или одного понятия разными терминами, если это специально не оговаривается в правовом акте» [2], т. е. закрепляются требования точности, однозначности (единства) и стремления к отсутствию синонимов.

Унификация нормативной правовой терминологии — процесс достаточно сложный и длительный, что неизбежно влечет разделение ее проведения на ряд этапов. В. Ю. Туранин пишет о двух этапах: подготовительном и основном. По его мнению, на первом в результате логико-понятийного анализа юридического языка нужно разработать четкую сетку терминов, подлежащих унификации. На втором этапе необходимо: 1) учесть все известные русские наименования-синонимы, обозначающие данное понятие; 2) отделить

слова устаревшие, не подлежащие употреблению в современном русском языке; 3) исключить наименования, не отвечающие стилистическим нормам русского языка; 4) оставшиеся термины проанализировать с точки зрения традиции, давности их употребления, устойчивости в русском языке. В результате проделанной работы следует выбрать основное наименование соответствующего юридического понятия, которое и должно быть подвергнуто систематизации как стандартное, общепринятое и обязательное к употреблению в юридическом языке [8, с. 46].

Е. А. Крюкова унификацию специальных терминов разделяет на три этапа. На первом проводится наиболее кропотливая работа, целью которой ставится выявление так называемых отраслевых специальных терминов, уточнение их значений, замена (без ущерба содержанию правовых норм) нейтральной лексикой (замена юридических терминов не осуществляется). На втором этапе происходит собственно унификация, которая может проводиться с использованием как полной формы унифицированных терминов, так и их усеченных вариантов. Третий этап — контрольный. При этом автор отмечает, что чаще всего на практике действия по унификации на первом и втором или втором и третьем этапах осуществляются одновременно [4, с. 50].

Учитывая вышесказанное, целесообразно выделить три этапа унификации нормативной правовой терминологии: предварительный, основной, последующий.

На предварительном этапе должен определяться объем предстоящей работы, т. е. осуществляться сбор терминов, подлежащих унификации. Здесь могут возникнуть значительные трудности в связи с наличием большого количества нормативных правовых актов, в которых может использоваться термин. При сборе терминов большую роль играет анализ правоприменительной практики для установления круга проблем, связанных с недостатками нормативной правовой терминологии в данной области правового регулирования. Однако в настоящее время трудно произвести такой анализ, поскольку комплексные исследования юридической практики у нас не ведутся.

На этом же этапе выясняется, в каких нормативных правовых актах данные термины уже применялись, рассматриваются все определения терминов, существующие в действующих нормативных правовых актах, а в случае их отсутствия — в актах судебного толкования и юридической науке. Затем выбираются термины, которые будут использоваться в конкретном нормативном правовом акте, и предварительно определяются их значения.

Основной этап предполагает деятельность по приведению выбранных терминов в максимальное соответствие со всеми предъявляемыми к ним требованиями на трех уровнях: логическом, содержательном и лингвистическом. Затем формулируются соответствующие рекомендации в части унифицированного применения терминологии субъектам правотворчества, которые принимают решение о закреплении результатов унификации в нормативных правовых актах.

На контрольном этапе должна проводиться оценка того, насколько эти рекомендации нашли отражение в принятых нормативных правовых актах, а также эффективности унификации нормативной правовой терминологии, т. е. отслеживаться практика употребления новых или измененных редакций ранее действовавших нормативных правовых актов.

Унификация нормативной правовой терминологии выполняет в жизни общества и государства определенные функции. Следует отметить, что данный вопрос не исследуется в юридической науке.

В языкознании же, например, В. М. Лейчик рассматривает унификацию терминов и терминосистем как итог объединения оптимизационной и нормативной функций практической терминологической деятельности. При этом оптимизационный аспект последней подразумевает ее направленность на обоснование выбора оптимальных, наиболее соответствующих своей цели терминов и определений, их значений, которые удовлетворяют потребность адекватного отражения объектов, процессов и признаков в специальных сферах. Нормативный аспект — это закрепление отобранных оптимальных терминов и определений нормативными документами и предписаниями. Автор указывает и на систематизирующую функцию унификации, поскольку в результате разработки стандартов и сборников рекомендуемых терминов каждое место в терминосистеме занимается, как правило, одной лексической единицей и каждой лексической единице ставится в соответствие одно определение (правая часть), что ведет к систематизации всех знаковых средств, относящихся к определенной сфере знаний или деятельности, к разграничению этих сфер и установлению связей между ними (через общие термины, используемые в левой и правой частях словарных статей) [6, с. 277 — 279].

Унификация нормативной правовой терминологии также выполняет оптимизационную, нормативную и систематизирующую функции. Можно выделить ряд других функций: 1) познавательную; 2) практическую; 3) идеологическую; 4) прогностическую; 5) коммуникативную; 6) оценочную; 7) регулятивную; 8) контрольную; 9) презентивную. Охарактеризуем коротко каждую из них.

Познавательная связана с сознательным изучением и усвоением субъектами унификации нормативной правовой терминологии определенной суммы знаний, необходимых для достижения целей и задач унификации.

Практическая функция означает осуществление на практике накопленных лингвистикой, юриспруденцией и другими науками знаний в области совершенствования терминологии.

Идеологическая функция обусловливается тем, что эффективность действия правовых норм, востребованность нормативных правовых актов при регулировании общественных отношений в значительной степени зависят от оценки их адресатами. Нормативные правовые акты, качественные в юридическом, логическом и лингвистическом отношении, выступают показателем уровня правового развития общества, вызывают значитель-

но большее доверие и уважение у субъектов правоотношений, чем акты, созданные и принятые с нарушением правил юридической техники, правил и норм языка и логики. В свою очередь, нормативная правовая терминология играет важную роль при формулировании содержания правовых норм, поэтому от степени ее унифицированности во многом будет зависеть действенность воздействия права на индивидуальное, групповое и массовое правосознание, а также на повышение уровня правовой культуры граждан государства.

Прогностическая функция определяется тем, что унификация нормативной правовой терминологии предполагает не только изучение и претворение в жизнь существующих в тот или иной период правового развития государства правил совершенствования нормативной правовой терминологии, но и анализ тенденций ее дальнейшего развития, построение моделей возможных изменений в правовой системе общества в результате проведенной унификации.

Коммуникативная функция проявляется в том, что унифицированная нормативная правовая терминология способствует лучшему восприятию, накоплению, сохранению и передаче заложенной в нормативных правовых терминах информации.

Оценочная функция предполагает, что в результате унификации нормативной правовой терминологии произойдет формирование определенных ценностных установок у субъектов правоотношений, на основе которых в сознании субъектов унификации складывается программа деятельности по унификации терминологии, а у остальных субъектов правоотношений — внутренний план действия в конкретной правовой ситуации с учетом недостатков и противоречий правового регулирования в определенной сфере общественных отношений.

Регулятивная функция направлена на организацию и обеспечение стабильного, согласованного и эффективного функционирования всех элементов правовой системы России.

Контрольная функция связана с тем, что в процессе унификации нормативной правовой терминологии осуществляется проверка соблюдения разработчиками проекта нормативного правового акта всех норм, предъявляемых к терминологии.

Превентивная функция состоит в упреждении и нейтрализации причин потенциальных угроз стабильности и упорядоченности общественных отношений на основе качественных нормативных правовых актов.

Серьезной угрозой функционированию общества на основе действующих правовых норм является усиление социально-правовой напряженности, возникновение многочисленных конфликтов в правовой сфере, что является следствием происходящих в России глубоких государственно-правовых изменений. Между тем очевидно, что предупреждение юридических конфликтов гораздо разумнее и предпочтительнее, нежели их разрешение. Конечно, профилактические мероприятия требуют весьма существенных затрат сил, средств и времени, но зато предупреждают даже те минимальные деструктивные послед-

ствия, которые имеет любое конструктивно разрешенное противоборство. Именно поэтому на профилактическую деятельность в правовой сфере должны быть направлены усилия общества и государства, а исследование проблем предупреждения юридических конфликтов должно стать одной из актуальных задач теории государства и права, всего правоведения.

Необходимо заметить, что в юридической литературе, а также в нормативных правовых актах термины «предупреждение» и «профилактика» используются в основном как тождественные. Однако встречаются утверждения о том, что первое понятие шире по объему, чем второе. Например, В. С. Жеребин считает, что не всякое предупреждение проявляется «в активной созидательной деятельности по предотвращению тех или иных социальных последствий, ибо может остаться на уровне простого уведомления» [1, с. 112]. По нашему мнению, в конкретных случаях даже простое уведомление, извещение можно рассматривать как меру профилактики конфликтного поведения в правовой сфере. Например, рассылаемые уведомления об уплате за телефонные услуги предупреждают многие конфликты, которые могут возникнуть в связи с неуплатой долга и отключением телефона. Поэтому мы считаем, что можно употреблять данные термины как взаимозаменяемые.

Профилактика юридического конфликта представляет собой необходимую специфическую деятельность, направленную на выявление, устранение или нейтрализацию причин и условий, способствующих возникновению конфликтов в правовой сфере, с целью предупреждения последних.

Исходя из предложенного нами определения профилактики юридического конфликта, профилактическая деятельность включает две стадии: 1) выявление; 2) устранение причин, способствующих возникновению юридических конфликтов.

Предупреждение или профилактика любого конфликта, в том числе и юридического, предполагает воздействие на его элементы: объект, субъектов, мотивы их поведения, используемые силы и средства до возникновения противоборства. Следовательно, профилактическая деятельность в зависимости от характера конфликта может быть весьма разносторонней и должна осуществляться на нескольких уровнях: 1) общесоциальном (общесоциальная профилактика); 2) общеправовом (общеправовая профилактика); 3) индивидуальном (индивидуальная (конкретная) профилактика). Соответственно можно выделить следующие основные направления профилактической работы:

1) на общесоциальном уровне: а) работа организационного характера — достижение общественного согласия, поиск цивилизованных, демократичных форм разрешения противоречий, изменение ценностных ориентаций населения (повышение уважения к человеку), борьба с насилием, нетерпимостью к чужим мнениям, признание на государственном уровне приоритетной роли социальных детерминантов в причинном комплексе, формирование убежденности в нужности и полезности профилактических работ, всестороннее пропаганди-

рование современных идей профилактики; б) работа содержательного характера — выявление и устранение крупных экономических, политических, идеологических, социальных факторов, дезорганизующих общественную и государственную жизнь. Спады в экономике, значительная разница в уровне и качестве жизни больших групп и слоев населения, политическая нестабильность, неорганизованность и неэффективность управленческой системы — все это постоянно служит источником мелких и крупных, внутренних и внешних конфликтов. Последовательное проведение экономической, политической, социальной, культурной и других реформ в интересах всего общества станет так называемым общим предупреждением любых социально негативных явлений, в том числе и конфликтных ситуаций, отношений, конфликтного поведения в правовой сфере. Для планомерного осуществления такого предупреждения «нужна продуманная стратегия развития общества, пользующаяся массовой поддержкой населения» [9, с. 306];

2) на общеправовом уровне: а) работа организационного характера — формирование специальных подразделений, занимающихся юридико-конфликтологической профилактикой, при различных правоохранительных, правоприменительных, правоустановительных органах, учреждениях, организациях, с подготовкой специалистов по предупредительной работе не только с юридическим, но и с психологическим, конфликтологическим, педагогическим образованием; б) работа содержательного характера — общеправовые мероприятия (активизация социально-правовых факторов, способствующих предупреждению юридического конфликта). Наиболее значимые из них — становление, формирование и дальнейшее развитие уважения к закону, к праву со стороны личности, общества и государства; совершенствование законодательства, учет общественного мнения и общественных интересов в правотворчестве; изменение ценностно-правовых ориентаций населения в направлении соблюдения законов; развитие общественного, группового и индивидуального правового сознания; повышение правовой культуры; формирование правового воспитания; развитие деятельности средств массовой информации по правовой пропаганде, повышению ее эффективности, воспитанию уважения к закону и законности; укрепление правопорядка и законности; поднятие престижа государственных органов, юридических профессий, юридической науки в системе социальных ценностей общества и др. Предложенный перечень факторов не является исчерпывающим и постоянным. В зависимости от особенностей состояния общества и государства в тот или иной период одни факторы утрачивают смысл, другие, напротив, становятся весьма значимыми.

В рамках общеправового уровня можно выделить и специально-правовой уровень профилактики — деятельность по предупреждению конкретных видов юридических конфликтов, например криминальных. В этом плане наглядным примером может служить виктимологическая профилактика (изучение проблем личности потерпевшего, его роли в генезисе

преступного поведения, нейтрализация конфликтогенных факторов), поскольку конфликтное поведение потерпевшего в ряде случаев выступает непосредственной причиной совершения преступления и поэтому должно быть объектом профилактического воздействия;

3) на индивидуальном (конкретном) уровне: а) работа организационного характера — оптимизация выбора лиц для проведения с ними профилактической работы, т. е. определение конфликтогенных лиц; конфликтологизация индивидуальной профилактической работы: широкое использование на практике достижений юридической конфликтологии в познании конфликтной личности и конфликтного поведения; б) работа содержательного характера — профилактическое воздействие (непосредственная воспитательная работа с конфликтными лицами) как процесс, направленный на изменение антиобщественных, антиправовых взглядов, привычек этих лиц, привитие им нравственных качеств, соответствующих нормам и правилам цивилизованного общества. В каждом конкретном случае содержание воздействия определяется особенностями личности и окружающей ее социальной и правовой микросреды.

Индивидуальная профилактика — одно из самых сложных направлений. Это объясняется, во-первых, уникальностью, многогранностью проявлений личности как объекта индивидуальной профилактики, и, во-вторых, многообразием факторов, неоднозначностью их влияния на конкретную личность. Профилактика на индивидуальном уровне — это деятельность определенных субъектов (службы, подразделения, работника милиции, конфликтолога, психолога и др.) в отношении лиц, нравственные деформации которых, их поведенческий выбор дают основание полагать возможным вступление в конфликт (предупредительная работа с конкретным лицом). Содержанием профилактики будут отношения по поводу конкретной предупредительной работы с личностью и отношения по поводу обстоятельств, подталкивающих к конфликтным действиям. Предметом профилактики на индивидуальном уровне является индивидуальное предупреждение, т. е. воздействие на конфликтогенные факторы (причины и условия, способствующие вступлению в конфликт) в отношении определенного лица.

Не умаляя значения предупредительной деятельности на общесоциальном и индивидуальном уровнях, хотелось бы подчеркнуть ключевое место общеправовых профилактических мероприятий, среди которых очень важную роль играет совершенствование действующего законодательства, ибо наличие качественных в технико-юридическом плане законов — гарантия эффективного взаимодействия субъектов правотворчества и правореализации. Конечно, совершенное законодательство нельзя считать панацеей от всех проблем, существующих в российском обществе, однако недооценивать наличие качественных с точки зрения соблюдения правил юридической техники законодательных актов тоже не следует.

Проведение работы по совершенствованию законодательства немыс-

лимо без унификации нормативной правовой терминологии. Она представляет собой один из важных факторов профилактики юридических конфликтов, ибо наличие качественных нормативных правовых актов существенным образом облегчает правореализацию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Жеребин В. С.** Правовая конфликтология: курс лекций. Ч. 3. Владимир: Владимир. гос. ун-т, 2000. 202 с.

2. Закон Республики Мордовия «О правовых актах Республики Мордовия» от 21 февраля 2002 г. (с изм. и доп. на 28.11.2005 г.) // Изв. Мордовии. 2002. 23 февр.

3. **Карпинская Е. В.** Унификация, стандартизация, кодификация терминов: Понятие о гармонизации терминов и терминосистем // Культура русской речи : учеб. для вузов / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М., 2003. С. 207 — 211.

4. **Крюкова Е. А.** Язык и стиль законодательных актов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 139 с.

5. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.

6. **Лейчик В. М.** Прикладное терминоведение и его направления // Прикладное языкознание: учебник / Л. В. Бондаренко, Л. А. Вербицкая, Г. Я. Мартыненко [и др.]. СПб., 1996. С. 276 — 286.

7. Словарь иностранных слов : в 2 т. Т. 2. М — Я / под ред. Т. Н. Гурьевой. М.: ТЕРРА-КНИЖНЫЙ КЛУБ, 2002. 416 с.

8. **Туранин В. Ю.** Проблемы и перспективы унификации терминологии // Журн. рос. права. 2002. № 11. С.46 — 48.

9. Юридическая конфликтология / отв. ред. В.Н. Кудрявцев; ИГП РАН. М., 1995. 316 с.

Поступила 27.06.06.

ЖРЕЦЫ ФЕМИДЫ: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Н. Г. ТАРАКАНОВА, кандидат исторических наук

Судебная реформа 1864 г. создала институциональные основы для юридических профессий в России. Отделение судебной власти от административной, введение образовательного ценза для судей, прокуроров, судебных следователей, несменяемость судей и учреждение коллегии независимых адвокатов были новшествами, которые сделали возможным формирование в стране профессиональных юридических кадров.

В ряде отношений именно эта сторона реформы принесла заметные успехи: профессиональные юристы проявили невиданные ранее привержен-

© Н. Г. Тараканова, 2006

ность праву, познания в юриспруденции и юридической практике и добились большей, чем другие профессиональные группы, автономии.

Центром консолидации профессиональных юристов, безусловно, были столицы и крупные города. Здесь существовали как благодатная почва для повышения научно-теоретического уровня, так и широкие возможности для конкретной деятельности. Совмещение труда практикующего юриста с активными научными поисками — распространенное явление пореформенного периода. Достаточно вспомнить имена И. Я. Фойницкого, А. Ф. Кони, Н. М. Коркунова, И. В. Гессена, К. Д. Анциферова, Г. А. Джаншиева, М. М. Ковалевского, К. К. Арсеньева и многих других, чье творческое наследие и по сей день остается ориентиром в изучении проблем отечественной юриспруденции.

Росту профессионализма и формированию юридического «сословия» во многом способствовало появление юридических обществ и крупных периодических изданий, например «Юридического вестника», выпускаемого Московским юридическим обществом, и «Журнала гражданского и уголовного права» — детища Петербургского юридического общества. На их страницах велась весьма острая полемика по вопросам развития отечественной судебной системы и права в целом, анализировался зарубежный опыт, предлагались пути совершенствования российского правосудия.

Но следует отметить, что и провинция не осталась в стороне от происходящих процессов. Судебная реформа подняла престиж юридической профессии, которая стала привлекательной не только в плане карьерного роста и материального благополучия, но и как возможность выразить свою общественно-политическую позицию, послужить торжеству законности и справедливости.

О высоком статусе судебной должности говорит тот факт, что занять ее стремились люди разного социального ранга, противоположных политических взглядов. Так, в числе мировых судей в Пензенской и Симбирской губерниях оказались и представители дворянской интеллигенции: литераторы и публицисты А. Н. Аксаков, П. Т. Морозов, И. Н. Кашкаров, В. Н. Назарьев, Ф. А. Головинский, декабристы И. Н. Горсткин, А. А. Тучков, участники народнического движения Л. П. Никифоров, П. И. Войноральский; и высшие сановники, крупные землевладельцы, князья: Араповы, Девлеткильдеевы, Оболенские, Потемкины, И. С. Трубецкой, С. С. Волконский, Н. Н. Ухтомский и др. В списки почетных мировых судей входят пензенские губернаторы Н. Д. Селиверстов, А. А. Татищев и симбирские — В. Н. Акинфов и М. Н. Терентьев.

Свое желание пополнить ряды служителей Фемиды выразили и представители делового мира провинции. В Инсарском судебном мировом округе на должность почетного судьи в 1869 г. был избран дворянский предприниматель М. А. Литвинов, в Нижнеломовском — сыновья крупного суконного фабриканта Николай Федорович и Петр Федорович Лубяновские, в Пензенском — основатель сахарно-рафинадного завода в юго-вос-

точном Засурье Пензы, потомственный почетный гражданин Э. И. Герке, пензенский промышленник и владелец торговых заведений мещанин А. И. Работкин, чей вклад в экономическое развитие края отмечен золотой и серебряной медалями «За усердие». Среди почетных мировых судей Пензенской и Симбирской губерний — купцы и меценаты П. И. Бystренин, И. В. Волков, М. М. Соколов, Н. И. Мясников, А. И. Сидякин и др.

В. Н. Назарьев, прослуживший долгое время участковым судьей Симбирского мирового округа, писал в воспоминаниях о первом составе мировых судей провинции: «Как частные люди они могли отличаться друг от друга своими индивидуальными особенностями, но как судьи, того не замечая, представляли нечто целое, нераздельное и близкое как по своей слабости в качестве юристов, так и по своему единственному, но общему достоинству, заключавшемуся в бескорыстном и честном отношении к делу» [8]. Характеризуя профессиональную деятельность местных судей, он отмечает: «Большинство дел со свидетелями разбирались на месте, чтобы не отрывать крестьян от их занятий, а любимым, если не единственным разговором между судьями были вечные толки о текущих делах и о новых, вызванных практикой, вопросах; отмена решений или приговоров составляла большое несчастье; большая часть дел, поступавших прежде в волостной суд, перешла в руки мировых судей, которые не только не отказывались в их принятии, но даже заботились об их увеличении» [8].

Обращает на себя внимание и иное отношение к новым судьям: «Никогда еще члены судебного ведомства не пользовались в обществе нашем таким завидным успехом» [6]. Новых жрецов Фемиды «нарасхват» приглашали в великосветские салоны (куда еще вчера ни под каким видом не допускались бывшие судебные чиновники), для них давали балы и обеды.

Состав корпуса участковых мировых судей в провинции сохранял относительную стабильность. Так, в 1878 г. в Симбирской губернии более 50 % их было избрано уже на четвертый срок. Умеренная текучесть кадров способствовала росту профессионализма и консолидации судебного сословия на местах.

Однако следует учитывать и то, что мировые судьи в провинции находились в сильной зависимости от местного общества: судья, действующий вразрез с интересами влиятельных людей уезда, мог быть легко забаллотирован на очередных выборах, и, наоборот, «удобный» для богатой местной верхушки, пусть даже и не очень компетентный судья мог легко продолжать свою деятельность несколько сроков. Вместе с тем выбор у местного земства был невелик: даже при его желании частой смене судей в сельской глубинке препятствовало отсутствие достаточного числа кандидатов, отвечающих требованиям ценза. Поэтому если состав почетных мировых судей в Симбирской губернии за десять лет (с 1869 по 1878 г.) обновился на 73 %, то участковых — всего на 47 %.

В отличие от выборных мировых судей, которым, согласно закону, необязательно было иметь юридическое образование, а достаточно заниматься

ранее практической судебной деятельностью, штат общего (коронного) суда должен был формироваться из профессиональных юристов. Кроме того, гарантии несменяемости делали их более независимыми в своих решениях от интересов местных «авторитетов» и подчиняли только закону.

Состав окружных судов в провинции был не менее квалифицированным, чем в столицах. Здесь служило немало талантливых и преданных делу людей. Так, должность председателя Пензенского окружного суда долгое время (с 1879 по 1887 г.) занимал Д. П. Георгиевский, которого местные губернские ведомости характеризовали как «идеального человека и замечательного юриста, вежливого до утонченности, искренне преданного делу» [11]. После гибели Д. П. Георгиевского эту должность некоторое время занимал М. Г. Акимов — будущий министр юстиции (1905 — 1906 гг.) и член Государственного Совета.

Симбирский окружной суд с момента его открытия и до 1886 г. возглавлял Б. П. Крейтер — выпускник Первого кадетского корпуса, сделавший блестящую карьеру от простого канцелярского служащего до председателя суда. Не имея специального юридического образования, он заслужил эту должность двадцатилетним стажем добросовестной работы в судебном ведомстве.

В состав членов Пензенского окружного суда второй половины 1870-х — 1880-х гг. входил известный публицист и литератор, человек, до последних дней отстаивавший положительные завоевания судебной реформы, В. А. Волжин. «Безземельный потомок старинного и обеднев-шего дворянского рода», — как он сам писал о себе, — Валериан Александрович окончил Курскую гимназию "уваровского типа" и в числе трех лучших выпускников поступил на медицинский факультет Московского университета, но через год перевелся на юридический факультет, по окончании которого был назначен кандидатом на судебную должность при Орловском Окружном суде. Приехавший в Брянск для встречи со своими прежними сослуживцами, товарищ пензенского прокурора С. Д. Опгирский предложил Волжину перебраться из Орла в новый суд в Пензу. Так, после двухлетнего кандидатства в Орле, он переехал в "помещичью и толстопятую Пензу", где прослужил до 1904 г. сначала в должности секретаря прокурора, затем судебного следователя I участка Пензенского уезда и товарища прокурора и, наконец, члена окружного суда. Благоговея перед судебными уставами, он негативно реагировал на любые попытки их пересмотра, а "Положение о земских участковых начальниках" 1889 г., фактически ликвидирующее мировую юстицию и принцип разделения властей, он оценил как реформу "фальшиво поставленную с извращением судебных уставов", о чем и сообщил в письме Н. В. Муравьеву» [4].

Уже став министром юстиции, Н. В. Муравьев пригласил В. А. Волжина официальным письмом для участия в трудах высочайше утвержденной 7 апреля 1894 г. Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части на правах члена комиссии по отделу уголовного судопроиз-

водства. Однако для работы в Санкт-Петербург из Пензы он не был вызван, якобы из-за отсутствия денежных средств. Председатель указанного отделения — сенатор Н. С. Таганцев прислал ему груду материалов. В 1904 г. Валериан Александрович был переведен членом Судебной палаты в Омск. «Я вырвался из Пензы, как из тусклой и душной тюрьмы, на свежий воздух, — писал он, — но, в конце концов, мне все-таки жаль ее покидать» [4]. Однако в 1910 г. В. А. Волжин был вынужден уехать из Омска из-за наделавшей шума статьи в газете «Симбирские отголоски», в которой, по мнению официальных властей, автор порицал действия правительства «в таких предосудительных выражениях, которые являются несоответственными достоинству судейского звания» [12].

Возвратившись в Пензу, В. А. Волжин занимался не только судейскими делами, но и общественной деятельностью: был членом правления Общества вспоможения неимущим города Пензы, губернского статистического комитета, одним из учредителей библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. По настоятельной просьбе пензенского вице-губернатора Логатина, еще накануне своего переселения в Омск, он неофициально редактировал судебный отдел губернских ведомостей, помещая там и свои статьи. В. А. Волжин оставил богатое литературное наследие, являющееся бесценным свидетельством становления и деятельности судебной системы, введенной реформой 1864 г., в провинции.

В его воспоминаниях сохранились характеристики ряда судебных деятелей. В частности, он пишет о прокуроре Пензенского окружного суда С. Д. Онгирском как о талантливом обвинителе, человеке с веселым нравом и живым темпераментом, которого по праву считали наиболее интересным лицом и «львом пензенского общества»; о товарище прокурора А. Л. Корфе, выделявшемся среди коллег блестящим образованием, умом и светскостью [5, с. 55 — 56].

Достаточно сложно шел процесс становления в провинции института судебных следователей, обеспечивающего независимое от администрации и полиции расследования по уголовным делам. Утвержденный еще в 1860 г., задолго до принятия Судебных уставов, он встречал трудности как кадрового, так и организационного и политического характера. Как писал М. Ф. Громницкий, служивший судебным следователем в Пензе в 1860 — 1861 гг., «тогда было время тревожное, освобождали крестьян, администрация облечена была чрезвычайными полномочиями, в каждой губернии находился флигель-адъютант. Ухо держать надо было востро! — А [сколько] доносов сыпалось на первых порах на судебных следователей из уездных болот, сколько недоразумений возникало из бесед простых следователей с крестьянами!» [1]

Хотя в идеале работа следователя требовала особых навыков и постоянного профессионального совершенствования, судебные следователи в дореволюционной России, как правило, не достигали высот мастерства. Эта должность считалась своего рода трамплином: пройдя данную ступень, лица судебного ведомства уходили на

должности судей и прокуроров. Так, если состав пензенских прокуратуры и окружного суда обновился с 1884 по 1889 г. лишь на 29 %, то штат судебных следователей изменился на 37 %.

Введение принципа состязательности в судебный процесс потребовало обеспечения обвиняемых квалифицированной защитой. С этой целью был учрежден институт присяжных поверенных (адвокатов), которые получали предпочтительное право представлять в суде интересы других лиц. Составители Судебных уставов позаботились об устройстве адвокатуры как самоуправляющейся корпорации, что было оправдано опытом других стран. В качестве органов самоуправления внутри адвокатской корпорации были предусмотрены общие собрания и советы. Присяжные поверенные приписывались к судебным палатам и брали на себя хождение по делам во всех судебных инстанциях данной палаты.

Для поступления в сословие присяжных поверенных законом нужно было соответствовать достаточно жестким критериям возрастного, нравственного, образовательного характера. Кроме того, для получения адвокатского звания требовался самый большой, по сравнению с другими смежными специальностями, стаж юридической работы — 5 лет. Исполнение обязанностей присяжного поверенного было несовместимо с иной правительственной или оплачиваемой общественной службой.

Относительный либерализм профессии привлек в адвокатуру прогрессивно мыслящих людей, что в скором времени сказалось на принимаемых судом решениях, явно противоречащих официальной идеологии. В ответ на это в 1875 г. последовало приостановление правительством дальнейшего учреждения советов присяжных поверенных. Их функции перешли к окружным судам, которые теперь осуществляли прием в адвокатское сословие и контроль за его деятельностью.

Вместе с тем наблюдалась явная нехватка лиц, отвечающих установкам закона. Так, при Симбирском окружном суде в 1878 г. (по прошествии почти десятилетия после введения здесь Судебных уставов) профессиональную защиту оказывали всего пять присяжных поверенных: статский советник А. М. Садовничий, коллежский секретарь П. М. Соболев, кандидат права К. И. Синицын, действительный студент П. П. Розанов, коллежский секретарь Р Ф. Романов.

В связи с дефицитом кадров, а также высокой оплатой адвокатских услуг простому обывателю в провинции была недоступна квалифицированная юридическая помощь, и он продолжал, как и в дореформенное время, обращаться к непрофессиональным ходатаям. В. Н. Назарьев в 1872 г. писал по этому поводу: «Заговорив о местных "адвокатах", прежде всего, нет никакой возможности уберечься от юмористического настроения духа, невольным образом вызываемого их составом» [7]. Автор делил их на следующие категории: адвокаты из-за куска хлеба, промышленники, адвокаты по вдохновению. В числе первых оказывался «какой-нибудь бедняк, оставшийся за штатом, или

просто праздношатающийся, но грамотный человек, который ломает голову, как бы половчее запустить руку карман ближнего своего» [7].

Местная пресса также обращала внимание на нелестные отзывы, поступающие в адрес «господ адвокатов». «Пензенские губернские ведомости» отмечали в октябре 1873 г.: «Адвокатская практика в последние 5 — 6 лет вошла у нас в моду — прославилась, но слава эта, к несчастью, весьма незавидная. Неблаговидные проделки господ адвокатов, их надувательства, жадность и, наконец, грубое невежество достаточно известны обществу...» [3]. Не случайно во многих отзывах содержится предложение допускать к защите и представительству только по разрешению суда.

Это правило было введено законом 1874 г., когда был законодательно оформлен действующий параллельно с присяжной адвокатурой институт частных поверенных, которые, хотя и не имели юридического образования, но сдали экзамен при суде и получили от него соответствующее свидетельство. Частный поверенный имел право хождения по делам лишь в том судебном месте, которым было выдано свидетельство. Так, в 1876 г. постоянный житель Пензы Александр Васильевич Захарьин — частный поверенный при Пензенском съезде мировых судей объявил через губернскую газету о том, что «принимает на себя ведение всевозможных дел, как в Мировых Судебных учреждениях, так равно и в общих судебных местах Пензенского и Саратовского округов и подаст в этих делах полезные советы за умеренное вознаграждение» [10].

Достаточно привлекательной была и должность нотариуса, введенная «Положением о нотариальной части» от 14 апреля 1866 г. для оформления юридических документов. К середине 80-х гг. в состав нотариата Пензенского окружного суда входили: 4 нотариуса — в Пензе, по 2 — в Саранске и Краснослободске и по 1 нотариусу — в других уездных городах [2]. При этом на данную должность перешли почти все товарищи прокурора Пензенского окружного суда первого состава (Г. В. Брониковский, В. П. Теплов, И. П. Мясоедов, М. М. Якимович, С. Н. Луконский, Н. Н. Павловский, Б. К. Домбровский и др.). Притягательность ее не в малой степени была обусловлена тем, что нотариус сверх вознаграждения, назначенного законом, имел право брать за свой труд плату выше установленной таксы по соглашению с клиентом. Это давало возможность хорошего заработка, учитывая отсутствие конкуренции.

На факт злоупотреблений со стороны нотариусов обращали внимание местные ведомости, однако признавалось, что не все нотариусы в губернии злоупотребляют данным им правом и довольствуются достаточно умеренной оплатой собственных услуг.

Итак, в пореформенный период идет процесс формирования в провинции сословия профессиональных юристов, осуществляющих деятельность относительно автономно, без явного вмешательства правящих структур. Он протекал под пристальным наблюдением правительства и передовой общественности и вызвал массу откликов, споров в центре и на местах. Несмотря на заметные

сложности, неоспорим тот факт, что реформа 1864 г. привлекла в судебную сферу либеральную и наиболее просвещенную часть провинциального общества. Заметен рост активности городских сословий в получении юридического образования и судебных должностей, что было ударом по дворянским привилегиям в области осуществления публичной власти. Так, если в начале деятельности мирового суда в Пензенской губернии участковыми мировыми судьями были исключительно представители дворянства, то в 1888 г. двое из трех участковых мировых судей Саранского мирового округа — кандидат права Ф Н. Кубанцев и действительный студент Г. Д. Начаркин были выходцами из купеческого сословия.

Все это вызывало негативную реакцию (как на саму судебную реформу, так и на ее прямое следствие — становление новой профессиональной корпорации) со стороны консервативных кругов, в которые входили и некоторые квалифицированные юристы. Неоднократно избираемый на должность почетного мирового судьи Курмышского судебно-мирового округа Симбирского уезда, выпускник Московского университета, кандидат права А. Д. Пазухин писал: «Новые судебные учреждения, не имеющие связи с историей нашего судопроизводства, организованные по иностранному образцу, вводились в действие в эпоху сильного возбуждения умов, когда господствовал дух разрушения всех основ нашей истории. Состав судов, прокуратуры и адвокатуры наполнялся сторонниками этого отрицательного направления, которые образовали очень сильную корпорацию. Поставленная в положение независимое и самостоятельное, вооруженная правом карать и миловать, судебная корпорация имела полную возможность влиять на ход общественных дел, и это влияние сказывалось поощрением самых безобразных явлений нового строя жизни и беспощадным бичеванием всего, что носило следы дореформенной эпохи... Новые суды открыто встали в оппозицию власти, органы правосудия не остановились даже перед открытой государственной крамолой» [9, с. 13, 15, 21].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Гомницкий М. Ф.** Из прошлого (По личным воспоминаниям) // Русская мысль. 1889. № 6. С. 49.
2. **Догаева В. П.** Реализация судебной реформы 1864 г. в Пензенской губернии // Исторические записки: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. Пенза, 2000. С. 270.
3. Заметка об адвокатах и нотариусах // Пензенские губернские ведомости. 1873. 13 октября.
4. Из мемуаров В. А. Волжина // Ист. вестн. 1912. Август. С. 452.
5. Из мемуаров В. А. Волжина // Ист. вестн. 1912. Июль. Т. 129. С. 55 — 56
6. **Назарьев В. Н.** Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи // Вести. Европы. 1872. Кн. 2. С. 608.
7. **Назарьев В. Н.** Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи // Вестник Европы. 1872. Кн. 3. С. 177.
8. **Назарьев В. Н.** Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи // Вестн. Европы. 1879. Кн. 5. С. 133.
9. **Пазухин А.** Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.
10. Пензенские губернские ведомости. 1875. 2 февраля.

11. Пензенские губернские ведомости. 1887. 6 марта.
12. **Савин О.** Исполняя законы России. Из истории пензенских судов. Пенза, 2004. С. 70.

Поступила 19.04.06.

ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Н. И. УЗДИМАЕВА, кандидат юридических наук

Юридическая квалификация правомерного поведения является главным условием и составной частью надлежащей реализации права. Ситуации, при которых осуществляется квалификация, многообразны (назначение уполномоченным субъектом определенной меры поощрения отличившемуся лицу или коллективу граждан; оценка компетентным органом законности и обоснованности принятых нормативно-правовых и индивидуальных актов; решение гражданином вопроса о возможности использования тех или иных прав, исполнения обязанностей; обращения за защитой незаконно ущемленных интересов и т. д.). Она призвана обеспечивать строгое и неуклонное выполнение субъектами права требований законодательства, способствовать утверждению социальной справедливости, активизации человеческого фактора, стабилизации общественных отношений, гарантированию единства прав и обязанностей, повышению чувства ответственности личности.

Определение юридической квалификации правомерного поведения было предложено В. М. Барановым. Он указывает: «Квалификация правомерного поведения — это процесс и результат оценочно-познавательной деятельности компетентных органов государства, должностных лиц, граждан, направленной на установление соответствия элементов юридически значимого позитивного акта поведения требованиям правовой нормы» [2, с. 12].

Объектом юридической квалификации выступает, по общему мнению, возможное, должное либо желательное с позиции нормы права поведение. Однако таковыми могут быть и результаты деятельности (например, правотворческой), их соответствие не только конкретным нормам, но и принципам права. Иногда, по утверждению В. Б. Исакова, «в качестве объекта юридической квалификации могут рассматриваться и события» [3, с. 31]. Так, пожар, возникший вследствие удара молнии, может квалифи-

© Н. И. Уздимаева, 2006

цироваться как страховой случай, наводнение — как непреодолимая сила.

Основанием юридической квалификации правомерного поведения служит конкретная правовая норма, действующая на момент осуществления правоквалификационных действий.

Юридическую квалификацию можно рассматривать в двух аспектах: 1) как процесс, выражающийся в сопоставлении признаков фактических обстоятельств и признаков определенной юридической нормы; 2) как результат этого процесса в форме вывода о соответствии (несоответствии) признаков фактических обстоятельств и признаков нормы права. В связи с этим актуальным является вопрос о применимости (неприменимости) к ней таких терминов, характеризующих ее сущность, как «тождество» и «соответствие».

В частности, А. В. Нечепурнов указывает: «Нельзя сводить сущность юридической квалификации правомерного поведения лишь к установлению тождества между фактическим деянием и его признаками, так как при таком подходе из понятия юридической квалификации исключаются юридическая оценка фактических обстоятельств дела, выбор нормы права и некоторые другие ее элементы» [4, с. 8].

А. Н. Бабай, напротив, считает, что «категория тождества более приемлема в отношении к юридической квалификации, так как согласно философской концепции категория "соответствие" выражает функциональные связи предметов, явлений, их отдельных сторон (в договоре займа, например, в такой функциональной связи находятся сумма и форма договора). Но применительно к юридической квалификации наличие такой функциональной связи еще не может служить основанием для правовой оценки деяния, так как соответствие устанавливается не между одними и теми же признаками, а между различными признаками. В ходе же квалификации сопоставляются равнозначные признаки фактического деяния и его нормативного описания» [1, с. 8].

На наш взгляд, если рассматривать процесс юридической квалификации правомерного поведения, речь должна идти именно об установлении тождества фактических признаков деяния и описанных в норме, ибо в этом состоит ее основная цель. Что касается результата квалификации, то в данном случае вполне применима категория соответствия, поскольку сама сущность правомерного поведения определяется через соответствие поведения конкретной норме права.

Юридическая квалификация может быть официальной и неофициальной. Последняя, в свою очередь, делится на доктринальную и обыденную.

Официальная юридическая квалификация деяния связана напрямую с процессом правоприменения, осуществляется специально уполномоченными на то государством субъектами и завершается вынесением правоприменительного акта. Она производится в специальных, установленных законом процессуальных формах. Лица, выполняющие данную правовую оценку, несут ответственность за правильную юридическую квалификацию, соблюдение в ходе ее требований законности.

Доктринальная юридическая квалификация осуществляется отдель-

ными учеными или научными учреждениями. Она способна активно воздействовать на правоприменительную деятельность через правосознание субъектов, призванных применять правовые нормы, и может рассматриваться в качестве образца официальной правовой оценки, служить критерием научного подхода в правоприменении.

Обыденная квалификация правомерного поведения может проводиться любым субъектом правомерного поведения. Делается она, как правило, не только и не столько на базе норм права, сколько на базе правовых принципов, общих правовых запретов и дозволений. Более того, многие категории субъектов незнакомы с точными предписаниями норм права и не способны оценивать их адекватным образом. В ряде случаев субъектами не осознается правовой характер оцениваемых ими деяний по той простой причине, что они могут регулироваться с помощью как правовых норм, так и норм морали, обычаев и т. д., которыми и руководствуется человек.

Особо следует подчеркнуть, что к квалификации правомерного поведения, как и к любому процессу квалификации, предъявляется требование ее истинности, означающее адекватное соответствие вынесенной заинтересованным субъектом оценки объективно совершенной, не противоречащей закону деятельности.

Квалификация — подлинный, хотя и субъективный образ правомерного поведения. Истинной является лишь такая квалификация, которая учитывает и правильно отражает: а) объективное и субъективное в деянии; б) элементы содержания реализуемой правовой нормы; в) правильную связь между деянием лица и требованием юридической нормы; г) итоговую политико-юридическую оценку правомерного деяния в адекватной форме; д) установленное законом соответствие принципам права. Критерием истинности юридической квалификации выступает юридическая практика правоприменения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Бабай А. Н.** Юридическая квалификация правового поведения личности: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. 15 с.

2. **Баранов В. М.** Юридическая квалификация правомерного поведения в процессе реализации норм советского права: понятие, необходимость, истинность // Актуальные вопросы советского права (теория и практика) / Отв. ред. В. А. Копылов. Казань, 1985. С. 12 — 14.

3. **Исаков В. Б.** Юридические факты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1984.

4. **Нечепурнов А. В.** Юридическая квалификация в правоприменительном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1986. 16 с.

Поступила 12.04.06.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

М. М. ВАСЯГИНА

Профилактика конфликтного противоправного поведения должна быть постоянным направлением деятельности органов государственной власти и общественности. Острота такой деятельности особенно ощущается в переломные периоды. Глубокие государственно-правовые изменения, происходящие сегодня в России, привели к значительному усилению социально-правовой напряженности, что диктует необходимость поставить нарастающей в обществе конфликтности определенные ограничительные рамки. В этом плане наиболее эффективными являются меры по предупреждению различного рода юридических конфликтов и противоправного, девиантного поведения в целом.

В юридико-конфликтологической литературе совершенно верно отмечается, что профилактические мероприятия требуют значительных материальных, физических и организационных затрат, сил и времени, но зато более оптимально предупреждают даже те минимальные негативные последствия, которые имеет любое конструктивно разрешенное противоборство, поэтому на предупреждение конфликтного поведения в правовой сфере должны быть направлены значительные усилия государства и всего общества.

Возможность возникновения и ход развития конфликта определяются реальными социальными процессами, которые поддаются научному исследованию. В профилактических целях в первую очередь большое значение будет иметь выявление причин, порождающих противоречия, из-за которых может возникнуть противоборство. Выявлению таких причин будут способствовать разнообразные социологические исследования. Например, в связи с тем, что различные правонарушения могут быть не только следствием конфликта, но и его причиной, необходимы постоянное их изучение и анализ на социологическом уровне.

Практически все стороны жизни нашего общества охвачены конфликтами. Особенно ими насыщены межнациональные отношения, что требует первоочередного внимания как государственных структур, так и широких кругов общественности. Одним из важнейших требований, предъявляемых в настоящее время ко всем, кто имеет право принимать политико-правовые решения на разных уровнях — федеральном, региональном, локальном, — является учет национального аспекта, предвидение возможного влияния принятого решения на межнациональные отношения.

© М. М. Васягина, 2006

В современной России ситуация в межнациональных отношениях характеризуется как интенсивным формированием национального самосознания, ростом интереса к национальной культуре, языку, государственности, повышенным влиянием к любым проявлениям несправедливости и притеснений в национальной сфере, так и ростом национального эгоизма, этноцентризма, стремлением к национальной обособленности и разного рода привилегиям по национальному признаку. Как все это выражается в массовом сознании? Так как причиной конфликта «является не объективная реальность, — как указывают Р. Фишер и У. Юри, — а происходящее в головах людей» [4, с. 38], то достаточно полная и своевременная информация об этом сделает возможным принятие оптимальных решений и поможет исключить ошибки, чреватые серьезными последствиями (ростом межнациональной напряженности, конфликтами).

В настоящее время существует большая необходимость в прогнозировании конфликтов в межнациональной сфере. Прогнозированию их могли бы способствовать социологические исследования, выявляющие, например: представления об ущемленности национальных интересов различных национальных групп; факты нарушения национальных прав, антиправомерных проявлений на национальной почве; мнения респондентов (опрашиваемых) по вопросу о приоритете прав различных национальных групп; оценки респондентами работы органов власти и управления по учету национальных интересов и защите национальных прав.

В практике социально-правовых исследований исходная эмпирическая информация может быть получена различными путями. Например, исследовательский прогноз, нацеленный на выявление ожидаемого проблемного состояния, использует для достижения своих задач практически весь набор методов конкретного социального исследования: анализ существующих документов, всестороннее и включенное наблюдение, опрос субъектов, других участников, заинтересованных лиц, экспертов [2, с. 11] и т. д. В основе регулятивного прогноза лежит гораздо более сложная идея, чем при исследовательском: не просто экстраполяция в будущее динамического ряда данных, закономерности развития которого в прошлом и настоящем известны, а оптимизация — выбор наилучшего из возможных — значения этих данных по заранее заданным критериям [1, с. 30 — 36].

Подготовка социологического исследования в прогнозной деятельности начинается с разработки программы (научного инструментария), от которой зависят содержание, полнота, результативность всего процесса. Программа исследования представляет собой теоретическое обоснование методологических, методических и технических основ исследовательской деятельности.

Разработка методологической части программы социологического исследования в прогнозно-правовой сфере состоит из: постановки проблемы, определения степени ее изученности; определения целей и задач; определения объекта и предмета; теоретической и эмпирической интерпретации

основных понятий; формулирования гипотез.

Большое значение в исследовании имеет также разработка методической части программы, состоящей из: определения обследуемой совокупности, обоснования выборки; разработки методики (выбора и обоснования методов сбора социологической информации, методов обработки и анализа данных).

Далее осуществляется разработка технической (процедурной) части программы: составляется план исследования, определяющий мероприятия поэтапного выполнения программы, сроки и исполнителей; определяется процедура исследовательской деятельности. Составляются другие необходимые документы в зависимости от выбранных методов проведения исследования: анкета, вопросник и т. д.

Когда подготовлены все необходимые для проведения исследования документы, начинается основной этап — сбор прогнозной информации.

Завершающим этапом исследования является обработка, итоговый анализ и обобщение всей собранной информации с целью выявления закономерностей и построения прогнозных оценок возникновения либо развития, изменения юридического конфликта, формирования выводов, профилактических предложений и рекомендаций.

В современный период преступность в России стала социально-правовой проблемой. И в качестве одной из причин, влияющих на рост преступности, можно назвать недостаточно эффективную работу правоохранительных органов. Использование результатов социологических исследований в деятельности органов внутренних дел, по нашему мнению, способствовало бы повышению эффективности борьбы с преступностью.

Возможны следующие направления использования результатов социологических исследований в работе ОВД:

1. Социологическое обеспечение планирования работы органов внутренних дел: разработка, анализ и апробирование социологических показателей, используемых при составлении планов и проектов; применение полученных показателей при моделировании деятельности ОВД;

2. Социологическое обеспечение различных сфер деятельности органов внутренних дел, которое включает, например, следующие мероприятия: социологическое исследование методов и стилей управления; социологический анализ состояния и результатов функционирования различных служб и подразделений ОВД; изучение морально-психологического климата в коллективах, изучение общественного мнения; исследование состояния служебных и внеслужебных отношений и др. Для деятельности по борьбе с преступностью большое значение имеют результаты следующих социологических исследований: измерение реального уровня преступности; изучение характера преступности; обобщение статистических материалов о распространенности преступности и установление количественных ее характеристик; анализ криминогенных ситуаций, позволяющий корректировать результаты статистических измерений состояния преступных деяний и определение их реальных размеров [3, с. 95 — 175];

3. Социологическое обеспечение кадровой и воспитательной работы: анализ отношения сотрудников к своей деятельности; определение уровня престижа профессии; оценка моральных и деловых качеств руководителей подразделений и отделов; исследование причин текучести кадров; изучение проблемы подготовки кадров, повышение их квалификации;

4. Социологическое обеспечение контроля деятельности ОВД: социологические работы по сбору и обобщению практической деятельности подразделений ОВД, а также социологические работы по распространению опыта деятельности лучших по своим показателям отделов и подразделений;

5. Социологическое обеспечение прогнозирования деятельности органов внутренних дел: прогнозирование темпов роста преступности, ее структуры; перспектив борьбы с преступностью; потребностей в кадрах (количественное и качественное); потребностей совершенствования материально-технической базы ОВД, и др.

Для научной обоснованности различных типов прогнозов в основу их составления должны быть положены данные социологических исследований. Например, прогноз оперативной обстановки (получение информации о возможных изменениях в криминогенной ситуации, которые могут произойти в прогнозируемый период, для того чтобы на основе полученных данных принять необходимые предупредительные меры), который сегодня делается органами внутренних дел, должен учитывать возможные социально-экономические и политические изменения в обществе. В связи с этим при прогнозировании для уточнения данных, полученных методом экстраполяции, должен всегда использоваться метод экспертных оценок (изучение мнения руководителей подразделений правоохранительных органов, их заместителей и сотрудников, имеющих наибольший практический опыт работы в перспективах развития оперативной обстановки). В ходе социологического исследования, а именно экспертного опроса, респондентам должны предлагаться вопросы, касающиеся как основных тенденций развития оперативной обстановки, так и наиболее важных факторов, способных повлиять на криминогенную ситуацию.

Для того чтобы более полно выявить факторы, оказывающие наиболее существенное влияние на состояние криминогенной ситуации, необходимо в анкете давать как закрытые, так и открытые вопросы, а точнее — смешанные.

В закрытых вопросах содержатся варианты возможных ответов, и респондент должен выбрать один или несколько из предложенных вариантов. «Такие вопросы предпочтительны, когда сущность, тенденции, структура и особенности явления хорошо изучены. Обязательным требованием при этом является то, что сформулированные ответы должны представлять собой полную систему, то есть все главные аспекты изучаемого правового явления, социально-правового факта должны быть затронуты» [5, с. 119]. В открытых вопросах не содержатся возможные варианты ответов.

Смешанные же вопросы не являются полностью открытыми или полностью закрытыми. Исследователь может предполагать, что какой-то из возмож-

ных вариантов ответа в подсказках не учтен, и поэтому сводит закрытый вопрос к полузакрытому, добавляя при этом подсказки типа: «другие причины», «другие факторы». Приведем пример смешанного вопроса:

«Факторами, оказывающими наиболее существенное влияние на состояние криминогенной ситуации, являются:

— снижение жизненного уровня граждан;

— рост числа граждан, не имеющих постоянного источника доходов;

— недостаточное финансирование органов внутренних дел;

— недостаточная оснащенность органов внутренних дел техникой и спецсредствами;

— алкоголизация населения;

— коррумпированность должностных лиц;

— несовершенство уголовного законодательства, в том числе неадекватная судебная практика, выражающаяся в чрезмерно мягких и оправдательных приговорах;

— текучесть кадров оперативного состава ОВД и, как следствие, низкая профессиональная подготовка сотрудников ОВД;

— другие факторы».

Итак, использование социологических исследований в деятельности органов внутренних дел способствует лучшему пониманию сотрудниками социальных причин преступности и условий противоправного поведения граждан, что помогает им в выработке тактики и стратегии борьбы с преступностью.

Как проводить социологические исследования и применять полученные результаты, необходимо учить уже в рамках первоначального профессионально-образовательного процесса. Поэтому в решении данной проблемы большую роль будет играть введение в учебные планы юридических факультетов учреждений среднего и высшего образования такой дисциплины, как социология права (юридическая социология).

Ее преподавание в техникумах и вузах, а особенно в юридических институтах и школах МВД РФ обусловлено настоятельной потребностью в улучшении профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, повышении их общей и профессиональной культуры, составным элементом которой является социологическая культура.

Потребность в социологическом образовании будущего юриста, несомненно, возрастает в условиях реформирования российского государства и права. Происходящие в стране процессы обновления, новизна и сложность задач, стоящих перед современной юриспруденцией, требуют новых подходов в теоретическом исследовании правового пространства. В данных условиях юридико-социологическое образование приобретает значительную практическую роль.

Изучение социологии предполагает овладение навыками ведения научно-исследовательской, оперативно-организаторской и управленческой работы будущими специалистами органов внутренних дел. Изучение социологии права имеет своей главной целью развитие социологического мышления слушателей, выработку у них навыков сбора социологической ин-

формации, ее обработки и анализа на основе знаний методологии, методики и техники конкретных социологических исследований в праве, помогает увидеть значение общетеоретических и прикладных знаний для юридической практики.

Социологически образованному студенту и слушателю значительно легче, чем неподготовленному, вести, например, научный анализ условий и причин совершения преступлений, усвоить суть социологических теорий причин преступности (неслучайно в США отрасль науки и учебная дисциплина, известная в Европе как «Криминология», называется «Социологией преступности»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Бестужев-Лада И. В.** Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации моделей общества. М., 1987. С. 136.
2. **Бестужев-Лада И. В.** Поисковое социальное прогнозирование: перспективные проблемы общества. М., 1984. С. 122.
3. **Конев А. А.** Преступность в России и ее реальное состояние. Н. Новгород: Государственная фирма «Сэтрик», 1993. С. 223.
4. **Фишер Р.** Путь к согласию, или переговоры без поражения / Р. Фишер, У. Юри. М., 1992. С. 158.
5. **Худойкина Т. В.** Юридическая социология. Учеб. пособие. Саранск, 2002. С. 392.

Поступила 22.06.06.

МОТИВЫ И СТИМУЛЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

М. М. ВАСЯГИНА
О. В. ЛЕВИН

Профессиональная деятельность юриста осуществляется в результате взаимодействия с другими людьми и предполагает обширную речевую практику, необходимость использования точных словесных выражений правовых понятий, категорий и сопряжена с подготовкой и оформлением большого количества правовых документов, передачей и получением информации в устной и письменной форме. «Достаточно сказать, что любой текст, написанный юристом, будь то проект соглашения, либо приговор суда, либо проект нормативного акта, в конечном счете, должен быть оглашен, доведен до сведения, согласован, выработан совместно», — отмечает А. Э. Жалинский [5].

Юридический диалог представляет собой непосредственный акт коммуникации партнеров при общении в

© М. М. Васягина, О. В. Левин 2006

юридической сфере, реализуемый с помощью слов и невербальных средств. Типичные единицы юридического диалога — высказывание, слушание и действие. Диалогическую речь нельзя спланировать, «запрограммировать», так как речевое поведение одного партнера зависит от речевого поведения другого.

Мотивы возникновения диалога в социокультурной, политической, юридической практике могут быть самыми различными, но имеется и общая для каждого из них мотивировка — наличие проблемной ситуации в той или иной ее диалектической форме. Данная ситуация может проявиться в энтропии, неупорядоченности, незнании информации. В таком случае налицо необходимость в консультации, беседе, учебном занятии, где проблемная ситуация может быть преодолена. В режиме подобной мотивации проводятся, в частности, юридическая консультация, допрос эксперта, свидетелей. Еще один мотив — различие в используемой терминологии, вызывающее спор, именуемый терминологическим. Терминологические соглашения в диалоге важны. Часто, когда в дискуссии принимают участие представители разных сфер знания, создается эффект недопонимания именно потому, что они говорят на «своих языках», свойственных их профессиональной области.

Мотивом возникновения юридического диалога, спора может быть несовпадение в толковании понятий, оказывающихся центром интересов в правовой жизни общества. Весьма активно в правоведении дискутируется вопрос о трактовке понятия «правовое государство». Сходный, но более фундаментальный мотив, — требование изменения в науке или социальной практике устаревшего категориального аппарата, всей системы понятий, характеризующих данную научную теорию, гуманитарную концепцию. Данные изменения иногда сопровождаются мотивацией необходимости сменить устаревшие ценности, идеалы, мировоззрение. Именно она характерна для современных острых обсуждений проблем правоведения.

Важным мотивом для спора выступают разногласия относительно принципов организации, проведения и окончания диалога, т. е. регламента. Вопросам регламентации судопроизводства уделяется большое внимание в гражданском процессуальном кодексе, где строго определены порядок возбуждения гражданского дела, язык судопроизводства, порядок разрешения вопросов судом, состав лиц, участвующих в деле, обязанности доказывания, оценки доказательств и т. д. Когда начинается содержательный диалог, обязательно следует договориться о регламенте.

Для характеристики личности юриста и правоведа существенное значение имеет анализ стимулов, побуждающих его к деятельности, мотивации его поведения. Храм правосудия — строение многосложное и по своей природе конфликтное. Разные люди пребывают в нем, различные цели они ставят перед собой и вершат разные дела. Одни пришли вершить суд честный и справедливый, другие — удовлетворить тщеславие победителя в споре, третьи — ради достижения утилитарных интересов.

Можно выделить четыре основные формы стимулирования и мотивации поведения, побуждающие юриста к деятельности: социальную, профессиональную, индивидуальную, утилитарную. Социальные стимулы и мотивы правового исследования отражаются прежде всего в форме гражданского осознания общественной необходимости юридической деятельности и правотворчества в целях поддержания и охраны законности и правопорядка, общественной или личной безопасности. Другое направление связано со стремлением к гуманистическому и справедливому устройству общества, в котором человек рассматривается не как средство достижения абстрактных, тоталитарных целей — реализации «высших» общественных интересов, а как самоцель и самоценность, как действительно высшее общественное достояние.

Актуальным стимулом правотворчества сегодня является сознательное следование цели построения правового государства, обеспечивающего равенство всех граждан перед законом и исполнение государством обязанности реализовать их общественные права и свободу личности. Немаловажна и патриотическая мотивация: боль за тяжелые испытания, переживаемые государством, обществом, отечеством, кризис в социально-экономической, политической и правовой жизни, желание внести вклад в устранение ситуации, сложившейся в стране. Проявление активности юристов-профессионалов в тесной связи именно с патриотической мотивацией стало в настоящее время заметным общественным явлением [7, с. 15].

К индивидуальным формам стимулирования и мотивации деятельности юриста относятся его психологические особенности: обостренное чувство сопереживания, несправедливости, риск и азарт.

Утилитарно-прагматические стимулы и мотивы поведения юриста совсем не обязательно обусловлены использованием неэтичных приемов и форм взаимодействия. Прежде всего, они порождаются стремлением добиться эффективности процесса юридического общения, найти оптимальные формы ведения правового исследования, одинаково удобные и корректные для каждого участника обсуждения. Это достигается при выполнении ряда принципов: осознания необходимости регуляции совместной деятельности юридических лиц, включенных в процесс правотворчества, судопроизводства или юридического диалога; эффективная реализация цели юридической деятельности в собственной сфере обязанностей; целесообразное моделирование юридического взаимодействия с учетом оптимальной тактики решения конкретных задач для достижения стратегической цели правового исследования. Определенное значение имеет и материальный интерес.

В общем виде юридический диалог — общение двух субъектов посредством языка. Проблема речевой коммуникации привлекала внимание еще со времен древности. В классической Греции истинная мудрость была неотделима от способности к воздействию и обоснованию, умения убеждать и защищаться, а значит, и от стихии устной речи. Практика выступления в народных собраниях, убе-

дительной, логически обоснованной защиты своей точки зрения привела к усовершенствованию искусства устной аргументации и, в конечном счете, к разработке приемов логического доказательства. Устное слово в Афинах могло решить судьбу и отдельного гражданина, и всего государства.

Диалог был не только формой общения, но и формой умственной деятельности для греческих ученых. В беседах проводили время ученики Сократа и философы платоновской Академии. Сократ говорил: «...кто умеет обходиться с людьми, тот хорошо ведет и частные и общие дела, а кто не умеет, тот и здесь и там делает ошибки» [8]. Платон считал, что общение между людьми должно строится на основе таких добродетелей, как справедливость, рассудительность, соблюдение нравственных норм. Он обращал внимание на способы ведения беседы, отразил многие тонкости диалогов различных собеседников, показал зависимость направленности мышления людей от характера и содержания их общения.

В беседе рождается знание, совершенствуется и передается другим. Среди древнеримских ораторов выделяют Цицерона. Широко известны его судебные и политические речи. Цицерон придавал особое значение выбору слов, утверждая, что речь должна восприниматься на слух. Большинство его речей имеют форму диалога: вначале описывается место действия, указывается повод к беседе, перечисляются ее участники, намечаются вопросы, подлежащие обсуждению. «Уже римские юристы и риторы видели риторичность юридических правил: презумпции, аксиомы, фикции есть тропы, фигуры. В конечном итоге, это есть средства общения или правила игры на смысловом поле юридического языка» [1].

Ежедневно юрист сталкивается с множеством людей, вступает в общение с ними, и от того, насколько умело он контактирует, быстро и эффективно это делает, будет зависеть результат его деятельности. Умение расположить человека к себе, завоевать его доверие позволяет установить доверительные отношения, получить от него оперативно значимую информацию. Еще Цицерон говорил, что истинный законовед — «это тот кто, кто сведущ в законах и обычном праве... и который умеет подавать советы, вести дела и охранять интересы клиента» [2].

Виды юридического диалога существенно отличаются друг от друга, подчиняясь содержательной стороне разговора, его целям и задачам, языковой организации (структуре и характеру чередования реплик), языковому «наполнению» (выбору лексики, стиля речи) и другим факторам. Процесс двустороннего общения происходит в конкретной юридической ситуации, в которой каждый из участников попеременно выполняет роль говорящего/слушающего. Результатом принятия и передачи высказываний является сочетание реплик, комбинирующих в зависимости от целей коммуникации каждого участника и составляют определенные высказывания и ответы. Юридический диалог представляет собой не один какой-то вид речевой деятельности его участников, а речевой акт (обмен информацией), в

котором говорение и слушание — неразрывно связанные виды речевой деятельности.

Юридический диалог складывается из трех основных компонентов — умения:

1) вести себя, т. е. грамотно проявлять свои чувства, выбирать подходящие в данной ситуации вербальные и невербальные формы поведения, чтобы быть понятным;

2) понимать партнера, т. е. «читать» по внешнему поведению его мысли и чувства, предугадывать его намерения;

3) видеть и слышать партнера, т. е. быть внимательным к его поведению, словам, интонациям, замечать перемены во внешнем облике, не пропускать то, что он говорит.

Наилучшим для плодотворного диалога будет такое отношение к собеседнику, которое абсолютно исключает любые проявления неуважения. Главная черта юридического диалога — целеустремленность. Целенаправленность речевого действия — это очевидные или скрытые цели говорящего/слушающего (например, сообщение о чем-то, вопрос, совет и т. п.). Для того чтобы достичь своих целей, каждый из собеседников реализует собственное намерение, побуждая партнера к определенным речевым действиям.

В процессе речевой коммуникации юрист должен, вместо того чтобы произносить безапелляционные монологи, преобразовать идеи в форму вопросов, апробировать их в беседе с клиентами, посмотреть, поддерживаются они или нет. Уже сам факт вопроса демонстрирует желание участвовать в общении, обеспечивает его дальнейшее течение и углубление. Диалог — речь, состоящая из реплик. Это подтверждает Н. Ю. Шведова, когда пишет: «Диалог как языковая форма есть обмен такими высказываниями, которые естественно порождаются одно другим в процессе разговора» [9].

Речевая юридическая коммуникация представляет собой процесс общения двух или более партнеров, поэтому в рамках одного речевого акта каждый из них поочередно выступает в качестве слушающего и говорящего. «Диалог — это процесс взаимного общения, когда реплика сменяется ответной фразой и происходит постоянная смена ролей» [4]. Поскольку в диалоге каждая реплика предполагает появление следующей, то статус предъявляемой в ней информации никогда не бывает окончательным, пока не получит подтверждения в ходе дальнейшей беседы. Общий предмет юридического диалога определяется с помощью некоторой совокупности вопросов.

В юриспруденции выделяют два класса диалогов: информационный и интерпретационный. Информационный диалог характерен для ситуаций, в которых к началу общения между партнерами имеется разрыв в знаниях. Интерпретационный диалог отличается тем, что знания у партнеров примерно равны, но получают разную интерпретацию.

Профессиональная деятельность юриста реализуется в межличностных коммуникациях. Эффективная коммуникация, сотрудничество и цивилизованное разрешение спорных вопросов возможны лишь в том слу-

чае, если признается и уважается достоинство других людей. Юрист обязан строить отношения с учетом особенностей личности собеседника, его чувств и психического состояния. В речевой юридической коммуникации недопустимы фамильярное обращение, заискивание, бездушное отношение, беспринципность, отсутствие определенной линии поведения. В то же время самообладание, такт, настойчивость, принципиальность вызывают уважение к юристу как должностному лицу и личности [3].

Осуществление любой формы речевой юридической коммуникации — консультации или допроса, судебных прений или переговоров — требует кроме специальной подготовки овладения стратегическими и тактическими навыками. Верный выбор тактических средств ведет к ее оптимизации, а также к эффективному решению поставленных стратегических задач.

Под коммуникативно-речевой стратегией понимается «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [6]. В юридической сфере это линия речевого поведения, которую избирает юрист для выполнения коммуникативной задачи, достижения своих целей в речевом взаимодействии. Стратегия его речевой коммуникации охватывает всю область построения процесса речевого общения и включает ориентировку в ситуации общения, планирование речевого взаимодействия в зависимости от конкретных условий коммуникации и личности собеседника.

К стратегическим элементам речевой юридической коммуникации можно отнести выбор цели, ситуации, условий общения, объекта речевой юридической коммуникации. Ее цель — предвидимый результат социально-речевого взаимодействия, на достижение которого направлены усилия сторон. Цель взаимосвязана с параметрами речевой деятельности юриста и с характером ситуации общения. Многообразие форм речевой коммуникации определяет различные стратегии. Например, консультирование предполагает взаимную передачу информации. Поэтому было бы глупо и методически неверно стремиться к любым конфликтам в такой коммуникации, чтобы утвердить свое мнение во что бы то ни стало. При проведении переговоров основной целью является решение конкретной проблемы. В судебных прениях стратегическая цель заключается в нахождении объективной истины при реконструкции исследуемых событий и фактов. Ошибки в выборе стратегии речевой юридической коммуникации ведут к неэффективности и прекращению коммуникативного процесса.

Коммуникативно-речевая стратегия характеризуется установлением определенных отношений между участниками процесса коммуникации и реализуется с помощью ряда коммуникативно-речевых тактик. Коммуникативно-речевая тактика — совокупность практических ходов, речевых действий в реальном процессе речевого взаимодействия юриста с другими людьми. Это система коммуникативно-речевых приемов, в совокупности выполняющих ту или иную функ-

цию, служащую наряду с другими для осуществления одной из коммуникативно-речевых стратегий. Речевое действие — элементарная единица речевого общения, произнесение говорящим высказывания в непосредственной ситуации юридической коммуникации.

Тактика речевой коммуникации определяется системой оперативных методов, приемов и средств, используемых при обсуждении проблемы и ориентированных на эффективную реализацию поставленных стратегических целей. В юридической практике она включает конкретные приемы привлечения внимания, установления и поддержания контакта с партнером и воздействия на него, убеждение или переубеждение, приведение его в определенное эмоциональное состояние и т. д. Несоответствие тактических средств, приемов влечет деформацию процесса общения. Например, к адвокату, позволившему себе разговаривать на повышенных тонах в конфликтной манере, а не в вежливой, тактичной форме, данный клиент больше не обратится и не посоветует делать это другим.

Речевая коммуникация может одновременно решать разные задачи (обмен информацией и демонстрация отношения друг к другу, взаимное влияние и взаимное понимание, продуктивное сотрудничество, стремление к сближению целей, улучшение партнерских отношений). Эффективность ее в первую очередь связывается с задачами речевого воздействия. Причем область, доступная для последнего, может быть расширена до различного использования языка: от неформальной беседы (разговора), юридической консультации до судебных прений. Для юриста важно не только правильно и умело общаться с людьми, но и уметь оказывать психологическое влияние на них: склонять к своей точке зрения, убеждать, стимулировать положительные проявления в их поведении, принуждать к даче правдивой информации и т. п. Всегда необходимо помнить, что юрист часто вступает в общение не потому, что его просто интересует этот человек, а для того чтобы изменить его позицию, его отношение. Именно психологическое воздействие при общении с ним позволяет добиться этого. Эффект речевой коммуникации в юридической практике наблюдается в изменении поведения собеседника, которое происходит в результате принятия им сообщения. Итогом могут быть изменения в знаниях, установках, поведении.

Диалогическая практика в различных сферах ее проявления — юриспруденции, политике или деловом общении — обычно имеет конфликтный, состязательный характер столкновения противоположных интересов, стремлений и форм поведения. Эта «спортивная» сторона диалога и становится причиной, обусловливающей возникновение этической проблематики в диалогике и настоятельную потребность специального изучения механизмов регулирования и контроля моральных норм поведения полемиста в ходе обсуждения спорных вопросов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Александров А. С.** Юридическая техника — судебная лингвистика — грамматика права // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 104.
2. **Алексеев С. С.** Введение в юридическую специальность. М.: Юрид. лит., 1976. С. 94.
3. **Афанасьева О. В.** Этика и психология профессиональной деятельности юриста / О. В. Афанасьева, А. В. Пищелко. М.: Академия; Мастерство, 2001. С. 91.
4. **Гойхман О. Я.** Основы речевой коммуникации / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. М.: Инфра-М, 1997. С. 131.
5. **Жалинский А. Э.** Профессиональная деятельность юриста. М.: БЕК, 1997. С. 185.
6. **Клюев Е. В.** Речевая коммуникация. М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 2002. С. 18.
7. **Солодухина А. О.** Юридический диалог: Теория и практика, круг проблем / А. О. Солодухина, О. А. Солодухин. М.: Экспертное бюро, 1998. С. 15.
8. **Столяренко Л. Д.** Психология и этика деловых отношений. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. С. 145.
9. **Шведова Н. Ю.** Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 281.

Поступила 03.07.06.

СРЕДСТВА СТИМУЛИРОВАНИЯ В ПРАВЕ

О. В. ЛЕВИН

Стимулирование в праве можно рассматривать в нескольких аспектах. Перспективным научным направлением является изучение данного явления в инструментальном разрезе. Инструментальный подход позволяет исследовать правовое стимулирование как специфическую систему средств правового стимулирования, использование которых позволяет существенно повысить уровень социальной активности населения.

Стимулирование в праве можно в общем определить как осуществляемую с помощью определенных правовых средств деятельность, направленную на упорядочение и развитие общественных отношений, исходя из потребностей общества и государства.

Правовое стимулирование имеет те же особенности, что и правовое регулирование, а именно:

а) действие правовых стимулов всегда имеет целенаправленный характер; это конкретно выражается в том, что стимулирующий субъект, желая добиться возникновения социально-активного поведения, с помощью правовых норм целенаправленно воздействует на стимулируемого субъекта;

б) правовое стимулирование осуществляется с помощью правовых средств, которые свойственны праву как нормативному институциональному образованию;

в) правовое стимулирование осуществляется через особый механизм.

© О. В. Левин, 2006

Механизм правового стимулирования представляет собой совокупность внутренне организованных правовых средств, при помощи которых обеспечивается возникновение и развитие стимулирующих правоотношений.

Средства правового стимулирования — это часть применяемых правовых средств. Поэтому прежде чем говорить о средствах правового стимулирования, мы должны установить, что же такое правовые средства. Вопрос, весьма неоднозначно решаемый юридической наукой.

По мнению С. С. Алексеева, правовые средства можно определить как «объективированные субстанциональные правовые явления, обладающие фиксированными свойствами, которые позволяют реализовать потенциал права, его силу» [1, с. 155 — 156]. Он классифицирует правовые средства в зависимости от уровня, на котором рассматривается юридический инструментарий. Таких уровней, по его мнению, существует три:

первый — это уровень первичных правовых средств (юридическая норма, субъективные юридические права и юридические обязанности);

второй — это уровень сложившихся правовых форм, представленных разнообразными юридическими институтами в виде правовых режимов, комплексов взаимосвязанных правовых образований;

третий — операционный уровень в виде конкретных юридических средств, используемых субъектами правоотношений (например, договор).

В. А. Сапун понимает правовые средства как «институциональные образования (установления, формы) правовой действительности, которые в своем реальном функционировании, использовании в процессе специальной правовой деятельности приводят к достижению определенного результата в решении социально-экономических, политических, нравственных и иных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством на современном этапе» [3, с. 21].

На наш взгляд, более точно определяет природу правовых средств А. В. Малько, который рассматривает правовые средства как «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей» [2, с. 360].

По мнению А. В. Малько, следует выделять средства-установления и средства-деяния. Выделение данных групп обусловлено тем, что правовые средства включают «как фрагменты идеального (инструменты, средства-установления — субъективные права, обязанности, льготы, запреты, поощрения, наказания и т. д.), так и фрагменты реального (технология, средства-деяния, направленные на использование инструментов, — прежде всего акты реализации прав и обязанностей)» [2, с. 360].

На наш взгляд, правовые средства — это особые инструменты действия права и закона, позволяющие субъектам удовлетворить свои потребности и интересы. Правовые средства выражают социальную ценность права. Они содержат в себе потенциальную возможность добиться субъектам определенных, желанных для них ре-

зультатов. Поэтому признание того или иного явления правовым средством должно осуществляться исходя из его функционального предназначения. Правовыми средствами могут выступать только те явления, которые являются способами оптимального решения целей и задач, стоящих перед обществом и государством.

Средства правового стимулирования — это правовые явления, результатом действия которых является возникновение социально активного поведения стимулируемого субъекта. Именно на их примере наиболее ярко видна сила, которая заложена в праве, юридическая энергия, выражающая ценность правового стимулирования.

Средства правового стимулирования носят объективно-необходимый характер. Они позволяют, используя весь потенциал правового стимулирования, быстро и качественно решать задачи, стоящие перед обществом и государством в каждый конкретный период времени.

Сегодня значение юридической науки существенно возрастает. Успех реформ зависит от настроения российских граждан, их желания быть активными участниками коренных преобразований, проводимых в стране. Поэтому весьма остро стоит проблема выявления и закрепления средств правового стимулирования, с помощью которых возможно оптимальное удовлетворение интересов личности и всего общества в целом.

От правильного выбора правовых средств зависит эффективность правового стимулирования, а в конечном счете и эффективность правового регулирования в целом.

В связи с этим в обществе и государстве должны присутствовать три элемента:

— представление о праве как о публично-правовой возможности человека реализовать себя;

— позитивное действующее законодательство, выраженное в нормативно-правовых актах и иных источниках права и закрепляющее правовые требования и возможности;

— правовые средства реализации позитивного законодательства.

Данные элементы необходимы для существования и развития права в целом и правового стимулирования в частности.

Средства стимулирования в праве определяют качество работы правовых стимулов. От их характера и содержания во многом зависит специфика правового стимула как комплексного института права. Неверный выбор средств правового стимулирования, заложенный в нормативной основе правового стимулирования, приводит к снижению правового эффекта.

Методологическое значение категории «средства правового стимулирования» заключается в следующем:

— понятие «средства правового стимулирования» позволяет обобщить все правовые явления, которые способны обеспечить достижение целей правового стимулирования;

— понятие «средства правового стимулирования» дает возможность выразить функциональную сторону правового стимулирования, его прикладной аспект.

Изучение правового стимулирования с точки зрения инструментального подхода позволяет решать пробле-

мы повышения эффективности воздействия правовых стимулов на сознание и психику человека. Знания в данной области составляют научную основу, на базе которой возможна разработка конкретных предложений, направленных на достижение социально значимой цели наиболее оптимальным путем.

Категория «средства правового стимулирования» позволяет установить место и роль правового стимулирования в механизме правового регулирования.

Средства правового стимулирования являются своеобразным посредником между поставленной целью и конечным результатом. Цель определяет средства, обусловливает выбор конкретных правовых средств, поэтому дальнейшее исследование необходимо проводить в контексте целей и результатов.

Цель правового стимулирования — воспитание социально активного субъекта, способного повысить духовное и материальное благосостояние в узком (свое собственное) и широком (всего общества) смысле слова.

Как добиться поставленной цели?

Мы считаем, что действующее законодательство должно базироваться на инструментальных свойствах правовых стимулов, заложенных в природе права в целом.

Во-первых, правовой стимул как публично-правовая возможность лица должен иметь свое материальное выражение в виде конкретной юридической нормы, закрепленной в соответствующем нормативно-правовом акте.

Во-вторых, правовой стимул должен быть качественно определен. Средства правового стимулирования должны обеспечивать в обществе реальные условия самореализации личности, быть нацелены на решение важнейших задач социально-экономического развития общества.

В-третьих, правовой стимул должен быть гарантирован государством. У лица должна иметься реальная возможность с помощью различных правовых средств реализовать свои потенциальные возможности и стать активным участником преобразований российского государства.

Средства правового стимулирования весьма разнообразны. К их числу можно отнести: юридические нормы, стимулирующие правоотношения, правомочия, компетенцию, субъективные права и обязанности, акты применения права, юридическую технику.

Существенное значение для практического освоения средств правового стимулирования имеет уровень правосознания и правовой культуры лица, поскольку от него во многом зависит реальная готовность лица быть активным участником общественных отношений.

Средства правового стимулирования обязательно должны быть нормативно определены. В противном случае они не существуют. Иными словами, средства правового стимулирования могут использоваться субъектами только в тех случаях и в том порядке, которые предусмотрены нормативно-правовыми актами.

Так как средства правового стимулирования — это составная часть правовых средств, то можно сказать, что и они «являются звеньями целостности права в его инструментальном понима-

ции» [3, с. 21]. Между всеми средствами правового стимулирования имеется глубокая связь. С одной стороны, каждое средство правового стимулирования — это отдельный элемент правовой действительности; с другой стороны, их совокупность образует особый механизм правового стимулирования.

Средства стимулирования в праве можно классифицировать по различным основаниям.

1. В зависимости от характера действия правовых стимулов по кругу лиц:

— общие правовые средства (они носят универсальный характер, могут быть использованы всеми субъектами; к их числу относят: юридические нормы, правоотношения, субъективные права и юридические обязанности);

— специальные правовые средства (связаны с действиями конкретноголица, а именно: акты применения права).

2. По количественному составу применяемых правовых средств:

— простые (используется одно правовое средство для решения конкретной задачи, например, предприниматель реализует свое право на льготу);

— сложные (сочетание нескольких правовых средств, позволяющее создать особый правовой режим, например, режим свободных экономических зон).

3. По характеру деятельности:

— правовые средства, используемые стимулирующими субъектами (в частности, правовые средства, обеспечизающие закрепление правовых стимулов в нормативно-правовых актах, в виде юридической терминологии, юридических конструкций, права законодательной инициативы);

— правовые средства, используемые стимулируемыми субъектами (юридические нормы и реализуемые на их основе субъективные права и правовые возможности).

Правовые средства, применяемые в процессе правового стимулирования, можно разделить на две группы: инструменты и средства-деяния.

Правовые средства-инструменты — это юридические нормы, закрепляющие правовые стимулы. Они носят статистический характер; так, в большинстве случаев только от самого субъекта зависит их реальное использование. Правовые нормы содержат идеальную модель, реализация которой на практике и приведет к желаемым результатам.

Вторая группа правовых средств связана с правовым стимулированием как с разновидностью юридической деятельности. Правовое стимулирование в этом случае выступает в виде совершения лицом действий, рекомендуемых соответствующими юридическими нормами. Применяемые правовые средства характеризуются следующими моментами:

— они связаны с активным использованием правовых стимулов;

— находятся в динамике;

— выражаются в виде актов реализации правовых стимулов, представленных решениями компетентных государственных органов, а также иных стимулирующих субъектов (например, приказ о поощрении государственного служащего, решение о выделении гранта на проведение научно-исследовательских работ). Данные решения признают действия субъекта социально полезными, заслуживающими соот-

ветствующей награды (этап юридического признания заслуг лица).

Правовые средства следует рассматривать не только как сугубо субстанциональные феномены, «ведь результат невозможно получить только посредством субстанциональных явлений, которые автоматически не приводят к нужному эффекту. Требуются еще и деяния, усилия, активность, связанная с использованием предоставленных в законодательстве инструментов» [2, с. 363].

Средства правового стимулирования относятся к разряду средств автономного регулирования. Правовое стимулирование предполагает активную деятельность стимулируемых субъектов. Они вольны в выборе правовых средств, юридическая энергия исходит в большей степени от них самих. Реализация правовых стимулов осуществляется через особый механизм. Средства правового стимулирования обеспечивают его единство и эффективность.

Механизм правового стимулирования с точки зрения инструментального подхода представляет собой совокупность правовых средств, при помощи которых реализуются правовые стимулы в процессе практической деятельности субъектов права. Механизм правового стимулирования — это система средств, обеспечивающих возникновение и развитие социально активного поведения индивида.

Процесс правового стимулирования с точки зрения инструментального подхода, на наш взгляд, складывается из двух этапов:

— принятия юридических норм, закрепляющих правовые стимулы;

— их реализации (показывают реакцию субъекта на правовое воздействие правовых стимулов: совершает он рекомендуемые действия или нет).

Результаты правового стимулирования зависят от наличия отработанных юридических механизмов, характера социально-экономической среды, взаимосвязей между ними. Иными словами, реакция субъектов на воздействие правовых стимулов зависит от количества и качества юридических норм, регламентирующих стимулирующие отношения. Достижение конкретных результатов во многом зависит также от точной реализации принципов правового стимулирования, выступающих в качестве концептуальных идей процесса правового стимулирования.

Практика — это критерий истинности теории. «Только практика может дать ответ на вопрос о том, насколько правильно в субъективном познании отражена объективная действительность. Таким образом, только через познание практики, через изучение объективной реальности можно прийти к выводу об истинности представлений, понятий, теорий» [4, с. 41].

Взаимоотношения теории правового стимулирования и практики весьма разносторонни. С одной стороны, практика позволяет определить истинность познания правовых стимулов. С другой стороны, сделанные в результате этого выводы носят не только теоретический, но и практический характер. Мнение исследователя может и должно быть направлено на повышение эффективности правотворческой, правоприменительной деятельности. Иными словами, взаи-

мосвязь теории правового стимулирования и практики ее реализации такова, что они оказывают непосредственное влияние друг на друга.

Добиваясь целей правового стимулирования, важно не впадать в крайности. Нельзя, с одной стороны, недооценивать инструменты и технологии правового стимулирования, а с другой — переоценивать их.

Средства правового стимулирования — это составная часть правовых средств в общетеоретическом смысле слова. Их воздействие на общественные отношения весьма разностороннее, что находит свое выражение в выполняемых ими функциях: воспитательной, регулятивной, оценочной. Средства правового стимулирования:

— воспитывают социально активного субъекта;

— регулируют стимулирующие отношения, устраняют препятствия, мешающие их дальнейшему развитию;

— позволяют определить уровень развития данного общества с точки зрения использования всех ресурсов права.

Правовое стимулирование позволяет создать необходимые условия для реализации интересов общества и индивида. Тем самым, оно направлено на развитие тех социальных связей, в основе которых лежит свобода воли.

Традиционно в юриспруденции различают два метода правового регулирования: метод децентрализованного регулирования и метод императивного регулирования.

Первый метод характерен для отраслей частноправового характера. Второй используется в публично-правовых отраслях.

Правовое стимулирование нацелено прежде всего на удовлетворение собственных интересов как стимулирующего, так и стимулируемого субъектов. Отношения между ними строятся на равноправной основе. Следовательно, правовое стимулирование базируется на методе децентрализованного регулирования.

Какие способы использует правовое стимулирование? Из известных трех способов (предоставление субъективных прав, обязывание, запрет) к процессу воздействия правовых стимулов имеет прямое отношение только предоставление стимулируемому субъекту субъективных прав в виде дозволения получить вознаграждение, премию, правовую льготу.

Выделение трех основных способов правового регулирования обусловлено регулятивным статистическим и динамическим действием права.

На наш взгляд, сегодня можно говорить о расширении воздействия права на общественные отношения. Это находит выражение в появлении новой функции права — функции стимулирования социально активного поведения. Развитие общества привело к тому, что сегодня правовой стимул можно рассматривать как один из основных, весьма перспективных способов правового регулирования.

Как известно, юридическая наука выделяет два типа правового регулирования: общедозволительный и разрешительный.

Мы считаем необходимым выделить еще один тип правового регулирования — стимулирующий, или рекомендательно-поощрительный. Его выделение связано с той ролью, которую се-

годня должны играть правовые стимулы в жизни российского общества. Правовой стимул — это не просто дозволение, это гораздо более глубинное правовое явление, использование которого позволяет формировать активную жизненную позицию лица.

Стимулирующий тип правового регулирования позволяет показать черты права как меры свободы, равенства, справедливости и ответственности во взаимоотношениях социальных субъектов.

Содержание стимулирующего типа правового регулирования и соответствующий ему набор средств правового стимулирования зависят от характера стимулирующих отношений, уровня правовой культуры личности и общества, воли законодателя.

Выделение нового типа правового регулирования из состава общедозволительного отвечает закономерностям общественного развития, позволяет повысить эффективность и надежность права.

Стимулирующее регулирование — это такой порядок поздействия системы средств правового стимулирования на сознание и психику индивида, в основе которого лежит нормативная рекомендация использовать определенные правовые средства, подкрепленная законодательно закрепленной возможностью получить соответствующую награду.

Правовое стимулирование должно стать фундаментом механизма правового регулирования российского общества. Это обусловлено необходимостью усиления роли права в жизни общества как средства обеспечения общественного согласия. Сегодня правовые начала должны быть направлены на обеспечение стабильности и порядка в нашей жизни, согласования и координации интересов различных групп и слоев населения. Правовое стимулирование должно занять ведущее место в механизме обеспечения общественного согласия. Успех российских реформ во многом зависит от включения в правовое регулирование механизма саморегуляции, основанного на индивидуальной воле лица. Правовое стимулирование — это сочетание нормативного и индивидуального правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Алексеев С. С.** Теория права. М.: Изд-во БЕК, 1994. С. 155 — 156.

2. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие/ Под ред. М. Н. Марченко. М.: Юристъ, 2002. С. 359, 360, 363.

3. **Сапун В. А.** Теория правовых средств и механизм реализации права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. ю. н. Н. Новгород. 2002. С. 21.

4. **Халфина Р. О.** Общее учение о правоотношении. М., Юридическая литература, 1974.

Поступила 03.07.06.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ФОРМ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ СПОРОВ И КОНФЛИКТОВ*

В. Ф. ЛЕВИН, кандидат юридических наук
А. А. БРЫЖИНСКИЙ, кандидат юридических наук
Т. В. ХУДОЙКИНА, доктор юридических наук

Специфика юридического урегулирования споров и конфликтов заключается в его регламентированности правовыми нормами. Споры и конфликты легче разрешить, когда известны правила взаимодействия сторон и возможные последствия рассмотрения проблемы. В состоянии же неопределенности это сделать сложнее. Но иногда чрезмерная формализация действий и отношений конфликтующих сторон, характерная для юридических процедур, начинает препятствовать договоренностям. В таких случаях выгоднее и эффективнее воспользоваться неформальными, негосударственными формами разрешения разногласий и противоборств. Они рассматриваются как альтернатива государственному правосудию и поэтому называются альтернативными.

Раскроем перспективы развития некоторых альтернативных форм разрешения правовых споров и конфликтов в Российской Федерации.

Переговорный процесс как альтернативная форма разрешения конфликтов представляет наибольший интерес для определения перспективного развития системы альтернативного разрешения в связи с незначительной практикой их применения и слабой научной разработанностью, и в то же время большей эффективностью в разрешении юридических конфликтов, в отличие от других альтернативных способов и тем более от официального судопроизводства.

Почему же переговоры, являясь самым эффективным способом урегулирования разногласий и противоборств, остаются до сегодняшнего дня малоприменяемыми?

В нашей стране в результате почти векового централизованного руководства всеми сферами государственной и общественной жизни сложился подход к разрешению споров и конфликтов в основном властными полномочиями правительственных и судебных органов. Поэтому сейчас требуется время для изменения данного сложившегося стереотипа и немаловажная роль в этом принадлежит праву.

Рассматривая соотношение правового регулирования и реальных стереотипов поведения, А. Б. Венгеров отмечает, что если при конструировании правовой нормы, моделирующей то или иное поведение, не будет учи-

© В. Ф. Левин. А. А. Брыжинский, Т. В. Худойкина, 2006

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-00224а.

тываться сложившийся стереотип поведения, она может потерять всякое свое значение, и наоборот, право иногда становится необходимым, чтобы преодолеть сложившийся социально-негативный стереотип поведения [1, с. 362]. Последнее замечание в полной мере относится к альтернативным процедурам в целом и к переговорам в частности. Но поскольку переговоры относятся к нерегламентированным законом приемам урегулирования разногласий и противоборств, то здесь речь может идти только о постепенном изменении правового сознания, о формировании новой правовой культуры, в связи с чем представляется, что в преодолении стереотипности поведения применительно к переговорам следует ориентироваться в первую очередь на научное и профессиональное правосознание. Также не следует откладывать на последний этап и повышение обыденного уровня правового сознания. Это необходимо в связи с тем, что для проведения переговоров непосредственно субъектами конфликта последние должны понимать их значимость и обладать информацией о правилах применения данной процедуры. Теоретические знания позволят успешно пользоваться различными механизмами переговорного процесса.

Вообще, основной причиной крайне редкого обращения к переговорам, на наш взгляд, является отсутствие представлений об этой процедуре как эффективной форме выхода из конфликта и непосредственных навыков ведения переговоров.

Что же необходимо сделать для понимания практикующими юристами, общественностью значимости и сущности переговоров и постепенного их распространения как реальной формы разрешения конфликтов?

Во-первых, прежде всего необходима разработка отечественной теории переговоров, ориентированной на особенности российской правовой системы. Этому должно быть уделено особое внимание. Ведь переговоры — это не только самостоятельная форма разрешения конфликтов, они также могут быть частью любой другой альтернативной процедуры (переговоры используются в ходе посредничества, при достижении соглашения в рамках третейского разбирательства, при заключении мирового соглашения в судах и т. д.). В основу развития такой теории могут быть положены результаты уже существующих отечественных научных разработок в сочетании с использованием развитого зарубежного опыта.

Во-вторых, важно овладение теорией переговоров как на профессиональном, так и на обыденном уровнях. Переговоры как форма разрешения правовых споров и конфликтов составляют в основном прерогативу юридической профессии, поэтому в данном случае имеется в виду профессиональный уровень правосознания прежде всего юристов-практиков. Сегодня необходима более углубленная ориентация студентов юридических вузов на овладение теорией и практическими навыками ведения переговоров.

Первоначальной базой для внедрения в учебный процесс теории переговоров могли бы стать уже имеющиеся курсы. Например, «Юридиче-

ская конфликтология» если ведется в вузе, если нет, то при изучении «Юридической психологии» студенты должны получать больше сведений в этой области, в разделе, посвященном, например гражданскому судопроизводству, их внимание должно обращаться на мастерство судьи в организации переговоров с целью урегулирования спора на стадии досудебного рассмотрения. Преподавание должно строиться на интенсивном тренинге, либо в рамках этих учебных курсов, либо курса по альтернативному разрешению споров, либо в виде самостоятельной дисциплины.

При рассмотрении переговорного процесса обращает на себя внимание то, что не всякие отношения сторон во время разрешения спорных вопросов основаны на письменных договорах или иных правоустанавливающих документах. Поэтому желательно во многих случаях оформлять результаты переговоров в форме юридического (правового) заключения (договора).

Важно составление протоколов переговоров, которые подписываются сторонами, что позволит избежать многих ошибок и не доводить дело до обращения в суд. Ход переговоров и его результаты в обязательном порядке должны быть отражены в соответствующем протоколе, подписываемом всеми участниками мероприятия или уполномоченными представителями в двух экземплярах, если в переговорах участвуют две стороны (по одному с каждой стороны). Необходимо иметь в виду, что протокол переговоров является документом, имеющим существенное правовое значение, а поэтому он должен быть как по форме, так и по содержанию юридически выверенным и грамотным, полным, конкретным, последовательным и в формулировках не допускающим какого-либо двойного толкования.

Для подготовки, участия в переговорах и составления протокола желательно приглашение юриста из адвокатской коллегии, который специализируется на подобного рода деятельности. В любом случае затраты на такое приглашение будут несравнимы с теми потерями, которые сторона может понести, если дело окажется в суде, будет затянуто или приобретет характер острого конфликта.

Хотя переговорный процесс как форма разрешения правовых конфликтов и не нуждается в подробной законодательной регламентации, тем не менее отдельные правовые нормы могли бы активизировать применение данного института. Например, в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации можно ввести в главу 15 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение» нормы о процедуре переговоров, которыми бы регулировались следующие вопросы: что такое переговорный процесс, в чем он выражается, каким требованиям должен соответствовать, какие цели должен преследовать, на какой правовой основе должен базироваться и кто может проводить переговоры.

Сегодня необходимо и возможно на основе научных разработок ученых по общей и юридической конфликтологии создать нормативные документы рекомендательного характера, регламентирующие проведение переговорного процесса, что позволит упорядочить эти процедуры и будет стиму-

лировать более широкое их использование. В этих целях можно предложить типовые документы, в которых фиксируется согласие участников на досудебное разрешение споров и конфликтов (возможность переговорного процесса, которая декларируется в договоре, должна быть достаточно полно регламентирована, чтобы оказаться не формальной, а надежной альтернативой судебному разбирательству), их права и обязанности при проведении переговоров и др. Конечно, нельзя предусмотреть разнообразие договоренностей, однако, необходимо отметить, что очень важно предусмотреть в документах условия переговоров и их конкретизацию, с тем чтобы в дальнейшем избежать затяжных судебных процедур и еще более затяжного исполнительного производства.

Нуждается в дальнейшем преобразовании и развитии претензионный порядок как самостоятельный, альтернативный способ урегулирования споров и конфликтов.

Устранение обязательности применения претензионного порядка в виде общего правила явилось важным шагом на пути развития уже существующих в России частных альтернативных форм разрешения конфликтов. Но нет необходимости отказываться от самой правовой идеи, которая длительное время была неотъемлемой частью общей системы по урегулированию споров. Обязательность претензионного порядка обосновывалась в нормативных документах и в юридической литературе принципом солидарности хозяйственных интересов социалистических организаций, их обязанностью активно сотрудничать друг с другом в деле выполнения народнохозяйственных планов, оказывать друг другу в рамках закона взаимную помощь с целью повышения качественных и количественных показателей производства. И если не принимать во внимание определенную идеологическую направленность в развитии этой процедуры, то она сама по себе обладала ценными качествами. Ее реальное применение на практике значительно сокращало количество хозяйственных споров, поэтому многие теоретические разработки советского периода относительно правовой природы претензионного порядка урегулирования разногласий должны быть восприняты и продолжены в современных специальных исследованиях с целью развития российских альтернативных процедур.

Одним из сдерживающих факторов в развитии данной альтернативной формы является сегодня отсутствие документа, на который субъекты конфликта могли бы ориентироваться при выборе претензионной процедуры. На наш взгляд, необходима разработка в соответствии с требованиями современности единого Положения о претензионном порядке урегулирования споров и придание ему статуса модельного, рекомендательного акта, применяемого по соглашению сторон. Такую функцию, применительно к спорам, возникающим в сфере предпринимательской деятельности, могла бы взять на себя Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Это особенно бы повлияло на более широкое использование при разреше-

ний конфликтов претензионного порядка на основании договора сторон. Сегодня стороны сталкиваются со следующими сложностями. Ведь для того, чтобы рассматриваемая процедура приобрела обязательный характер, необходимо включение в договор четкой оговорки об обязательном досудебном урегулировании спора, исключающей иное толкование. Кроме самого условия стороны должны согласовать и соответствующую процедуру: порядок, сроки предъявления претензии и ответа на нее. И в этом плане основательно помогал бы рекомендательный акт.

Основное назначение альтернативного разрешения состоит в быстром урегулировании разногласий, а также в недоведении до государственного суда бесспорных или несложных споров, в отсеивании ненужных дел. В этом большую роль как раз и может сыграть основанный на соглашении сторон претензионный порядок, в котором заинтересованы как сами стороны, так и арбитражные суды, перегруженные сложнейшими делами о банкротстве и спорами, возникающими из административно-правовых отношений. В этой связи необходимо обеспечение субъектов конфликта быстрой, необременительной процедурой (правилами ее применения), которой они могли бы воспользоваться по взаимному соглашению до обращения к правосудию.

К числу менее известных на практике и слабо разработанных в теории российского права относится такая альтернативная форма, как посредничество. Вместе с тем ее перспективы несомненны, не случайно она получает распространение не только в чистом виде, но и в форме многообразных комбинированных процедур.

Для признания и распространения в России посредничества как альтернативной формы разрешения правовых споров и конфликтов требуются серьезные усилия со стороны государства, общества, профессионалов.

Посредничество, занимая промежуточное положение, не может развиваться само по себе как переговоры и не должно быть ограничено законодательными рамками как третейское разбирательство, оно нуждается лишь в частичном правовом регулировании. Определенный шаг в этом направлении государством уже сделан.

Впервые в российском арбитражном процессе закреплено право сторон обратиться к посреднику в целях урегулирования спора (п. 2 ч. 1 ст. 135, ч. 2 ст. 158 АПК РФ). Таким образом, к участию в разрешении конфликта и для выполнения задач судопроизводства могут привлекаться иные лица, неизвестные ранее арбитражному законодательству.

Итак, государством санкционировано применение посредничества как одной из частных альтернативных процедур в арбитражном процессе, но это также необходимо сделать и в гражданском процессе, и подходящими для данной цели являются нормы, которые закрепляют право на обращение в третейский суд, т. е. к ним необходимо добавить и право на обращение за разрешением спора к посреднику, содействующему достижению соглашения сторон. Уточнение в законе о функции посредника бу-

дет иметь немаловажное значение, т. к. позволит сторонам ориентироваться в сущности процедуры и отграничивать ее от третейского суда. Право на обращение к посреднику должно также разъясняться сторонам судьей в ходе подготовки или разбирательства дела в суде. В арбитражном процессуальном законодательстве подобная норма сейчас имеется, ее необходимо включить и в ГПК.

Судья арбитражного суда должен разъяснять сторонам не только их право урегулировать спор путем посредничества или других альтернативных процедур, но и последствия совершения или несовершения таких действий (имеются в виду такие благоприятные последствия, как более быстрый процесс урегулирования спора вне судебного заседания, нежели его рассмотрение по общим правилам судопроизводства, что позволит сторонам выиграть время, сократить судебные издержки, размер которых тем выше, чем длительнее судебное разбирательство, сохранить партнерские, деловые отношения и т. п.).

Для перспективного развития посредничества важен вопрос о терминологии. В отечественной литературе, посвященной исследованию рассматриваемого института, стали появляться термины «медиация» («mediation») и «медиатор» («mediator»). Такая терминология не соответствует российским правовым традициям. Она неприемлема, во всяком случае на законодательном и профессиональном уровнях. Для русскоязычного обозначения данной процедуры, на что указывает и Е. И. Носырева, более соответствуют понятия «посредник» и «посредничество». «Эти термины, забытые и иногда воспринимаемые в современном обществе с негативным оттенком, существовали с древнейших времен. Они, как и сама процедура, должны занять сегодня соответствующее место в правосознании и в системе частных альтернативных форм урегулирования правовых споров и конфликтов» [2, с. 58 — 59].

На законодательном уровне желательно определить термины: «посредник» — лицо, прошедшее специальную подготовку и способное в силу этого помочь сторонам в их примирении; «посредничество» — урегулирование спора между сторонами с участием третьего лица (посредника) с целью выработки взаимоприемлемого соглашения сторон о примирении.

В проекте Арбитражного процессуального кодекса существовали отнюдь не бесспорные положения относительно сути посредничества, полномочий посредника и порядка его назначения судом. Не вдаваясь в оценку указанных положений, хотелось бы отметить в качестве положительного момента им присущие детальное определение процедуры назначения посредника, правовые последствия, возникающие при этом, установление требований для посредника. В принятом и введенном в действие Арбитражном процессуальном кодексе этих норм нет, а потому по поводу института посредника новый АПК больше ставит вопросов, чем пытается на них ответить.

Один из важнейших вопросов связан с уяснением правового положения посредника. Посредник не является участником арбитражного процесса,

это субъект других отношений. Но каких? И кто может быть посредником? По нашему мнению, посредником может быть любое лицо, которому доверяют стороны и с которым они заключили гражданско-правовой договор на оказание посреднических услуг (гражданско-правовые отношения). В статье 138 Проекта Арбитражного процессуального кодекса предусматривалось, что посредник назначается из числа арбитражных заседателей, обладающих квалификацией, отвечающей существу возникшего спора, судей в отставке или иных лиц, рекомендованных сторонам арбитражным судом [3, с. 27]. Полагаем, что подобное предложение не являлось удачным.

Развитие института посредничества и появление лиц, занимающихся посреднической деятельностью, — задачи совместных действий и государства и гражданского общества. Однако государство, являясь гарантом гражданских прав, на сегодняшний день пока не создало необходимых условий и стимулов для этого, в том числе и законодательных. Неопределенность относительно правовой природы посредничества, отсутствие процессуального порядка привлечения посредника к разрешению конфликта вполне вероятно, что выявят нежизнеспособность существующих в АПК РФ норм, закрепляющих право обращения к данному институту.

Следует согласиться с тем, что посредничество как форма разрешения юридических конфликтов не нуждается в подробной законодательной регламентации, ибо практически всегда действует вне рамок судебной системы, т. е. находится в сфере частного правового регулирования и не может осуществляться по готовому шаблону, поэтому вопросы структуры, отдельных процедур осуществления посредничества должны оставаться на усмотрение посредника и конфликтующих сторон, а в законодательном порядке необходимо решить лишь ряд проблем: что такое процедура посредничества, в чем она выражается, каким требованиям должна соответствовать, какие цели должна преследовать, на какой правовой основе должна базироваться, кто может заниматься посредничеством, какие требования должны предъявляться к профессиональным посредникам (получение специального образования, наличие соответствующей лицензии, установление правил профессиональной этики для посредников).

Необходимо обозначить профессиональную ответственность посредника и предусмотреть в законодательстве наказание за разглашение посредником информации, полученной во время процедуры посредничества (разглашение информации, ставшей известной всем участникам посредничества, возможно только с их общего согласия).

Посредничество как более формализованная, чем переговоры, процедура, для того чтобы быть эффективным должно осуществляться в определенных границах и последовательности. Стороны, выбирая по своему соглашению посредника и не зная порядка самой процедуры, вряд ли сами в состоянии заранее определить все необходимые положения (процессуальные правила). Практика показывает, что субъектам конфликта, договорившись об использовании той или иной фор-

мы разрешения их спора, легче подчиниться каким-либо уже существующим правилам ее применения. Поэтому представляется целесообразным осуществлять разработку типовых процедур посредничества органами, заинтересованными в развитии альтернативного разрешения споров и осуществляющими их поддержку (ими могли бы быть, например, различные примирительные центры, а также торгово-промышленные палаты, профессиональные ассоциации и иные организации, при которых уже созданы постоянно действующие третейские суды).

Важна разработка типовых документов. Сегодня уже имеется много проектов договоров и соглашений о посредничестве, применимых в основном в сферах предпринимательской и иной экономической деятельности. Всегда после успешного завершения процедуры посредничества также необходимо составление итогового документа, в котором должны учитываться мнения сторон и четко излагаться принятые участниками решения, их текущие намерения и варианты поведения в будущем.

Посредничество возможно по взаимному согласию сторон, и форма такого соглашения может быть различной, в том числе и письменной. Стороны могут предусмотреть посреднический порядок рассмотрения споров, внеся в заключаемый между собой договор посредническую оговорку. Включение в договоры, контракты пункта о рассмотрении возможных разногласий путем посредничества (посреднической оговорки) может существенно активизировать в нашей стране применение данного института.

В современных условиях более широкому и повсеместному применению посредничества в России препятствуют не только отсутствие надлежащей правовой базы, но и многие другие факторы. Для более активного применения посредничества в разрешении правовых споров и конфликтов необходимо также осуществлять всестороннюю просветительскую работу, доводить информацию о существующих потенциале и возможностях института посредничества до конечного потребителя посреднических услуг — физических и юридических лиц, объяснять им цели, задачи и функции посредничества (хороший эффект могут иметь информационные письма, организация семинаров, публикации в прессе и т. д.). Важно проводить многостороннюю подготовку специалистов в этой области, а также повышение квалификации по данному направлению; необходимо разработать стандарты и рекомендации, применимые при обучении посредников.

В целом, вместо того, что сейчас называется «альтернативными формами» вскоре, на наш взгляд, появятся способы урегулирования, которые станут частью обычной юриспруденции и будут помогать судьям, адвокатам и судящимся сторонам в достижении скорых эффективных и удовлетворяющих решений дел. Использование инструментов альтернативного разрешения конфликтов — это часть нового направления, приносящего дыхание свежести нашей правовой системе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Венгеров А. Б.** Теория государства и права : учеб. М., 1998.
2. **Носырева Е. А.** Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.
3. **Шерстюк В. М.** Новые положения проекта третьего Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / В. М. Шерстюк. М., 2001.

Поступила 11.09.06.

ОБЩИЕ ЗАДАЧИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

А. А. БРЫЖИНСКИЙ, кандидат юридических наук
Т. В. ХУДОЙКИНА, доктор юридических наук

Переход нашей страны к рыночным экономическим отношениям, правовое регулирование последних на основе нового законодательства в большей степени открывают возможности для негосударственного разрешения конфликтов, позволяющего существенно разгрузить государственную судебную систему. Оно рассматривается как альтернатива государственному правосудию и поэтому называется альтернативным (также используются термины «несудебное», «досудебное» и др.) разрешением споров и конфликтов.

Негосударственное (альтернативное) урегулирование (разрешение) конфликтов — это разрешение разногласий и противоборств с помощью альтернативных (негосударственных) форм. Практической юриспруденции известны следующие негосударственные формы (процедуры):

— урегулирование возникающих правовых конфликтов усилиями конфликтующих сторон путем реализации различных примирительных, согласительных процедур (проведение переговоров непосредственно конфликтующими сторонами либо, например, в экономических конфликтах, осуществление претензионного производства, в конфликтах, возникающих между органами государственной власти, создание согласительных, паритетных комиссий и др.);

— урегулирование правовых конфликтов с помощью посредников;

© А. А. Брыжинский, Т. В. Худойкина, 2006

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-00224а.

— рассмотрение и разрешение конфликтов в третейских судах;

— заключение сторонами мировых соглашений и др.

К преимуществам альтернативных форм, способов, основанных на достижении соглашений между спорящими сторонами, относятся:

— возможность самостоятельного выбора сторонами нейтрального третьего лица (посредника, третейского судьи) для разрешения конфликта;

— контроль каждой из сторон над процедурой разбирательства;

— снижение материальных затрат одновременно с выигрышем во времени;

— более широкие возможности для достижения обоюдно приемлемого результата;

— конфиденциальность процедуры (отсутствие возможности у третьих лиц знакомиться с обстоятельствами конкретного спора — гарантия сохранности коммерческой или личной тайны);

— возможность сохранить деловые отношения с партнером, с которым возник конфликт, одновременно сохранение собственной репутации в глазах третьих лиц, не обращаясь в суд.

Несмотря на все свои положительные свойства и последствия альтернативное разрешение правовых споров и конфликтов, безусловно, не лишено недостатков, которые заключаются в следующем:

— альтернативные формы не являются подходящими для споров, содержащих сложные правовые вопросы (они более применимы в вопросах установления фактов, но не права);

— альтернативные процедуры с их консенсуальной природой могут оказаться неэффективными по спорам с множественностью сторон в силу того, что трудно добиться соглашения между двумя сторонами и почти невозможно, если их будет больше;

— применение альтернативных способов всегда требует хотя бы минимального сотрудничества между сторонами (это можно рассматривать и как достоинство, но иногда оно превращается в ограничивающий факт). Если стороны не желают контактировать друг с другом, использование альтернативных процедур не имеет смысла;

— предложение использовать альтернативное разрешение конфликта, исходящее от одной стороны, может рассматриваться другой стороной как проявление слабости ее позиции в споре, признание вины и как средство необоснованного уклонения от юрисдикции государственного суда. При таком неправильном понимании сущности примирительных процедур одной из сторон вряд ли следует говорить о возможности разрешения спора без вмешательства суда;

— в качестве сдерживающих причин применения альтернативного разрешения конфликта указывается также заинтересованность участников спора в возможности сохранения права апелляции судебного решения или в привлечении общественного внимания к той или иной проблеме, наконец, в необходимости «замедленной тактики», когда какой-либо стороне выгодна отсрочка в разрешении спора [1, с. 66 — 67].

Следует отметить, что указанные недостатки не являются неотъемлемо присущими негосударственной систе-

ме разрешения конфликта, а связаны либо с непониманием альтернативных процедур, либо с их неправильным применением.

Недостатки сводятся к минимуму, а преимущества эффективны там, где альтернативные процедуры оптимально соответствуют спорной ситуации и конкретным обстоятельствам дела. Поэтому основной вопрос для сторон конфликта заключается в том, чтобы правильно выбрать подходящий способ из всего многообразия альтернативных форм.

В условиях развития экономической свободы, делового сотрудничества субъекты правоотношений все более заинтересованы в гибких, оперативных формах урегулирования разногласий, а не в длительной, дорогостоящей судебной процедурс.

Исходя из анализа практики, можно констатировать, что развитие негосударственного урегулирования конфликтов в России находится в начальном состоянии. Если третейские суды являются в известной мере традиционной формой для правовой практики Российской Федерации, то переговорные методы, посредничество являются новыми методиками для современной России.

Неиспользование в нашей стране результативных процедур урегулирования правовых конфликтов можно объяснить специфическими российскими условиями, где ни одно новшество в правовой сфере не приживается без прямого указания закона, незнанием сути и эффективности данных процедур заинтересованными лицами (спорящими сторонами, представителями государственных органов, широкой юридической общественностью), неумением многих практикующих юристов использовать потенциал, заложенный в названных процедурах.

Пока наша система юридического образования, правоприменительная и правоохранительная практика, нацеливая юриста на знание права, умение применить и охранить правовую норму, недооценивает приемы и процедуры, изучаемые психологией и конфликтологией. Но сегодня юристы оказались в сложной ситуации, знание законов и правовых норм явно недостаточно для их успешной профессиональной деятельности. Поиск компромисса в разрешении правовых споров и конфликтов становится необходимым элементом юридической практики. Это обстоятельство является стимулом обращения юристов к юридической конфликтологии.

Выделение юридической конфликтологии как специальной комплексной учебной дисциплины диктуется необходимостью подготовки нового поколения специалистов для правоохранительных и правоприменительных органов. Овладение юристами хотя бы основными методами разрешения конфликтов в правовой сфере является одной из выгодных и перспективных сторон их профессионального совершенствования.

Нерешенность многих теоретических задач в сфере альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов, а также большая практическая необходимость в развитии данного механизма стали предпосылками обращения авторов к данной проблематике, социальная и научная значимость которой дает возможность

предполагать, что в дальнейшем она привлечет знимание большого числа ученых и практиков.

Введение упрощенных форм разрешения конфликтов не противоречит исторически сложившимся правовым традициям. Для российского общества и правопонимания нет ничего чуждого в обращении к негосударственным, согласительным, примирительным способам урегулирования споров.

Практические потребности общества в альтернативном разрешении правовых споров и конфликтов, область теоретических исследований и степень законодательного регулирования свидетельствуют о том, что сегодня есть определенные предпосылки для дальнейшего перспективного развития сферы альтернативного разрешения споров, но говорить о ее достаточном развитии в России пока еще рано. Данный процесс не может быть быстрым и насильственным (в США, например, официальное развитие альтернативного разрешения споров, их экспериментальное внедрение в судопроизводство связывается с началом 70-х гг., т. е. более 30 лет понадобилось для того, чтобы эта сфера стала неотъемлемой частью американской правовой системы).

Необходимо учитывать, что большинство альтернативных процедур, основанных на соглашении участников спора и ими же применяемых, и в этом плане характеризующихся определенной степенью саморазвития и саморегуляции, в то же время не могут и не должны развиваться сами по себе и вне правовой сферы. Их существование невозможно без вмешательства государства, роль которого сводится к официальному признанию внесудебной системы альтернативного разрешения правовых конфликтов и обеспечению надлежащих условий ее функционирования.

Для успешного применения альтернативных форм разрешения правовых споров и конфликтов в нашей стране необходимо на законодательном уровне решить еще множество острых вопросов, например таких, как влияние процедуры на течение срока исковой давности по данному спору, пределы конфиденциальности процедуры, подготовка, аккредитация и профессиональная ответственность посредников, юридическая сила соглашений о посредничестве и др.

Общие задачи ближайшего развития альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов (далее АРСК) в России должны быть следующими:

— широкие слои общественности должны быть проинформированы о существовании и возможностях альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов;

— особое внимание должно быть обращено на привлечение внимания СМИ к проблемам становления и развития АРСК в России (вовлечение журналистских сообществ, издание отчетов, подготовка информационных бюллетеней, журнальных изданий, подготовка и проведение информационно-обучающих семинаров и т. п.);

— государственные органы (законодательные и исполнительные) должны в максимально возможной степени привлекаться к участию в дискуссиях, пресс-конференциях, круглых столах, посвященных проблематике АРСК;

— необходимо сконцентрировать усилия на создании практических прецедентов по альтернативному разрешению споров и конфликтов в различных сферах деятельности общества и государства. Особенно важно проводить эту работу в регионах России. Необходимо направить усилия на создание обширной отраслевой базы данных прецедентов, издание и широкое распространение отчетов по прецедентам;

— правоведы и юристы, ученые и преподаватели вузов должны получить широкий доступ к опыту зарубежных АРСК-образований. В учебные программы вузов необходимо включить курсы и спецкурсы по зарубежным и отечественным АРСК. Преподавание подобных курсов («Юридическая конфликтология», «Коллизионное право», «Третейский суд», «Альтернативные способы разрешения правовых споров и конфликтов» и др.) должно быть основано на формировании у студентов-юристов новой психологии, ориентированной на альтернативное разрешение споров, а не на неизбежность судебной тяжбы; на приобретении практических навыков участия в примирительных процедурах;

— необходимо внести изменения в действующий Государственный образовательный стандарт, включив в него изучение проблем юридической конфликтологии в качестве обязательного элемента профессиональной программы подготовки юристов;

— в 2005 г. в России разработан (рабочей группой ТПП РФ) и обсуждается (государственными структурами и общественностью) проект Федерального закона «О примирительной процедуре с участием посредника (посредничестве)», основанного на Типовом законе ЮНСИТРАЛ «О международной коммерческой согласительной процедуре». С момента первой публикации законопроекта в журнале «Третейский суд» авторы провели его серьезную доработку с учетом экспертных заключений, поступивших в Торгово-промышленную палату РФ от Государственно-правового управления Президента РФ, Министерства юстиции РФ, Федеральной нотариальной палаты, Правительства Москвы, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Уральской государственной юридической академии, других организаций и специалистов в области альтернативного разрешения споров [2, с. 6 — 11]. Необходимо продолжить эту работу и ускорить принятие закона;

— важно формировать общественное движение по АРСК. Представляется перспективным проведение конференций и семинаров, на которых должны получить широкое обсуждение принципы формирования и функционирования АРСК, регламенты, процедуры посредничества, положения третейских судов, этические и квалификационные нормы и требования к персональному составу посредников и судей;

— важно установление рабочих связей с ассоциациями и организациями, занимающимися проблемами альтернативного разрешения споров за рубежом (с такими как, например, Американская ассоциация арбитража и др.).

При решении любых вопросов, связанных с разработкой концепции негосударственного (альтернативного) разрешения споров и конфликтов в России, главный подход должен состоять в понимании того, что развитая система несудебных процедур, в конечном итоге, отвечает приоритетам любого правового государства. Эти приоритеты заключаются в создании эффективной судебной системы; в снижении объема судебных дел и затрат, связанных с их рассмотрением; в обеспечении быстрого урегулирования конфликтов и погашении их отрицательных последствий; в поощрении такого урегулирования конфликтов, которое соответствует интересам сторон; в обеспечении доступности и разнообразия процессуальных форм.

За негосударственным урегулированием конфликтов, безусловно, будущее, поэтому необходимо использовать все возможности в данном направлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Носырева Е. И.** Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США. Воронеж, 1999. С. 66 — 67.

2. Последний вариант законопроекта: Проект Федерального закона «О примирительной процедуре с участием посредника (посредничестве)» // Третейский суд. 2005. № 5. С. 6 — 11.

Поступила 14.09.05.

Редакторы: *Р. Н. Бусарова, Т. Б. Гутова*
Корректоры: *Ж. В. Мотькова, Е. В. Панина*
Компьютерная верстка: *В. С. Афанасьев*

Подписано в печать 17.10.06. Формат 70 x 100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Antiqua.
Усл. печ. л. 15,28 + 0,65 (вкл.). Уч.-изд. л. 12,62 + 0,75 (вкл.).
Тираж 200 экз. Заказ № 2040. Цена свободная.

Типография Издательства Мордовского университета
430000, Саранск, ул. Советская, 24

ISSN 0236—2910
ВЕСТН. МОРД. УН-ТА. 2006. № 1. С. 1—188.